

**Вестник
Бунинского общества России**

БУНИН И РОССИЯ

Юбилейный выпуск

**150 лет со дня рождения
И.А. Бунина
1870 – 1953**

**ВЕСТНИК
БУНИНСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ**

БУНИН И РОССИЯ

Юбилейный выпуск

150-летию со дня рождения
Ивана Алексеевича Бунина
посвящается

Москва 2020

УД 584.1

Вестник Бунинского общества России. БУНИН И РОССИЯ.
Юбилейный выпуск к 150-летию И.А. Бунина. Составитель
Д.М. Минаев. Редактор Г.И. Пикулева. М.: ОО «БУНИНСКОЕ
ОБЩЕСТВО РОССИИ». 2020. – 328 с.

По инициативе Общественного объединения «Бунинское общество России» Юбилейный Вестник выполнен к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина

Вестник адресован специалистам-филологам, историкам, краоведам, музейщикам, буниноведам, почитателям творчества И.А. Бунина, всем, кто интересуется жизнью и творчеством нашего великого писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе 1933 года.

ISBN

© Д.М. Минаев, составитель, 2020
© Бунинское общество России, 2020

На обложке: портрет И.А. Бунина, специально написанный заслуженным художником РФ Никасом Сафроновым для передачи в дар Библиотеке имени Ивана Бунина.

Предисловие редактора

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ СЛОВА

Иван Алексеевич Бунин завещал грядущим поколениям беречь и приумножать «Наш дар бессмертный – речь». Являясь наследником классических традиций литературы России, великий писатель, творивший на рубеже 19-го, первой половины 20-го столетия, возвысил «в меру сил» значение отечественного Слова, каждая фраза в его прозаических и поэтических произведениях отзывается патристическим смыслом и совершенством слога в наших умах и сердцах. И.А. Бунин получил высокое признание своих соотечественников и мировой общественности, которое выразилось в присуждении ему Пушкинской и Нобелевской премий. Вслед за выдающимся мастером российской словесности лучшая европейская награда была присуждена его идейным и художественным последователям, и теперь мы говорим о целостном нобелевском направлении в современной культуре России.

В октябре 2020 года отмечается 150-летие со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина. Этому знаменательному событию посвящён юбилейный Вестник Бунинского общества России, в который вошли публикации, подробно освещающие творческий путь знаменитого литератора на его Родине и во время пребывания в эмиграции в Зарубежье. Открывают издание официальные материалы о подготовке к празднованию знакового для нашей страны события в истории русской литературы.

Общественное объединение Бунинское общество России работает уже на протяжении пяти лет со дня его орга-

низации в сентябре 2014 года. Среди разнообразных проектов Бунинского общества России – участие в фестивалях, научных конференциях, мероприятиях в бунинских музеях в центральной части страны, совместно с краеведами возрождаются стены храмов, некрополь родных писателя, в местах его юности проводились археологические раскопки, устанавливаются в честь И.А. Бунина мемориальные доски. Бунинское общество России ставит вопрос перед руководителями Москвы об открытии музея в честь лауреата, увенчанного Нобелевской премией и посвятившего нашей столице почти тридцать лет жизни.

В состав общества входят исследователи, которые выпустили книги и публикации о многогранной личностной биографии Бунина и его стилевом новаторстве, включившем амплитуду аспектов – от сложившихся в предшествующую эпоху натурального реализма и романтических тенденций до манеры импрессионизма и знакового символизма в переломный и драматический период летоисчисления. Статьи, отличающиеся новизной воззрений в трактовке произведений, составляющих золотой фонд Собрания сочинений И.А. Бунина, включены в юбилейный Вестник Бунинского общества России. Вместе с признанными авторами на страницах издания мы встречаем представителей «племени» молодого и незнакомого, которые доказывают, что эстафетную палочку в исторических и словесных воззрениях они несут к ещё непознанным горизонтам.

В Вестнике предстаёт в деталях обширная география расселения родных Бунина – от Тулы до Воронежа, от Липецка, Орла до Ельца и Ефремова. Важным фактором при этом является уточнение подробностей родословной линии Буниных, корни которой идут из глубины древних веков и имеют доподлинное русское происхождение, а возникновение фамилии соотносится с распространенным народным названием.

Находясь в стороне далёкой от родного края, в трудных обстоятельствах чужбины, Бунин обращался взором к земле, воздвигнутой руками предков. Пройденные писателем «полевые пути меж колосьев и трав» находят отклик, как в камерном чтении, так и в наполненных залах, где исполняются бунинские литературные композиции. В издании ведётся рассказ о переживаниях их участников, соединённых в едином дыхании с искренними эмоциями зрителей.

К 150-летию юбилею И.А. Бунина литераторы, которые живут в городах и селениях, где часто бывал писатель и оставил записи в дневниках и письмах к друзьям, подготовили поэтический венок из звонких и лирических строчек. Это свидетельство неугасимого гуманитарного начала в судьбе динамично развивающегося общества, противостоящего технологическим установкам в мышлении, которое предполагает прагматичный 21 век. Сохраняется «незабвенный след» деятельности выдающегося творца Слова, его памятный портрет воссоздаётся на палитре искусства яркими и светоносными красками.

Галина Пикулева,

Кандидат искусствоведения

Редактор Вестника БОР

К 150-летию со дня рождения И.А. Бунина

7 августа 2018 г.

Указ Президента РФ «О праздновании 150-летия со дня рождения И.А. Бунина»

Указ Президента РФ от 30 июля 2018 г. N 464 «О праздновании 150-летия со дня рождения И.А. Бунина»

7 августа 2018

Учитывая выдающийся вклад И.А. Бунина в отечественную и мировую культуру и в связи с исполняющимся в 2020 году 150-летием со дня его рождения, постановляю:

1. Принять предложение Правительства Российской Федерации о праздновании в 2020 году 150-летия со дня рождения И.А. Бунина.

2. Правительству Российской Федерации:

образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения И.А. Бунина и утвердить его состав;

обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения И.А. Бунина.

3. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации принять участие в подготовке и проведении мероприятий, посвящённых празднованию 150-летия со дня рождения И.А. Бунина.

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации В. Путин

Москва, Кремль

30 июля 2018 г.

№ 464

22 декабря 2018 г.
ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РАСПОРЯЖЕНИЕ
от 22 декабря 2018 г. № 2911-р

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 30 июля 2018 г. № 464 «О праздновании 150-летия со дня рождения И.А. Бунина» образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения И.А. Бунина и утвердить его состав (прилагается).

Председатель Правительства
Российской Федерации
Д. МЕДВЕДЕВ

Утвержден
распоряжением Правительства
Российской Федерации
от 22 декабря 2018 г. № 2911-р

СОСТАВ
ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА ПО ПОДГОТОВКЕ
И ПРОВЕДЕНИЮ ПРАЗДНОВАНИЯ 150-ЛЕТИЯ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.А. БУНИНА

Сеславинский М.В. – руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (председатель организационного комитета)

Манилова А.Ю. – статс-секретарь – заместитель Министра культуры Российской Федерации (заместитель председателя организационного комитета)

Артамонов И.Г. – временно исполняющий обязанности главы администрации Липецкой области

Бак Д.П. – директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры "Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля"

Волков В.Г. – начальник управления культуры и туризма Липецкой области

Герасимова Е.Н. – ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Григорьев В.В. – заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Деркачева С.А. – директор государственного бюджетного учреждения культуры Воронежской области Воронежский областной литературный музей им. И.С. Никитина (по согласованию)

Дуда В.В. – генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения «Российская государственная библиотека»

Ефремова В.В. – директор бюджетного учреждения культуры Орловской области «Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева» (по согласованию)

Кибовский А.В. – министр Правительства Москвы, руководитель Департамента культуры города Москвы

Ласунский О.Г. – член Общероссийской общественной организации «Союз Российских писателей» (по согласованию)

Молдован А.М. – научный руководитель федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Панов С.А. – глава городского округа города Елец Липецкой области (по согласованию)

Петров В.С. – художественный руководитель государственного бюджетного учреждения культуры Воронежской области «Воронежский государственный академический театр драмы имени А. Кольцова» (по согласованию)

Полонский В.В. – директор федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Рогачева М.В. – генеральный директор государственного казенного учреждения культуры города Москвы «Московская дирекция по развитию культурных центров» (по согласованию)

Сухачева Э.А. – руководитель департамента культуры Воронежской области

Сухенко К.Э. – председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга

Таран Ю.Н. – заместитель главы администрации Липецкой области

Щелоков И.А. – директор – главный редактор государственного бюджетного учреждения культуры Воронежской области «Журнал «Подъем» (по согласованию)

Юрасов А.В. – заместитель руководителя Федерального архивного агентства

Яйцова Н.В. – заместитель начальника отдела Департамента информационного и цифрового развития Минкультуры России

15 февраля 2019 г.
Федеральное агентство
по печати и массовым коммуникациям.
Первое заседание Оргкомитета

В Роспечати состоялось первое заседание Организационного комитета по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения Ивана Бунина, которое будет масштабно отмечаться в 2020 году.

В заседании приняли участие замминистра культуры РФ Ольга Ярилова, ректор Елецкого госуниверситета имени Бунина Евгения Герасимова и другие. Заседание провел руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаил Сеславинский.

Были рассмотрены вопросы, касающиеся ключевых юбилейных событий, запланированных на 2019-2020 годы: торжеств, международных проектов, в том числе издательских, музеев, новых экспозиций, фестивалей, выставок, культурно-просветительских мероприятий, связанных с жизнью писателя.

План проведения юбилейных мероприятий рассчитан на несколько лет в Москве, Санкт-Петербурге, а также в знаковых для писателя Ельце, Орле и Воронеже. Запланировано более 112 событий. Юбилейный вечер планируется провести в МХТ им. А. П. Чехова.

Планируется утвердить официальную символику празднования юбилея. Кроме того, от имени оргкомитета также направлено обращение руководству Центробанка России с предложением о выпуске в 2020 году памятной монеты, посвящённой юбилею нобелевского лауреата. Следующее заседание организационного комитета предложено провести на Липецкой земле осенью 2019 года.

Члены Бунинского общества России Д.М. Минаев и Н.В. Захарова участвовали в первом заседании Организационного комитета по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения И.А. Бунина в Федеральном агентстве по печати и массовым коммуникациям. В обсуждении проекта «Плана основных мероприятий» приняли члены Оргкомитета и приглашённые. Члены БОР рассказали о работе Общества и предложили мероприятия для внесения в проект Плана.

20 марта 2019 г.

**Оргкомитет по подготовке и проведению
празднования 150-летия со дня рождения
И.А. Бунина**

В утверждённый 20 марта 2019 г. Председателем организационного комитета по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения И.А. Бунина «План основных мероприятий» включены литературно-музыкальные вечера Бунинского общества России (театр-студия «Слово», руководитель О.Ю. Акакиева), посвящённые существенным аспектам жизни и творчества И.А. Бунина на различных площадках г. Москвы, а также показ моноспектакля члена БОР Н.В. Захаровой по произведениям И.А. Бунина, А.П. Чехова, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, М.А. Булгакова «Лики любви».

Юбилейный выпуск Вестника Бунинского общества России «Бунин и Россия» принят на конкурс по предоставлению государственной поддержки на выпуск, распространение и тиражирование социально значимых проектов, посвящённых жизни и творчеству И.А. Бунина, в печатных и электронных средствах массовой информации (по результатам отбора Экспертным советом Роспечати заявок от заинтересованных организаций).

С ЮБИЛЕЕМ

Юрий Алексеевич Макаров
Липецкая область, с. Становое

И.А. Бунину посвящается

*Юбилей! Долгожданное слово,
И стучат благодарно сердца.
От Парижа и до Станового,
От Стокгольма и до Ельца.*

*От Москвы златоглавой до Пскова,
От Озёрок родных до Орла.
Вспоминаем о гении снова,
Значит память святая жива!*

*Принимай поздравленья, Воронеж!
И Ефремову низкий поклон.
Город Липецк, ты Бунина помнишь.
Ялта, Бунин в тебя был влюблён.*

*Петербург, город Белгород с Курском.
Солнцу ясному в небе светить.
О желанном, о вечном, о русском,
Не устанет душа говорить.*

*Скажем Бунинским предкам спасибо,
И родителей вспомним, друзья.
Не кончается наша Россия,
И не кончится наша земля.*

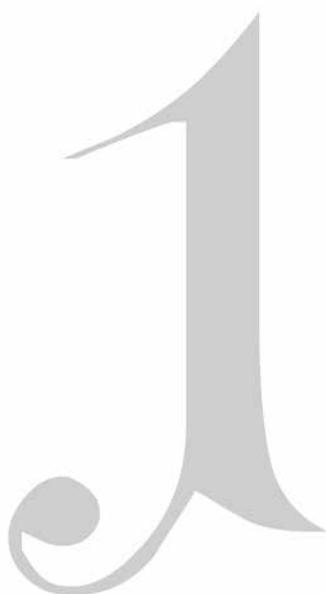
*Раскрываем любимые книги,
И от радости сердце поёт.
С юбилеем, писатель великий!
С юбилеем, великий народ!*

26 февраля 2019 г.

Воронеж. Дом, где родился И.А. Бунин

БУНИНИАНА

«СОХРАНИЛСЯ НЕЗАБВЕННЫЙ СЛЕД».

БУНИН И ХУДОЖНИКИ РОССИИ

Галина Ивановна Пикулева

*Кандидат искусствоведения,
член Международного художественного фонда,
БУНИНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
и Ассоциации «БУНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ»*

Эстетическое явление стилевой полифонии складывалось в российской культуре на протяжении её формирования в период 19-го столетия. Литературное слово, театральное действие, музыка, изобразительное искусство развивались в непосредственных контактах и оказывали значительное воздействие на творческие открытия ведущих мастеров художественных жанров. Новаторское начало взаимовлияния многообразных визуальных форм было положено А.С. Пушкиным, который впервые заговорил в поэтических произведениях на подлинном русском языке и к тому же заявил о себе как подлинный художник-график, запечатлевший собственный облик в выполненных быстрым пером автопортретах. Историческим фактом являлось общение Пушкина с живописцами О. Кипренским, В. Тропининым, которые воплотили черты Александра Сергеевича в классических портретах в технике масла.

В 60-е годы 19-го века в пореформенную эпоху отмечены крепостничества художники демократического склада – организаторы Товарищества передвижных выставок соотносили общественное содержание представленных полотен с поэзией Н. Некрасова, с прозой И. Тургенева, с драматургией А. Островского, с публицистикой В. Белинского, Н. Добролюбова.

И.А. Бунин в своих трудах довел понятие литературной полифонии до выразительного совершенства. Писатель был удостоен Пушкинской премии и тем самым был признан прямым продолжателем заветов великого поэта. Сам Иван Алексеевич к живописным опытам не прибегал. Однако родственная наследственность обнаруживалась в способностях его старшего брата Евгения Алексеевича, который создавал картины, хранящиеся в наши дни в Ефремове, в музее-усадьбе семьи Буниных.

Непосредственное общение И.А. Бунина с мастерами палитры утвердилось в его деятельности в Москве. Сохранилась запись в дневнике Валерия Брюсова, датированная 11 марта 1900-го года, поэт сообщает, что Бунин вместе с литератором В.М. Михеевым посетили дом В.М. Васнецова в 3-ем Троицком переулке и ознакомились со станковыми произведениями: «Восторгались оба безумно его новой картиной «Баян» [1].

Виктор Михайлович Васнецов являлся приверженцем исторического жанра в изобразительном искусстве, к его авторству относятся полотна «После побоища Игоря Святославича с половцами», «Борьба русских со скифами», «Богатыри». Картина «Баян» первоначально задумывалась как камерный этюд, затем в окончательном варианте приняла внушительный размер 3 на 4 метра.

Эпическое творение поражало не только внешним масштабом, но прежде всего патриотизмом идейной сущности. И.Е. Репин в письме к Васнецову высказал отзыв об изображении старца-гуслира, окружённого воинами-богатырями, сидевшими на холме у крутого берега Дона: «Какая глубина в лицах! Воскресшая жизнь седой старины!» А.М. Горький говорил А.П. Чехову: «Его «Баян» – грандиозная вещь».

Поэтическая образность стихотворения Бунина «Ковыль» напоминает о пейзажном фоне картины Васнецова, где «сонливая» степная трава колышит «вежи половецкие» и бежит «старинной былью». В эпитафии слышится слад-

козвучный голос сказителя Слова о полку Игореве: «Что ми шумить, что ми звенить давеча рано перед зорями?».

Иван Алексеевич с ранних лет жил в среднерусской полосе России, возвращаясь в родные места, он изучал и записывал обрядовые песнопения в Елецкой губернии и находил своего рода Баянов среди даровитых, хотя безвестных крестьян.

В октябре 1900 года Бунин опубликовал в журнале «Книжки Недели» стихотворение «На распутье», написанное под впечатлением от полотна Виктора Михайловича Васнецова «Витязь на распутье». Художник изобразил погруженного в былые думы воина, поминавшего походы молодости, в которых сложили головы его соратники. Он остановил коня у заброшенного надгробия – поросшего мхом камня с высеченной надписью о непроходимых для человека былинных дорогах. В поэтических строках Бунин вслед за живописцем задавался неразрешимым вопросом:

*Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах...
Но куда и как по ним идти?..*

*И один я в поле, и отважно
Жизнь зовёт, и смерть в глаза глядит...
Чёрный ворон сумрачно и важно,
Полусонный, на кресте сидит.*

Стихотворение-легенда было помещено в опубликованном в 1901 году сборнике «Листопад» с посвящением Виктору Михайловичу Васнецову.

В марте 1901 года писатель И.А. Эртель в письме к Бунину отмечал: «От ваших стихов на меня почти всегда веет свежестью и простотой нашей милой природы»./2 Он имел в виду поэму «Листопад», которая дала название новой книге. В газете «Курьер» была помещена статья С. Глаголя, от-

мечавшего пейзажность поэзии Бунина: «Всюду перед вами не просто красота природы, но отражение её в чуткой и впечатлительной душе поэта, где она будит целый строй тонких и тоже полных красоты ощущений и образов». Там же приводилось смысловое сравнение: «В области стиха это такой же художник, каким был покойный Левитан в живописи» [3].

Исаак Ильич Левитан ушёл из жизни в 1900 году. В письме от 2 августа Н.Д. Телешов сообщил Бунину: «К похоронной веренице присоединились ещё двое: Левитан и Вл. Соловьев – что же это? Это уже почти касается нас». /4 Бунин встречался с художником на литературных Средах в Москве. Он видел его камерные произведения в кабинете А.П. Чехова на Белой даче в Крыму. Как вспоминала художница Т. Дроздова, в январе 1900 года в Ялту приехали Бунин и Левитан, совершавшие прогулки в компании с Марией Павловной Чеховой. В подражание Исааку Ильичу Иван Алексеевич стал шутливо называть сестру Чехова Мафой.

В конце лета 1900 года Бунин создавал поэму «Листопад» в унисон с красочной палитрой полотна «Золотая осень» Левитана. Эта картина принадлежала к мажорному этапу 1895 года, когда кисть мастера наполнилась силой и энергией. В живописной композиции преобладали мазки жёлтого, зелёного растительных цветов, органично переходивших в безграничную голубизну небесного свода, отражавшегося в медленно текущих водах широкой реки.

В прологе бунинского «Листопада» чувствуется перекличка с гармонией настроения, свойственного Левитану:

*Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Весёлой, пёстрой стеной
Стоит над светлою поляной.*

После возвышенного запева следовало описание минорного состояния природы в канун суровых часов преддизья.

Перед взором Бунина словно возникали философские пейзажи Левитана «Над вечным покоем», «У омута», наполненные грозowymi предчувствиями неизбежного всемирного кризиса:

*Последние мгновенья счастья!
Уж знает Осень, что такой
Глубокий и немой покой –
Предвестник долгого ненастья.*

Долговременное общение связывало Бунина с И.Е. Репиным. В опубликованной в Париже в 1950 году книге «Воспоминания» Бунин рассказал об их встречах в Петербурге. Репин предложил Ивану Алексеевичу написать его портрет и пригласил приехать на дачу в Финляндию: «Я с радостью поспешил к нему; ведь какая это была честь – быть написанным Репиным!» [5]. Живописец создал целую галерею людей русской культуры – Модеста Мусоргского, Федора Шаляпина, Павла Третьякова.

Стояла зимняя пора, дом в Пенатах утопал в глубоких снегах, Илья Ефимович повёл Бунина в мастерскую, где властвовал мороз, как на дворе: «Вот тут я буду вас писать по утрам». Опасаясь простуды, Иван Алексеевич под предлогом городской занятости уехал в Петербург. Но это не означало охлаждения в отношениях. Непосредственная близость проявлялась в общих принципах творческой деятельности.

*И. Репин. Автопортрет.
1887 г.*

Илья Репин, один из основоположников Товарищества передвижников, в совершенстве владел воплощением

в живописи психологических состояний человеческих характеров, будь то погружённая в мрачные помыслы «Царевна Софья Алексеевна», заточённая в монастырь за неповиновение Петру Первому в бунте стрельцов, или «Бурлаки на Волге», от седовласых мудрецов до молодых парубков, тянувших баржу с не принадлежавшим никому из них богатством страны. Жанр портрета являлся для мастера подлинной лабораторией для наблюдения за человеческими типами, с поразительной точностью он запечатлел на холсте гениальную сосредоточенность Л.Н. Толстого, с настроением отцовства он воплотил детскую непосредственность дочери Веры в картине «Стрекоза».

Иван Бунин в прозаических произведениях со столь же глубокой наполненностью передавал портретный облик каждого персонажа, создавая тем самым энциклопедию русской жизни – народной, крестьянской, демократической и артистичной. В рассказе «Худая трава» изможденный, скуластый крестьянин Аверкий ожидал скорый смертный час, а в «Лёгком дыхании» гимназистка Оля Мещерская красовалась перед сверстницами в грациозных девичьих движениях.

Одна из встреч Бунина и Репина произошла в Москве, в ресторане «Прага», когда живописец отмечал реставрацию картины «Иван Грозный и сын его Иван», испорченной вандалом, не выдержавшим страшного взгляда отца, который нанёс смертельный удар невинному отроку. Ощущение гибельности нравственных устоев явствовало в сознании писателя и художника в обрушенном войнами и социальными взрывами 20-м столетии. Оба они после октябрьского переворота оказались в вынужденной эмиграции за пределами России. Илья Ефимович Репин в одиноких промёрзших Пенатах создавал полотно-реквием «Голгофа».

В 1919 году ученик Репина художник Петр Нилус работал над портретом Бунина. «Ах, если бы мне его краски! – восклицал Илья Ефимович. Это изображение является сви-

детельством перелома в жизни писателя, когда он покинул охваченную гражданскими противостояниями Москву и находился в Одессе перед отъездом в эмиграцию. В композиции Нилуса лицо Бунина напряжено и сосредоточенно в обдумывании содержания дневниковых записей «Окаянные дни».

В статье «Памяти П.А. Нилуса» Иван Алексеевич отмечал привлекательные черты натуры многолетнего друга: «Был он и талантливый беллетрист, ...был тонким знатоком музыки, обладал чуть ли не абсолютным слухом; пленял всех знавших его добротой, благородством, вечной молодостью сердца»[6]. Иван Алексеевич изложил в газете «Русские новости» моменты биографии художника. Петр Александрович Нилус родился в 1869 году в Подольской губернии, переехал с матерью в Одессу, учился в рисовальной школе Одесского общества изящных искусств у К. Констанди. В 1889 году он поступил в Петербурге в Академию художеств, работал в мастерской у Репина. После возвращения в Одессу Нилус вошёл в Товарищество южнорусских художников, собиравшихся по четвергам в доме Е.И. Буковецкого. По воспоминаниям В.Н. Муромцевой это был состоятельный человек с большим вкусом, который писал портреты. Одно из его полотен было приобретено Третьяковской галереей. Нилус и Буковецкий совершали совместные поездки по странам Европы и собрали коллекцию картин западных мастеров.

Приезжая в Одессу, Бунин бывал на четвергах у Буковецкого, в присутствии доброжелательных слушателей читал свои и чужие произведения. В статье «Бунин и его творчество» Петр Нилус отмечал, что Иван Алексеевич «от-

П. Нилус. Автопортрет в котелке. 1935 г.

давал друзьям весь свой смех, всю свою молодую радость». Его привлекал царивший на шумных собраниях «дух скептицизма, весёлой шутки, незлобивой насмешки, дух правды» [7].

Бунина и Нилуса соединяла длительная переписка. Художнику посвящён первый вариант стихотворения «Одиночество»:

*Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.*

Общение с Нилусом определило сюжетную линию в рассказе «Галя Ганская». В.Н. Муромцева писала: «Прототип художника – Нилус».

В 1919 году Петр Александрович покидает Россию, живёт в Болгарии, в 1923 году приезжает в Париж и занимает квартиру в одном доме с Буниным на улице Жака Оффенбаха. Непосредственно наблюдавший за трудами друга Иван Алексеевич называл его художником – поэтом: «П.А. всё более и более тяготел впоследствии к романтике пейзажа; в Париже он работал особенно много, достиг полного расцвета и разнообразия своего дарования».

Картину «Поэт осенью» живописец посвятил Пушкину. У каждого из литераторов и художников, оставивших Родину, было своё ощущение пушкинского Болдина. У Бунина оно выразилось в рассказе «Холодная осень», действие которого разворачивалось в одинокой Ницце. Написанные во Франции природные картины Нилуса соотносятся с поэтическими строчками: Здесь жизнь до весны умерла, До весны опустели сады». В акварели «Сад под снегом» замерзшие соцветья розария утратили летнюю привлекательность. Прохладная гладь морской воды преобладала в серо-голубом колорите полотна «Порт». Мастер выполнил серию видов Парижа, повседневных для жителей города – «Строящийся дом», «Шоссе де ля Моэтт», «После дождя». Манера

письма Нилуса в тридцатые годы соотносится с приемами французских импрессионистов, но это стилистика затенённых полутонов, в ней нет радужного спектра красочных мазков, присущих Клоду Моне и Огюсту Ренуару.

Относящиеся к этому времени натюрморты принято называть как «белое Нилуса». Художник декоративен в постановочных композициях «Белый сервиз», «Белые цветы в стеклянной вазе», «Белый сервиз и нарциссы».

Наследие Петра Нилуса хранилось в парижском доме его падчерицы В.Л. Голубовской, которая передала произведения живописца в Россию, в Воронежский художественный музей. Выбор был определён тем, что в Воронеже в 1870 году родился и провёл детство Иван Алексеевич Бунин. Музей проводит памятные выставки, один из мемориальных показов был представлен в 2012-2013-ом годах в Москве, в Третьяковской галерее.

В центре зала экспонировались автопортреты Нилуса, исполненные в правилах психологического реализма, свойственного его наставнику И.Е. Репину. Рядом находились ретроспективные картины «Антракт», «Дама в красном», которые напомнили об эстетических позициях объединения «Мир искусства».

Представленные в Третьяковской галерее произведения Петра Александровича Нилуса подтвердили многообразие знаний и интересов большого мастера изобразительных жанров.

Иван Алексеевич Бунин общался с деятелями «Мира искусства» в Петербурге и во Франции. Эта художественная организация была создана в конце 1890-х годов по инициативе Александра Бенуа и Сергея Дягилева. Их постулаты развивали К. Сомов, В. Серов, А. Остроумова – Лебедева, Л. Бакст, М. Добужинский, утверждавшие право художников на свободу выражения, собственно «искусства для искусства». В своих произведениях они предпочитали обращаться к безвозвратно ушедшей эпохе барокко, воплощая

образ человека в утончённой гамме чувств, лишённых наглядной основы. В двухтомнике «Устами Буниных» есть запись Ивана Алексеевича о посещении в июне 1921 года выставки «Мира искусства» в Париже: «Хорошо, талантливо, но чувствуется во всём нарочитость страшная». Там же приводится отзыв Пабло Пикассо, лидера европейского авангарда, который указал на видимый недостаток: «Слишком много русского. Вот, например, эта красная краска, может быть, вам, русским, много говорит, а мне она ничего не говорит»[8].

В двухтомнике «Устами Буниных» помещены страницы о встречах Бунина с Львом Бакстом в июне и сентябре 1921 года, когда художник работал над его портретом: «У меня обедали Аргутинский, Бакст»... «Вечером у Аргутинских...Позднее пришли Дягилев с Бакстом.... Говорили о Мережковских...Эта компания их не очень жалуёт»...[9].

Лев Самойлович Бакст в молодости состоял вольнослушателем в Петербургской Академии художеств, выставлял свои картины в Обществе русских акварелистов. Известность он приобрел, когда вошёл в «Мир искусства». Художник сотрудничал с Александром Бенуа в издаваемом журнале и занимался там графическими работами. Одновременно Лев Бакст трудился в портретном жанре, он выполнил полупрофильный автопортрет в чёрном берете и белой свободной блузе, а также запечатлел персоны петербургской элиты – Василия Розанова, Андрея Белого, Зинаиды Гиппиус. В 1903 году он обратился к портрету жены, дочери П.М. Третьякова. В коллекцию Третьяковской галереи были переданы путевые пейзажи «Оливковая роща в Ментоне», «Вид из окна на пристань в Ментоне». Там же находится «Элизиум» – вариант занавеса для Драматического театра В.Ф. Комиссаржевской в Петербурге.

В 1910-х годах Лев Бакст сотрудничал с Сергеем Дягилевым, создал для его музыкальной антерпризы оформление балетов «Видение розы», «Нарцисс», «Послеполуденный

отдых фавна», «Дафнис и Хлоя». В костюмах по его эскизам танцевали на сцене Анна Павлова и Вацлав Нижинский. Мастер к тому же разделял взгляды приверженцев европейского крайнего символизма, в 1908 году он создал иносказательную картину «Древний ужас».

Разговоры Льва Бакста и Ивана Бунина о будивших фантазию живописца мистических видениях, сказались в обстоятельствах рассказа «Безумный художник», имевшего первоначальное название «Рождение нового человека» и опубликованного в 1923 году в парижском альманахе «Окно». При свете ночных догоравших свечей герой повествования переносил на картон то, что грезилось в жажде сердца: «Небеса, преисполненные вечного света, млеющие здемской лазурью и клубящиеся дивными, хотя и смутными облаками, ...светозарные лики и крылья несметных ликующих серафимов проступали в жуткой литургической красоте...»

Возможно, мифологическая трактовка придала лицу Бунина в портрете Бакста отрешённость от обстоятельств повседневной действительности. Писатель словно лишён конкретного возраста и положения, глубинные складки у губ и глаз погружают в непознанное неврастеническое состояние. До наших дней дошло два варианта неординарного изображения, одно из них в технике литографии было передано Ивану Алексеевичу, сделавшему на полях подпись «Мой портрет работы Бакста. Ив.Б. 1921 г. Париж». Другое находилось в частной коллекции и долго было недоступно для общего обозрения. О неизвестной работе Бакста узнал коллекционер Лобанов-Ростовский

Л. Бакст. Бунин. 1921 г.

и не без волнения взял в руки камерный лист бумаги со штрихами графитного карандаша, нанесёнными на благородный бежево – золотистый фон. О подлинности произведения свидетельствовала надпись «Бакст. 1921». Вместе с собирателем попавших в Европу предметов русского антиквариата Зильберштейном Лобанов-Ростовский пришёл к выводу, что найден портрет Ивана Алексеевича Бунина. Ныне ценная для отечественной культуры реликвия хранится в фондах Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина.

Взаимосвязи Бунина с художественной средой продолжались во время его пребывания на южном берегу Франции. В ноябре 1933 года писатель отмечал в Грассе присуждение Нобелевской премии за продолжение классических традиций в лирической прозе. Среди приветствий коллег значилась телеграмма, полученная от Мстислава Добужинского: «Сердечные поздравления. Глубокий поклон. Добужинский» [10].

В 1945 году художник оформил чёрно-белую в чётких ракурсах рисунка обложку книги Бунина «Речной трактир» и поместил иллюстрацию к одноимённому рассказу. Добужинский трудился в технике стиля модерн. Его акварельное изображение «Человек в очках» – портрет поэта и критика Константина Эрберга на фоне окна в городской квартире соответствовало в гротесковом ключе звучанию стихотворения Бунина «Художник»:

*В груди першит. С шоссе несётся пыль,
Горячая, особенно сухая.
Он снял пенсне и думает, перхая:
«Да-с, водевиль... Всё прочее есть гиль».*

В «Грасском дневнике» Галины Кузнецовой приводится рассказ о визите на виллу Бельведер летом 1930 года Савелия Сорина, который предполагал написать портрет мо-

лодой писательницы. Он получил отказ от Бунина и уехал, ни о чём не договорившись. После разговора с близкими людьми Иван Алексеевич переменял своё решение, мастер стал бывать в Грассе. Его просьбу поддержал отдохнувший в Каннах Сергей Рахманинов: «Очень убеждал меня в том, что надо дать с себя писать портрет».

Жизненная дорога Савелия Сорина соприкасалась с этапами становления творчества Петра Нилуса. В шестнадцать лет он приехал в Одессу и поступил учиться в рисовальную школу К. Констанди. Занятия продолжились в Петербурге, в Академии художеств у Репина. По совету Ильи Ефимовича Сорин выполнил портреты Максима Горького и Екатерины Пешковой интенсивными слоями масляных красок. Войдя в круг «Мира искусства», Сорин обращается к театральному изображению балерины Тамары Карсавиной, в строгих графических контурах исполняет портрет Анны Ахматовой. В 1917 – 1919 годах живописец живёт в Крыму и в Тифлисе, в 1920 году уезжает в Париж. В эмиграции он продолжает работать в портретном жанре и завоёвывает европейскую известность. Ему позировали Александр Бенуа, Федор Шаляпин и дочь певца Дасия Шаляпина, балерина Анна Павлова, философ Лев Шестов, балетмейстер Михаил Фокин. Заказы, полученные от знатных лондонских семей, давали Сорину устойчивое материальное положение. Его кисти принадлежал портрет английской королевы в юности.

С Буниным художник общался в парижской гостиной Евфимии Рябушинской. Тогда же он увлекся привлекательной внешностью Галины Кузнецовой и задумал перенести её облик на полотно. С этой целью он приезжает на Лазурный берег Средиземноморья и останавливается в городе Мужене, расположенном недалеко от Грасса. 6 августа 1930 года писательница пометила в дневнике: «Вчера обедали в Мужене у Сорина. Пошли вместе осматривать городок». Средневековое поселение избежало разрушений вражеских набегов. Невысокие каменные постройки и цер-

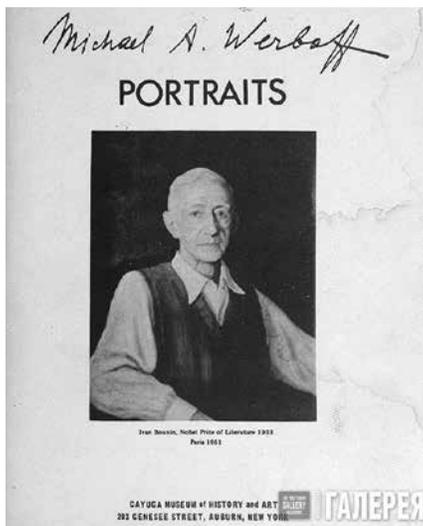
ковь Богоматери сохранили следы прованской древности в окружении субтропической растительности – сосен, кипарисов, маслин. Согласно плану основателей Мужена узкие мощёные улицы направлялись к круглой площади, украшенной фонтаном. Другие фонтанчики били струями из скульптурных сооружений и отверстий в стенах домов. Ещё одно примечательное место – панорамная площадка, с которой виднелись Канны и горные Альпы. Архитектурные очертания Мужена и его немногочисленный быт привлекали людей искусства. Пабло Пикассо купил на окраине города виллу, где оставался до конца жизни. Поэтому отнюдь не случайным был выбор Савелия Сорина, арендовавшего здесь мастерскую.

По договоренности день за днем Бунин и Кузнецова отправлялись в Мужен. Оставив свою спутницу у мольберта художника, Иван Алексеевич спускался с холма к каннским пляжам. Сорин не сразу нашёл нужный ракурс, Кузнецова записала в дневнике: «Наконец, посадил с книгой, раскрытой на коленях. Рисовал, стоя посреди комнаты, в очках». Сеансы происходили согласно словам мастера: «Мне нужен от вас документ». Сорин отказался даже от небольшого украшения – голубой повязки на голове женщины. Его вполне устраивало её скромное белое платье, открытое для прямых лучей жаркого южного солнца. В сентябре 1930 года работа была окончена. Кузнецова оставила ещё одну запись: «Портрет, несмотря на свою внешнюю похожесть и красоту, вышел, как говорит И.А., «олеографичным». Тем самым Бунин обратил внимание на внешнюю идеализацию натуры и статичность изображения, вообще свойственную художественному подчерку Савелия Сорина.

Был ли доволен сам автор? Он увёз полотно в Париж и не прислал обещанный снимок на виллу Бельведер. В дальнейшем судьба реального портрета Галины Кузнецовой осталась неизвестной, хотя некоторые эпизоды её позирования перед мольбертом отразились в неоконченном рас-

сказе «Художник». Можно предположить, что произведение с заметной историей находится в частной коллекции в Америке, куда Савелий Сорин переехал из Франции в годы второй мировой войны.

Среди приметных для Бунина имён в искусстве назовём М.А. Вербова, который выполнил в 1951 году последний прижизненный портрет писателя, ставший настоящим художественным завещанием. Их отношения скрепил писатель Марк Алданов, портрет которого произвёл на Ивана Алексеевича положительное впечатление. Факты биографии Вербова соответствовали незаурядности его характера. Михаил Александрович родился в Малороссии в 1896 году. Решительной переменной был переезд в Петербург и дружба с Корнеем Чуковским, который в 1914 году представил юношу в Пена-тах Репину. В 1915 году Илья Ефимович создал портрет Вербова в студенческом мундире на бумаге, тушью и по обычаю поставил витиеватый автограф. В знак благодарности начинающий художник обрисовал в графике профиль Репина, а также очертил облик Корнея Чуковского для альманаха «Чукоккола».

*М. Вербов. Портрет Бунина.
1951 г.*

В 1922 году в Москве Вербов работал над портретами ведущих артистов Малого театра В.Н. Давыдова, А.И. Сумбатова-Южина, оперного певца Леонида Собинова. В 1924 году мастер покидает Россию и находит пристанище в Париже. Он участвует в экспозициях в Салоне Тюильри, Осеннем салоне, получает предложения от короля Швеции Густава V, короля

Румынии Фердинанда 1. Михаил Александрович занимается благотворительностью, передаёт средства в фонд русской эмиграции. Своим главным делом Вербов считал создание галереи выдающихся людей России, продолжавшей основы коллекции, которую собирал в конце 19-го века П.М. Третьяков. Он воспроизвёл на полотнах Федора Шаляпина в образе Бориса Годунова в Гранд Опера, композитора Александра Гречанинова, политика Александра Керенского. Закономерным было обращение к картине в честь лауреата Пушкинской и Нобелевской премий Ивана Алексеевича Бунина.

Согласно просьбе писателя Михаил Вербов отказался от натуралистических свидетельств физической старости, которая неизбежно разрушала слабевший организм Ивана Алексеевича. Он не стал показывать его руки с одутловатыми венами и сухожилиями. При этом мастер взял за основу приёмы монохромной живописи, однородной с матовой поверхностью лишённой оттенков цвета фотографии, распространённой в Европе в пятидесятые годы. На затемнённом фоне контрастно выделялась одежда Бунина, светлая мягкая рубаша с распахнутым воротом, покрытая на груди запахнутым жилетом. Вербов не включил в композицию иллюстративные детали интерьера комнаты, тем самым крупным планом подчеркивалось возвышенное состояние творца «Жизни Арсеньева», «Деревни», «Солнечного утра», цикла «Тёмные аллеи».

Документальную достоверность портрета 1951 года можно сопоставить со свидетельствами разделивших бытие Бунина коллег. Ирина Одоевцева отмечала: «Он был среднего роста, но держался преувеличенно прямо, горделиво закинув голову. И от этого, или оттого, что он был очень строен, казался высоким. Его красивое, надменное лицо выражало холодное, самоуверенное спокойствие, но светлые глаза смотрели зорко, пристально и внимательно и, казалось, замечали и видели всё – хоть на аршин под землёй». Георгий Адамович говорил: «С возрастом он стал

красивее и как бы породистее. Седина шла ему, шло и то, что он сбрил бороду и усы. Появилось в его облике что-то величавое, римско-сенаторское, усиливавшееся с течением дальнейших лет»[11].

Сохранился снимок Михаила Александровича Вербова рядом с изображением почитаемого писателя. В 1982 году в связи с проведением персональной выставки в Нью-Йорке был выпущен каталог, на обложке которого помещён портрет Ивана Алексеевича Бунина.

Календарный ход десятилетий 21-го века убеждает в дальнейшем развитии и совершенствовании культурных достижений в российской действительности. Академик А.Н. Бурганов выполнил памятник Бунину на его родине в Воронеже. По проекту скульптора сооружён памятник лауреату Нобелевской премии в Москве, в сквере на Поварской улице. Бюст Бунина установлен в Большом Афанасьевском переулке возле музея – мастерской А.Н. Бурганова.

В письмах, дневниках, прозе Бунина отразилась его жизнь в Москве. Художники – москвичи в своих произведениях запечатлели бунинские места столицы. Григорий Киселёв в картине «Храм Христа Спасителя» обратился к сюжету рассказа «Чистый понедельник». Александр Астрихинский воплотил в пейзаже «Староконюшенный переулок» арбатский адрес журналиста и публициста, старшего брата писателя Юлия Алексеевича Бунина. Елена Ларичева в акварели «Памятник Бунину на Поварской улице» окутала в золотую гамму октябрьского листопада бронзовую фигуру создателя Слова отечественной словесности.

Владимир Вольский, участник поэтической студии «Слово», исполнитель романсов на стихи Бунина, не расставался также с живописной кистью. Он создал серию пейзажей центральной полосы России, ставшей истоком родословной семьи Ивана Алексеевича. Вольные краски соответствуют коренной рифме:

*А над деревней, над горами,
Раскрыты были небеса,
И по горам, к вершинам белым,
Шли тёмно-синие леса.*

Творческий Союз профессиональных художников и Елецкий государственный университет организовали юбилейную экспозицию «Откройте для себя Россию» и выпустили каталог «Преображение», в который вошли картины мастеров разных регионов нашей страны, составивших полифоническую летопись к сочинениям Бунина. Перед приверженцами прекрасных жанров оживает воплощённая мысль: «Я всегда повторяю: ничто не даёт такого наслаждения, как краска».

Юлия Гольцева в иллюстрации к рассказу «Антоновские яблоки» передала аромат жёлтых, как маленькие солнца, плодов, разложенных рачительными хозяевами на дощатом крыльце деревенской избы с искусной резьбой на окнах. Именно антоновку кладут почитатели прозы Бунина в октябрьские дни его рождения на постамент памятника. Андрей Репников в картине «Тихий Елец» обрисовал горизонты неспешного города, лишённого индустриальных, назойливых шумов. Ольга Сорокина тоже создала ностальгический по настроению пейзаж «Старый Елец», где над речными холмами и деревянными постройками возвышаются купола собора с чудотворной иконой Елецкой Божией Матери. Художница отправилась в Орловский литературный музей и запечатлела в деталях на полотне важную часть экспозиции – парижскую комнату Бунина, обстановка которой была перевезена сюда из Франции. Как убедительное дополнение к биографической теме воспринимается композиция Татьяны Кулапиной «Дом Бунина в Париже», который находится в архитектурном пространстве конца 19-го века на улице Жака Оффенбаха и украшен памятной доской. Недалеко в районе Пасси жили Бальмонт, Тэффи,

Гиппиус, Мережковский. Виды русского Зарубежья отобразили в палитре масла Глеб Бекасов – «Аллея в Грассе», Ирина Рославская – «Бунин в Ницце».

Художники по-прежнему дорожат живыми и объёмными чертами внешности Ивана Алексеевича Бунина. Александр Бурганов воссоздал образ Бунина на бронзовой медали. Заключённый в благородный металл обобщённый и цельный профиль свидетельствует о всемирном значении трудов лауреата Нобелевской премии.

*А. Бурганов. Памятник
Бунину в Москве.
2007 г.*

На выставке «Откройте для себя Россию» зрители останавливались у картины Александра Тимофеева, написавшего Бунина на палубе отплывающего парохода. Писатель любил водную стихию, будь то русло реки Волги или приливы и отливы Чёрного и Средиземного морей. В рассказе «Бернар», созданном в 1952 году, раскрывается характер самоотверженного мореплавателя, управлявшего яхтой в соседстве с Антибами. Автор, будто о самом себе, приводит верную фразу старика в конце повествования: «Думаю, что я был хороший моряк».

Преподаватель Орловского университета Александр Кузнецов выполнил масштабную многоцветную композицию «Бунин на фоне грозы». Закрытый плотным занавесом небесный свод в порыве ветра раздвигается на поверхности холста и озаряется в светоносном луче, окружающем личность писателя, который через все невзгоды идёт навстречу к грядущим поколениям. Живописец поведал о глубинном смысле созданного произведения: «Гроза как символ тревоги за родное отечество, переходит в вечерний тёплый догорающий день. Слева от Бунина – Париж, освещённый солн-

цем, справа – пейзаж России. Мир разорван пополам, и в то же время он – как бы единое целое, в центре которого Бунин, чьё творчество принадлежит всему человечеству».

В 1927 году в газете «Возрождение» было напечатано стихотворение Бунина «Портрет», охваченное обращением к прошлому и устремлённое в будущую гармонию искусства:

*Бродя по залам, чистым и пустым,
Спокойно озарённым бледным светом,
Кто пред твоим блистающим портретом
Замедлит шаг? Кто будет золотым
Восхищён сном, ниспосланным судьбою,
В жизнь давнюю, прожитую тобою?
– Кто б ни был он, познаешь ты, поэт,
С грядущим другом радость единенья
В стране, где нет ни горести, ни тленья,
А лишь нерукотворный твой Портрет!*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабореко А.К. Бунин. М., «Молодая гвардия», 2004, с.77.
2. Бунин И.А. Собр. соч., М., «Художественная литература», 1965, т.1, с.534.
3. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. 1870 – 1909. М., ИМЛИ РАН, 2011, с.440.
4. Бунин И.А.. Письма 1885 – 1904 годов. М., ИМЛИ РАН, 2003, с.621.
5. Бунин И.А.. Собр. соч., М., «Художественная литература», 1967, т.9, с.379.
6. Там же, с.476.
7. Бабореко А.К. Бунин. М., «Молодая гвардия», 2004, с.67.
8. Устами Буниных. М., Посев, 2005, т.2, с.36.
9. Там же, с.37, 54.
10. Галина Пикулева. Московская быль Ивана Бунина. М., «Музей человека», 2005, с.136.
11. Бунин без глянца. Спб., «Амфора», 2009, с.20,22.

БУНИН И ПУШКИН

Дмитрий Михайлович Минаев

Бунинское общество России, Москва

Всемирно известный писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии, Иван Алексеевич Бунин был «открыт» соотечественниками после его кончины в 1953 году во Франции.

Острый интерес к Пушкину проявился у Бунина с детства. На протяжении всего писательского пути И.А. Бунин поклонялся трём творцам – Пушкину, Толстому и Чехову, и лишь в конце жизни присоединил к их именам имя Лермонтова. Однако, Пушкин всегда занимал в этом ряду особое место. В 20-30-е годы имя Пушкина всё чаще появляется на бунинских страницах, упоминается в интервью и разговорах. Пушкин был для Бунина не столько учителем и примером, сколько той верной мерой, которой можно было поверить всё – и собственное творчество, и тогдашнюю литературу, и судьбы России.

Для Бунина Пушкин – воплощение простоты, благородства, свободы, нравственного здоровья, ума, такта, вкуса. Пушкинымверялось всё, и никто из писателей не мог избежать и выдержать сравнение с ним, даже сам великий Толстой, перед которым Бунин благоговел. Пушкиным одухотворялась бунинская юность. Пушкиным наполнены бунинские мечты.

Родился Иван Алексеевич Бунин 10 (22) октября 1870 года в Воронеже, в обедневшей дворянской семье, имевшей многовековые корни. Окончил всего 4 класса Елецкой гимназии, детские и юношеские годы вплоть до 19 лет провёл в деревенской глуши Елецкого уезда Орловской губернии на хуторе Бутырки, а затем в имении в Озёрках.

Свою собственную биографию Бунин всегда и неизменно начинал цитатой из «Гербовника дворянских родов»: «Род Буниных происходит от Симеона Бунковского (XV век), выехавшего в XV в. из Польши к великому князю Василию Васильевичу Темному». Писатель Ю. Гончаров в своей книге [1] проследил до самого корня чисто русское происхождение Бунина.

Предками И. Бунина были поэтесса Анна Петровна Бунина (русская «Сапфо») и поэт Василий Андреевич Жуковский (внебрачный сын тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина). Бунин гордился ими более чем древностью своего рода.

Мать Бунина происходила из старинного рода князей Чубаровых, лишённого княжеского титула Петром 1 за участие в мятеже царевны Софьи. Мать поэта обожала стихи Пушкина, Жуковского, читала их наизусть. Бунин в детстве даже смешивал её с Людмилой Пушкинской: звал её Людмилой Александровной.

О встрече с сыном Пушкина А.А. Пушкиным Бунин в записях отметил: «Помню жуткие, необыкновенные чувства, которые испытал однажды (в молодости) возле сына Пушкина, в церкви Страстного монастыря, не сводя глаз с его небольшой и очень сухой, лёгкой старческой фигуры в нарядной гусарской генеральской форме...» [2]. Бунин жадно рассматривает, как бы впитывает глазами весь облик этого человека («белая курчавая голова» – курчавая как у Пушкина), носителя пушкинских генов.

Не предполагал И.А. Бунин, что его родственники породнятся с потомками А.С. Пушкина. Сын А.С. Пушкина Александр Александрович женился вторым браком на двоюродной сестре дворянина Павлова, Марии Александровне Павловой. Мария Александровна была двоюродной сестрой дворянина Павлова, а «дед Павлова по матери», записал Бунин, – моряк Иван Петрович Бунин, брат поэтессы Анны Петровны Буниной ... Дед Павлова по отцу – Николай Анатольевич Бунин».

Н.А. Бунин – мичман флота – из ветви Буниных-Ряжских. Отцом М.А. Павловой был гвардии полковник Александр Иванович Павлов. Дочь Марии Александровны, Елена Александровна Пушкина (Розенмайер), приходилась дальней родственницей Бунину-писателю.

В ноябре 1935 года Бунин приезжал в Бельгию. Он писал Н.Я. Рошину 19 ноября из Брюсселя: «...Ныне (19-го) вечером я у Пушкиных (Николай Александрович, родной внук Александра Сергеевича). Завтра 20 ноября...».

Николай Александрович Пушкин, сын А.А. Пушкина и М.А. Павловой, внук А.С. Пушкина, переписывался с И.А. Буниным, жившим последние десятилетия во Франции. Так, в 1949 году по просьбе Бунина Николай Александрович общал ему некоторые сведения о потомках Пушкина [4].

В 1940 году Бунин поспешил в Ниццу из Грасса, бросив все свои дела, чтобы увидеть внучку А.С. Пушкина: «Я испытал нечто подобное даже лет десять тому назад, познакомившись 6 июня 1940 года в Ницце с дочерью этого генерала, то есть родной внучкой Пушкина».

Сошлёмся на дневниковую запись И.А. Бунина [3]. «12. У1.41. Ездил в Ниццу, завтракал с Еленой Александровной фон Розен-Мейер, рождённой Пушкиной – дочь А.А. Пушкина, родная внучка Александра Сергеевича». Через три дня Бунин записал [7]: «15.У1.41. Вчера у нас завтракала и пробыла до 7 вечера Е.А., эта внучка Пушкина».

В дневнике Г.Н. Кузнецовой, жившей на вилле у Бунина, также читаем о приезде внучки Пушкина в Грасс [5]: «15 июня. Вчера провела у нас день внучка Пушкина, Елена Александровна, – женщина лет 55-ти, маленькая, мужественная, стриженная, с круглыми светлыми глазами, очень скромно одетая, но держащаяся с большим достоинством, воспитанная, сдержанная».

В 1942 году Елена Александровна была на вилле Буниных «Жаннет», после завтрака отдыхала в комнате Веры Николаевны, жены Бунина. В её громадных изумрудных

глазах потух огонь, она сделалась какой-то «серой», несчастной.

О последней встрече внучки Пушкина с Буниным рассказывал 7 октября 1943 года Л.Ф. Зуров. В дневниках И.А. Бунина отмечено: «Нынче письмо из Ниццы. Елена Александровна Пушкина ...умерла 14 августа... И, может быть, только потому, что по нищете своей таскала тяжести, которые продавала и перепродавала, ради того, чтобы не умереть с голоду!».

В письме к Надежде Александровне Тэффи от 19 мая 1944 года Бунин писал, что Елена Александровна, «которую я имел счастье узнать», скончалась «... в нищете, после нескольких лет тяжкого труда, таскания для перепродажи всякого старого хлама...».

После смерти Бунина в его архиве была обнаружена записка: «Передо мною опять было существо, в котором текла кровь человека для нас уже мифического, полубожественного! Она была такая же бездомная, бедная эмигрантка ... перенесла две операции. Оплатить вторую операцию, которая свела её в могилу, у неё уже не хватило средств, – их нужно было добывать как милостыню у добрых людей. И я сделал тут всё, что мог, но это уже её не спасло. Так на моих глазах погибла родная внучка Пушкина».

Свидетельства о встрече Бунина с Е.А. Пушкиной-Розенмайер показывают, что И.А. Бунин относился к ней не только с состраданием, но и с уважением. И это заслуживает внимания. Талантливый русский писатель, человек тонкой души, Бунин вряд ли стал принимать у себя внучку Пушкина как близкого человека, будь она бесцветной, неумной женщиной с сомнительной репутацией [4].

Автор художественного фильма об И.А. Бунине «Дневник его жены» А. Учитель отобразил эту встречу, увязав её с победой Красной армии под Сталинградом. Правда, выбрали на роль внучки Пушкина какого-то «божьего одуванчика», нецензурно выражающейся древней старушки (а Елене

Александровне Розенмайер было в то время всего 54 года), недостойно отобразили этот важный эпизод из жизни нобелевского лауреата.

Однажды на родину Н.В. Гоголя приехал начинающий литератор И.А. Бунин, служивший в то время статистом в Полтавской губернской земской управе. Побродив по саду, осмотрев усадьбу гениального писателя, он, однако, в дом Быковых не зашёл: видимо, постеснялся беспокоить хозяев. Долгое время хозяином Васильевки был Н.В. Быков, племянник Гоголя, муж М.А. Пушкиной, внучки поэта.

Родословная Георгия Александровича Галина, праправнучка А.С. Пушкина, восходит и к семье Н.В. Гоголя. В 1881 году бабушка Г.А. Галина, Мария Александровна Пушкина, венчалась с племянником Н.В. Гоголя – Николаем Владимировичем Быковым. Сводной сестрой Марии Александровны от второго брака сына Пушкина Александра Александровича была Елена Александровна Пушкина (в замужестве Розенмайер).

В 1998 году Г.А. Галин с супругой во время поездки во Францию в Ницце после утомительных поисков нашли место захоронения внучки Пушкина Е.А. Розенмайер – городское кладбище Кокад, могила «общая» [12].

В статье «Думая о Пушкине», Бунин задается вопросом: «Когда он вошёл в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил её небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он (Пушкин) со мной – и так особенно – с самого начала моей жизни».

Бунин становится (Одесса, 1919 год) одним из редакторов газеты «Южное слово». Его, как и в своё время Пушкина, привлекает фигура Андре Шенье, он пишет о нём очерк и замечает, что Шенье «был для революции слишком умён, зряч и благороден».

О личном отношении к Пушкину он пишет и в «Жизни Арсеньева» [6] «Сколько чувств рождал он во мне! И как часто сопровождал я им свои собственные чувства и всё то, среди чего и чем я жил!».

Пушкин для Бунина – олицетворённый художественный гений русского народа. Бунин впитывает пушкинскую поэзию, зная, что в ней заложен ключ к счастью русского человека. Он пускается в духовные странствия, вдохновляясь артистической мудростью Пушкина, который не поучает, а становится живой водой его сердца. Всю жизнь Бунин страстно стремился «написать что-нибудь по-пушкински», конечно, не подражание, а что-нибудь прекрасное, свободное, стройное.

В 1900 году вышла в свет поэма Бунина «Листопад», где выражена преданность родной поэзии, где Бунин следует за Пушкиным («Настала осень золотая», «Вот север, тучи нагоня...»). И у Пушкина, и у Бунина зима приносит людям поэтическую радость.

В 1903 году И.А. Бунин удостоен Пушкинской премии за перевод Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» и поэтический сборник «Листопад». В 1909 году присуждена вторая Пушкинская премия за книгу «Стихотворения 1903-1906». 1911 год – присуждена Золотая Пушкинская медаль. 1933 год – присуждена Нобелевская премия. «За прекрасную русскую литературу Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Чехова...» – этот тост Бунина звучал по случаю присуждения ему Нобелевской премии.

Бунин считал необходимым для себя участвовать в памятных датах, посвящённых Пушкину. В 1924 году, когда отмечали 125-летие со дня рождения поэта, он выступил с докладом в Сорбонне.

100-летнюю годовщину гибели Пушкина торжественно отмечали в Париже. Был создан Пушкинский комитет, куда вошёл лауреат Нобелевской премии Иван Бунин.

В 1937 году И. Бунин участвовал в вечерах и собраниях, посвящённых памяти А.С. Пушкина [7]. Восьмого февраля 1937 года в Париже вышла однодневная газета «Пушкин», Бунин поместил в ней главу из «Жизни Арсеньева», посвящённую Пушкину. В Париже состоялось его выступление

в Союзе дворян, где он говорил о Пушкине «как о неразлучном спутнике всей своей жизни».

Тридцать первого января Иван Алексеевич выступил на пушкинском вечере. «Читал очень хорошо», – пишет Вера Николаевна [8].

Он писал в юбилейные дни: «Пушкинские торжества. Страшные дни, страшная годовщина – одно из самых скорбных событий во всей истории России, что дала ЕГО ... И сама она, – где она теперь, эта Россия?».

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...»
– О, если б узы гробовые
Хоть на единый миг земной
Поэт и царь расторгли ныне.*

(Начало стихотворения Бунина
«День памяти Петра».)

Эту запись Бунин сделал для С.М. Лифаря, артиста балета и режиссёра, организовавшего Пушкинскую выставку в Париже. 18 апреля 1937 года в русском ресторане Корнилова Бунин произнёс в честь Лифаря благодарственную речь от имени Мирового Пушкинского Комитета [9].

Пути Пушкина и Бунина пересеклись в Ельце. На уроке в Елецкой мужской гимназии юные чтецы читают Пушкина: среди них – Ваня Бунин. Ваня Бунин проходил мимо дома, где в 1829 году, направляясь в Арзрум, останавливался сам Пушкин [10].

В Елецком краеведческом музее уже несколько десятилетий существует уголок, посвящённый пребыванию А.С. Пушкина в Елецком крае, куда ещё в детстве ходил я посмотреть на карту путешествий поэта, макет дома, где останавливался поэт.

А 1988 году в Ельце открыт музей И.А. Бунина [10], где всё напоминает о писателе, его жизни и творчестве. В 2005 году в Озёрках восстановлена усадьба Буниных и создан музей.

В настоящее время в Ельце имеются три памятника И.А. Бунину и три памятника А.С. Пушкину, а в селе Становое (где бывал Бунин), что недалеко от усадьбы Стаховичей (дворян, известных любителей литературы) Пальны-Михайловки, в которой побывал А.С. Пушкин по пути в Арзрум. В 2001 году на аллее памятников установлены бюсты обоим поэтам [11].

В Пальне-Михайловке во дворе школы установлен памятник Пушкину. Стаховичи в парке своего имения ещё в 19 веке установили один из первых памятников Пушкину. В начале 21 века в здании усадьбы открыт музей Стаховичей. Память о великих поэтах неизгладима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Ю.Д. Предки И.А. Бунина. - «Подъем» № 1, Воронеж, 1971. - 179 с.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений в 8 тт. Т.7, М., Моск. рабочий, 2000. - с.535.
3. Бунин И.А., Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники. Сост. М. Грин. Том 2., М., «Посев», 2005, с.316.
4. Русаков В.М. Рассказы о потомках А.С. Пушкина. - Лениздат, 1982. - с.183.
5. Кузнецова Г. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад.- М, Моск. рабочий, 1995. - с.305.
6. Бунин И.А. Собрание сочинений в 8 тт. Т.5, М., Моск. Рабочий, 1996. - с.23.
7. Последние новости. Париж, 1937. № 5823. 4 марта.
8. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. - М.: Советский писатель, 1989.
9. Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание.- М, Мол. гвардия, 2004. - с.309.
10. Минаева Е.С., Минаев Д.М. Елецкая тропа к Пушкину.- М. Изограф. 1995, с.78.
11. Газета «Звезда» (Становое), № 36, 8.05.2001 г.
12. Приходько Т. Газета «Трибуна», 25 ноября 1998 г., № 235.

О РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ В.Н. МУРОМЦЕВОЙ-БУНИНОЙ

Мария Алексеевна Муромцева

*член Союза писателей России,
Москва*

У Веры Николаевны Муромцевой, супруги И.А. Бунина, было большое число родственников, близких и не очень. Со многими она поддерживала тесные родственные и дружеские связи, участвовала, так или иначе, в их жизни. Эти связи известны из писем, воспоминаний, упоминаний в документах. Именно поэтому они представляют собой важное звено в исследовании биографии четы Буниных, привнося новые факты, освещая разные периоды жизни и литературной деятельности супругов. В статье речь пойдет о кузине Веры Буниной, Ольге Сергеевне Муромцевой.

Ольга Муромцева (9.05.1883-1967) – старшая дочь выдающего общественного и политического деятеля, председателя первой Государственной думы (1906) Сергея Андреевича Муромцева (1850-1910) и Марии Николаевны Климентовой-Муромцевой (1857-1946), известной оперной певицы. К основным вехам образования Ольги относятся: в начале 1900-х годов она училась рисованию в Риме, в советское время была известным детским врачом.

Детство Оли проходило в атмосфере глубочайших культурных традиций старинной дворянской семьи, среди многочисленных родных, друзей и знакомых. Илья Репин, особо благоволивший к талантливым певцам, дважды написал её мать – в 1878 г., сделав карандашный рисунок, и в 1883 г.

последовал портрет маслом. К слову, в том же году Репин написал портрет певицы Александры Молас, бабушки одной из родственниц В.Н. Муромцевой-Буниной, Татьяны Семеновны. Написан был и портрет певицы Климентовой, автором которого был В. Д. Поленовым.

В год рождения старшей дочери в 1883 году М.Н. Климентова была занята в оратории Ф. Листа «Легенда о св. Елизавете», исполняя сольную партию.

Сергей Андреевич писал двоюродному брату Владимиру Семеновичу (1847 – после 1918), с которым был связан тесными родственными и дружескими связями всю жизнь: «31 мая 1883. Дорогой друг Владимир, 9-го мая родилась тебе крестница Ольга, о чём я тебе телеграфировал своевременно. 28 мая её окрестили, и ты записан крёстным отцом. У купели за тебя стоял брат Николай Андреевич. Благодарю тебя крепко за твой дружеский ответ на наше общее с женой приглашение в кумовья» [5].

В июле 1889 г. шестилетняя Ольга жестоко болела брюшным тифом. Сергей Андреевич, относившийся к своим детям с душевным трепетом и бесконечной любовью, почти полностью переключился на заботы о дочери, не отходил от неё.

Из его писем:

«24 июля 1889. Я уезжаю сегодня в Москву. В большой тревоге: Оля серьёзно больна. Доктор есть. С. Муромцев.

Ночь с 31 июля на 1 августа 1889. Дорогой друг Владимир, получил твоё письмо. У Оли – настоящий брюшной тиф. Температура всё время была под сорок. Кажется, теперь повернуло на выздоровление. Жар спал, желудок исправился... Буду дома, пока дочка окончательно не поправится. Заезжай по возможности. Дежурю ночь около больной. Твой С. Муромцев.

7 августа 1889. Дорогой друг Владимир Семенович. Два слова о здоровье Оли: она двадцать дней в постели; тифозный процесс не кончился. Завтра 21-й день. Очень ослабе-

ла. Осложнений нет. Сердце удовлетворительно. Что будет дальше, неизвестно. Напишу, когда дело выяснится окончательно. Я сам совсем замучился. Из двадцати ночей спал путём не более двух-трёх, а из остальных половину спал так, что раз по пяти вставал. Твой С. Муромцев.

Москва, 25 марта 1892. Получил твоё письмо, благодарю. За последние три недели совсем разбит тревогой и массой дел. Через неделю Олю обещают спустить с постели, но заботы впереди ещё много. Отощала девочка сильно. Обнимаю тебя крепко. Твой С. Муромцев» [5].

Ольга окончила Московскую женскую частную гимназию О.А. Виноградской (Покровка, 8), где вёл музыкальные уроки Ульрих Осипович Авранек, будущий оперный хор-мейстер и отец Олиной подруги Натальи, а историю преподавал А. Кизеветтер, соратник С.А. Муромцева. Из необязательных предметов желающие успешно сдать выпускные экзамены учили немецкий и французский языки и обучались рисованию.

На стыке веков Ольга жила с матерью в Париже. Сергей Андреевич упоминал в письме в мае 1905 года: «Мария Николаевна и Оля, вероятно, проведут лето за границей» [5]. В Париже за Ольгой серьёзно ухаживал Максимилиан Волошин, поэт Серебряного века, посвятившей ей стихи.

Из воспоминаний М. Волошина: «Париж, май 1902: Слунилось, что я попал в этот вечер к Муромцевым. Я там не был уже несколько месяцев. Там был какой-то немецкий барон. Молодой человек с манерами военного в штатском.

Когда он ушёл, Ольга сказала:

– Вот те, которых не хочешь видеть, приходят, а Вы не были уже три месяца.

Мы условились, что я приду через день обедать и вечером мы пойдём по фуарам» [3].

Ольгу Муромцеву связывала близкая дружба с Анной Митрофановной Аничковой (урождённая Авинова, 1868-

1935). Писательница, переводчица, жена профессора Евгения Васильевича Аничкова, историка литературы, она активно публиковала свои произведения, в том числе переводные, под псевдонимом Иван Странник, и была хорошо знакома с широким кругом литераторов и поэтов, в частности близко знала М. Волошина. В конце 1890 – начале 1900-х годов Аничкова жила в Париже, где в её литературном салоне бывали Анатолий Франс, Вячеслав Иванов, М.А. Волошин, Г.И. Чулков. В Петербурге, в доме Аничковых часто собирались А.А. Блок, В.Я. Брюсов и другие поэты и литераторы [13].

12 декабря 1906 года Ольга Муромцева сообщала о себе Аничковой из Рима, где училась в одной из рисовальных школ: «Я не знаю, как вышло, но я опять вся вернулась к живописи, но это вышло само собой, и весь последний год я живу с миром и надеждой в душе. Внешними условиями я довольна. Рим для меня имеет много обаяния. Я здорова и могу проводить разумно и успешно в мастерской главную часть дня. Всё пока уравновешенно и светло, а о том, что будет, думаю мало. Я Вам предана, и моё доверие Вам безгранично. Всею душою желаю радости. Обнимаю Вас. Оля Муромцева» [7].

В первом браке она была замужем за художником Федором Владимировичем Шавриным (1881-1915). Он состоял членом Творческого объединения «Венок» (Стефанос), созданного молодыми художниками-авангардистами. В декабре 1907 – январе 1908 годов в Москве была показана первая выставка «Венка». М. Волошин писал об этой выставке: «Группа из десяти художников (Анисфельд, Карев, Кубасов, Плеханов, Чернышев, Наумов, Шаврин, Шитов, Чехонин и Яковлев), которая легла в основание «Венка», до сих пор воздерживалась от участия на выставках и теперь выступает лишь впервые. В общем «Венок» одна из самых интересных выставок этой зимы. Она дала целый ряд обещающих новых имен и целый ряд обещающих

картин» [4]. В 1908 году «Венок» представлял московский авангард на «Выставке современных течений в искусстве» в Петербурге.

Выставки «Венка», очевидно, сыграли свою роль в знакомстве художника Ф. Шаврина с одарённой девушкой, имевшей явные способности к рисованию и обширный круг литературного общения. Брак продлился 3-4 года. Судя по событиям в жизни Ольги, можно предположить, что он закончился в 1910 году. В 1960 году Вера Николаевна Бунина упоминает в письме родственную связь с Родионовым с 1911 года, а письмо к Аничковой из Рима помечено декабрем 1906 года.

В 1912 году Ольга вновь вышла замуж. Вторым её мужем стал известный литературовед Николай Сергеевич Родионов (1889-1960), сын архитектора Сергея Константиновича Родионова (1860-1925) и княжны Софьи Николаевны Шаховской (умерла в 1920 году), племянницы князя Николая Трубецкого.

Шафером на свадьбе Ольги Муромцевой-Шавриной и Николая Родионова был И.А. Бунин и во время венчания держал венец над четой новобрачных. Священник церкви Спаса-на-песках, что находилась в Спасопесковском переулке на Арбате (изображена В.Д. Поленовым на картине «Московский дворик»), сказал: «Второй академик расписался в книге; ранее – академик И.А. Крылов».

Вера Муромцева отметила в письме 12 июля 1912 года.: «В Москве мы пробыли дня четыре... Ян успел повенчать Олю Шаврину-Муромцеву с Родионовым, они с Митюшкой (Дмитрием Пушешниковым, двоюродным племянником И.А. Бунина. – М.М.) были шаферами» [1, 91].

Отец Николая, архитектор С.К. Родионов участвовал в строительстве и реставрации многих московских храмов, дворянских особняков, доходных домов. Сергей Родионов был назначен архитектором Синодального управления. Состоял членом Комитета по реставрации Успенского собора

в Кремле, производителем работ по реставрации Новодевичьего монастыря, в котором он был похоронен.

Дед Николая Сергеевича командовал гвардейскими егерями в Бородинском сражении, его родственник, князь Дмитрий Иванович Шаховской (1861-1939) был известным публицистом, земским деятелем, депутатом первой Государственной думы в 1906 году (от кадетов), а в 1917 году – министром Временного правительства. В 1906 году он становится членом Конституционно-демократической партии, одним из создателей которой был С.А. Муромцев, отец Ольги Сергеевны.

Николай был одним из друзей детства Владимира, брата Ольги. Запись Н. С. Родионова в Дневнике от 15 декабря 1907 года, озаглавленная «Почему я кадет», сделана под впечатлением событий 1905 года, манифеста 17 октября, созыва первой Государственной думы, её разгона и суда над депутатами (все эти события подробно описаны в литературе). Запись заканчивается так:

«Первая Дума дала первый толчок для моего развития, бросила первые семена добра и правды в блуждающую и начинающую отчаиваться душу. Быть может, десятки, сотни людей она вывела на правильный путь. И в этом её великая заслуга перед Русским Народом вообще и молодым поколением в частности» [6].

По окончании университета Н.С. Родионов работал в Дмитрове инспектором банка по мелкому кредиту, состоял членом Московской губернской земской управы, затем работал в Кредитном Союзе кооператоров Московской губернии.

После кончины С.А. Муромцева в 1910 году его соратники и единомышленники собрали воедино выступления, сказанные на могиле председателя первого русского парламента, и издали в отдельном томе, который получил название «Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева».

Будущие супруги Ольга и Николай вместе работали над этим уникальным изданием, редактируя рукопись, читая корректуру, готовя к печати. Ольга Сергеевна писала Л.Ф. Маклаковой-Нелидовой: «Сегодня же я должна отправить перевод статей из разных газет для сборника «Венок памяти С.А. Муромцева» и так как всё это я делаю медленно, то, как и всё последнее время, чувствую, что не кончу к вечеру» [9].

4 января 1911 года Сергей Родионов послал письмо в газету «Русские Ведомости» о выходе «Венка» из печати:

«В первых числах января выйдет сборник «Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева», изданный группой друзей и почитателей покойного Сергея Андреевича. В сборник войдут: описание дней 4-7 октября, перечень надписей на венках, возложенных на гроб С.А. Муромцева, речи, произнесённые на могиле в день похорон, список депутатий, статьи (перечисление фамилий. – М.М.) посвящённые памяти Сергея Андреевича, иностранная пресса, обзор вызванных кончиной событий в столицах и провинции, телеграммы и письма, полученные семьёй почившего, Университетом и пр.

Издание содержит 6 иллюстраций на отдельных листах и 22 иллюстрации в тексте. 150 экземпляров этого издания будут именные и напечатаны на слоновой бумаге, ценою 10 руб. Доход с издания поступит в фонд по увековечиванию памяти Сергея Андреевича Муромцева.

Желающие получить именной экземпляр благоволят сообщить об этом Николаю Сергеевичу Родионову. Большая Никитская, 46, Москва» (10).

В 1920 году Николай Сергеевич Родионов вошёл в Комитет помощи голодающим Поволжья, созданный Объединённым Советом кооперативов. В феврале 1921 года Советская власть запрещает кооперативное движение в России. Через полгода членов Комитета помощи голодающим арестовали. Н.С. Родионов провёл шесть недель во внутренней

тюрьме на Лубянке. Выйдя на свободу в сентябре, он вновь занялся ожившей кооперативной деятельностью. С июля по октябрь 1941 года он служил в ополчении.

Брак Ольги Муромцевой и Николая Родионова длился с 12 июля 1912 по 1919 год.

Вторым браком Н.С. Родионов женился на Наталье Ульриховне (Тале) Авранек (1886-1952), дочери Ульриха Осиповича Авранека, главного хормейстера Большого театра (в будущем народный артист СССР). Талечка Авранек была гимназической подругой Оли Муромцевой.

Наталья Авранек к 1919 году овдовела в первом браке, потеряла она и ребёнка от первого мужа. Супруги Родионовы жили на Большой Дмитровке [6].

После 1917 года Ольга Сергеевна получила медицинское образование и уехала в Архангельскую область, где лечила крестьян по деревням – от всех болезней.

В 1920-е годы Ольге напишет один из соратников её отца Ф.И. Родичев (1854-1933): «Милая Ольга Сергеевна. Приближается 27 апреля день памяти 1-ой Г. Думы и Сергея Андреевича. Вспоминаем Вас и шлём Вам сердечный привет. Привет вам с Женевского озера.

Вспоминаю Вас в эти дни и стихи Тютчева «Тебя как первую любовь России сердце не забудет» на венке в день похорон С.А. Хочется, чтобы Вы почувствовали, как мы вспоминаем его» [8].

Ольга Сергеевна была известным в Москве детским врачом, работала в Русаковской больнице под руководством знаменитого Г.Н. Сперанского, главы советской педиатрии. Жила при больнице в крохотной комнатке, очень скромно, отдавая всё время своим больным. Она умерла, обожаемая детьми и малоимущими людьми своего района, которым помогала всем, чем могла, отдавая последнее.

Лев Остерман, хорошо знавший семью Родионовых, писал об О.С. Муромцевой: «Нередко заглядывала в дом, а в случае чьей-нибудь болезни брала под свою решитель-

ную опеку Ольга Сергеевна Муромцева, дочь знаменитого лидера кадетов и председателя 1-ой Государственной Думы. Николай Сергеевич был на ней женат первым браком, а Наталья Ульриховна была её подругой. Однако тесные дружеские отношения всех троих сохранились (после некоторого перерыва) на всю жизнь.

Превосходный детский врач, Ольга Сергеевна после большевистской революции благоразумно уехала работать на Крайний Север. Она там оставалась и в мрачные годы репрессий. Потом вернулась в Москву, работала со Сперанским и жила при детской больнице. Другой семьи у неё не образовалось, своих детей не было» [6].

Ольга Сергеевна и Н. С. Родионов, состояли (каждый) в переписке с Верой Николаевной Муромцевой-Буниной. Получая письма из Парижа, Ольга совместно с Родионовыми читала их.

«Приходили письма и из Парижа от Веры Николаевны Муромцевой, жены Бунина. Получала их Ольга Сергеевна Муромцева, двоюродная сестра Веры Николаевны. Ольга Сергеевна, первая жена Николая Сергеевича Родионова, подруга его второй жены, осталась ближайшим другом дома со своим ключом. Только взрослыми мы могли оценить всю простоту и человечность этих отношений, столь теперь редких.

Николай Сергеевич рассказывал о встречах с Буниным, Ольга Сергеевна, иронически поджав губы, поправляла его. Мы знали, что Бунин великий русский писатель, что живёт он на «другом берегу», в нереальном далеке, но нереальность эта таяла всякий раз, когда приходили письма с заграничными французскими марками. Читал «Гайавату» Серёжа Родионов, мой друг и одноклассник, особенно любивший эту поэму Лонгфелло, обернувшуюся благодаря Бунину русским пушкинским стихом» [14].

Одна из многочисленных бывших пациенток Ольги Сергеевны рассказала в 2019 году, что в 1960-е годы лечилась

у Ольги Сергеевны. По словам пациентки, это была полная женщина, похожая на свою мать М.Н. Климентову-Муромцеву, очень отзывчивая, расположенная к людям, в глазах её светилась доброта.

У Родионовых было два сына – Сергей (1922-1941) и Федор (1925-1945). Оба погибли во время Великой Отечественной войны. Из дневника Н.С. Родионова 6 мая 1954 года:

«Видел сон, будто я художник. Написал две картины «Памяти погибших». Мои два сына. Серёжа в 41-м году в период отступления. Его подвергли мучительной смерти за то, что он сказал, что немецкие листовки – ложь. Умирает со словами: «Да здравствует моя непобедимая Советская родина!» Федю поймали бандеровцы и принуждали под страхом смерти служить у них. Он с негодованием отказался, и его растерзали. Окружённый разъяренными, зверскими лицами, он погибает с теми же словами: «Да здравствует моя непобедимая Советская родина!» [6].

Письмо В.Н. Буниной к Н.С. Родионову:

«26.07.1959. Le Montenel. (Написано в старой орфографии. М.М.).

Милый и дорогой Коля,

Спасибо за письмо, которое я давно от Вас получила и которое показало мне, что Вы в деревне отдохнули – почерк Ваш изменился, стал твёрдым и разборчивым. На почерке почти всегда видно состояние здоровья человека.

Не ответила до сих пор, потому что в Париже была ещё уставшей, правда белых шариков уменьшилось на 1000, но всё же лишних осталось 1700. В середине июня завернули жаркие дни, а Зуров собирался к друзьям в Шотландию, ликвидировал не отвеченные письма археологам, и мне пришлось ему помогать в печатании этих писем, иногда длинных.

Всё это утомило. После его отлёта наступила прохлада, но длилась недолго и, едва я пришла в себя, как наступил

зной, ещё более сильный, и уже я изнемогала, даже 12 июля в день именин Павлика не пошла к обедне.

На моё счастье я получила приглашение на две недели в департамент Correze к своему другу, очень милой и заботливой женщине, умной и по-настоящему любящей Бунина, так что у нас бесконечные беседы и о нём и о его произведениях. Таких здесь мало у нас...

Край глухой. Шато, две фермы. Тишина необыкновенная, чувствую себя здесь очень спокойно. Идёт вторая неделя, и я ни разу не была в плохом настроении, ни разу не рассердилась...

До первых чисел августа я могу здесь побыть, так как потом приезжает муж, профессор Страсбургского ун-та и его родственники и все, конечно, будут заняты.

У неё дочь от первого брака, прелестная девушка, студентка, хорошо воспитанная и умная. Я с ней занимаюсь русским языком, который она мало знает, живя во французской среде. В Страсбурге нет русских.

Здесь леса, озёра, высота 600 метров, ночи прохладные. Днём бывает часто жарко.

Шато XVII века, выстроенное на месте ещё более старинного шато XI века, мои друзья занимают половину его.

Зуровы уехали в Шотландию к своим друзьям. Вчера они из Эдинбурга переехали на месяц в Andrens. Он за зиму очень устал, у него непорядки в лёгких, поэтому ему особенно тяжелы знойные дни. Если хотите, он пришлёт Вам свою книгу рассказов. Бабореко и Смирнову она очень понравилась.

Надеюсь, я отдохну, и мои белые шарики уменьшатся в количестве. По возвращению в Париж я сделаю 5-й анализ, тогда сообщу Вам о результатах.

В сентябре на две недели я получила приглашение от Т.С. Конюс, дочери Рахманинова в их швейцарское поместье. Передайте привет Валерии Дмитриевне.

Вас обнимаю. Ваша Вера.

Приписки на полях:

А вот ещё: один французский учёный русского происхождения уверяет, что дом на Поварской, где теперь Союз писателей, бывший Соллогуба, вовсе не тот, который описан Львом Николаевичем Толстым в «Войне и мире» как дом Ростовых. Будто даже Ростовы ...ли (неразборчиво) дом Ковакова, что находился перед квартирой моих родителей, дом 26, будто бы это говорил ему Брюсов.

Не знаете ли Вы: прав ли Лев Николаевич, где-то сказав, что писатель начинается тогда, когда он умеет вычёркивать. Мне кажется, что это мог сказать Чехов, Флобер, Бунин, но к самому Толстому это не подходит. Как Вы думаете?» [11].

Из Дневников Родионова:

«15-16.04.1959. ...Сегодня 16-го получил от милой Веры книгу Бунина «Освобождение Толстого». Взволновался и самому факту, а когда прочёл начало и самый конец, то разволновался буквально до слёз. Да, именно так освобождение Толстого всю, всю жизнь его шло: освобождение от трёх измерений: времени, пространства и причины... Приятно, что он (Бунин. – М.М.) пользовался и моими материалами - мною опубликованными Дневниками Толстого 1910-го года. Они были напечатаны в переводе на французский язык в Париже.

21.04.1959. ...Написал В. Буниной письмо.

8.06.1959. Привёз из Москвы Костя (брат Н.С. Родионова. – М.М.) письмо, очень интересное от Веры Буниной. Ужасно я рад, что у нас с ней наладилась переписка, кажется, и она тоже. У неё никого не осталось, даже родных и сама старая и больная на чужбине. Вчера ответил ей, но ещё не послал.

Получил от Веры «Жизнь Арсеньева» и её отталкивает будто бы «разложение» и эрозия. До известной степени это верно, но везде это далеко не всё. Он, Бунин, большой и глубокий художник...

2.07.1959. ...Читал присланную мне из Парижа интересную книгу рассказов Л. Зурова. Кажется, незаурядной писатель...

26.07.1959. ...Написал и отправил все письма, только оставил не отправленным В. Буниной...

10.08.1959. Вчера и сегодня перечитал замечательную и великолепную книгу Бунина «Освобождение Толстого». Думаю, что это лучшее, что до сих пор написано о Толстом. Толстой таким и был, каким изображает его Бунин. Его неоднократные ссылки на «звёздное небо». Толстой всё видел, всё знал, всё испытал в этой жизни. Но он знал ещё то, что не знают обыкновенные люди, вернее, не знал, а постигал второй парой глаз, что непостижимо. Он к этому стремился всем своим существом, всей своей исполинской, непостижимой мощью. И в этом «освобождение»... Ещё одно: Толстой всеобъемлющ. А прозрение, выраженное словами Бунина, конгениально.

11.01.1960. ...Получил вчера письмо от В. Буниной, советует ехать на съезд (в Венецию. – М. М.), вела разговор со мной о Сергее Михайловиче Толстом. Она пишет: «Это он выдвинул Вашу кандидатуру на съезд. Ему очень нравится Ваша книга «Толстой в Москве», да и вообще он знает и очень ценит Вас». Советует написать ему. Написал сегодня черновик письма ему и ответил Вере, как сообщает о последних днях жизни М.Н. Муромцевой (мать Ольги Сергеевны. – М. М.), «она была в забросе» [12].

В.Н. Муромцева-Бунина писала 17 октября 1960 года, получив известие о смерти Н.С. Родионова: «До сих пор я не примирилась с уходом от нас Николая Сергеевича... Я очень ценила переписку с ним, всегда рада была получить от него весточку, – ведь с 11 года мы были в дружески родственных отношениях; и после такого срока разлуки оказались по-прежнему близки. Я особенно ценю это и до конца дней своих сохраню это в своём сердце» [1].

Ольга Сергеевна была дружна с первой женой своего брата Владимира Варварой. Владимир Сергеевич Муромцев

(1892-1938), был женат четыре раза. Первой женой его стала в 1911 году Варвара Федоровна Татарина (1890-после 1933). Варвара – дочь Федора Владимировича Татарина, депутата Второй и Третьей Государственных дум, земского деятеля. Во время первой мировой войны Варвара работала сестрой милосердия.

Сестра Варвары Татариной-Муромцевой, Мария Федоровна вспоминала: «Как мы радостно встретили Февральскую революцию. Я из Петровского-Разумовского поехала пешком в Москву к Варечке, которая жила у своей невестки Ольги Сергеевны Родионовой, урождённой Муромцевой, на Зубовском бульваре. Варя служила в санитарном поезде и приехала в отпуск в Москву. Мне казалось, что у меня выросли крылья» [16].

Варвара писала: «Бывают минуты в жизни, когда нельзя жить своим личным. Бывает так, что человек перестаёт чувствовать себя, когда невидимая сила не даёт ему спокойно жить, толкает его и говорит – Иди. И я пошла. С крестом на груди я бросилась в водоворот. Я жила общей радостью, тонула в чужом горе». Летом 1916 году она оказалась под Луцком во время знаменитого Брусиловского прорыва.

Из письма Варвары Муромцевой близкому другу, соседу по Орловскому имению: «Когда вагоны погружены, пересчитываешь своих больных, расспрашиваешь, кто куда ранен или чем болен, что чувствует, и записываешь всё в записную книжку. Смотришь, на местах ли санитары, и всё ли есть в вагоне, что нужно. Затем отправляешься к доктору, которому всё это докладываешь. Если в числе моих вагонов есть с опасными или умирающими, я еду с ними, в их вагоне, если не так опасно, еду в своём, причём на каждой остановке я обхожу или, вернее, обегая с риском сломать себе шею все свои вагоны, чтобы убедиться, всё ли там благополучно» [15].

Из Львова в 1914 году: «Обыкновенная пицца наша – щи и каша, иногда котлеты, так что какое-нибудь лакомство –

тоже своего рода радость. И почему-то сейчас особенно тянет домой, в Россию, ужасно хочется повидать всех и пожить хоть несколько дней так, как живут нормальные люди. Живём мы очень хорошо, только до утомительности, до отчаяния однообразно» [15].

В конце 1919 года семья Татариновых эмигрировала в Болгарию, где Варя Муромцева работала в созданной Ф. Нансеном организации помощи голодающим в России. В середине 1920-х годов они обосновались во Франции [16; 15]

Ольгу (р.1920) и Татьяну (р.1923) Муромцевых, дочерей Владимира Сергеевича, во Франции опекала их бабушка М.Н. Климентова-Муромцева. Мария Николаевна переписывалась с Верой Буниной, и главная тема их писем – девочки Оля и Таня. В письме от 22 июня 1943 года Климентова-Муромцева просит Бунину не забывать девушек после её смерти, ведь Вера Николаевна останется их единственной родственницей.

После смерти М. Н. Климентовой – Муромцевой зимой 1946 года, Татьяна написала Вере Николаевне. В дневнике Буниной от 14 мая 1946 года имеется запись: «Утром получила я письмо от Тани Муромцевой, очень милое. Чувствуется её сиротство и радость обретения родного человека». Близкая родственница приезжала к В.Н. Буниной в Париж [2].

Разметал ветер тектонических перемен многие русские семьи. Семья Сергея Андреевича Муромцева рассеялась по Европе. Жена его М.Н. Климентова-Муромцева и младшая дочь жили в Париже. В 1933 году скончалась Мария Сергеевна – младшая, Маня. В 1938 году был расстрелян сын Владимир. Две его дочери – Ольга и Татьяна были переправлены родственниками во Францию. Ольга Сергеевна осталась в России. Распалась и семья Николая Андреевича Муромцева, умершего в 1933 году. Супруга его Лидия Федоровна скончалась в 1923 году. Ушли из жизни все три бра-

та Веры Муромцевой. 1930-е годы – страшное десятилетие для этой семьи. В Париже осталась одинокой после смерти Ивана Алексеевича Бунина его верная Вера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабореко А.К. Бунин. Жизнеописание. М., Молодая гвардия, 2004. С. 91.
2. Бунинская энциклопедия. Автор-составитель А.В. Дмитриев. Липецк-Плюс, 2010.
3. Волошин М.А. История моей души. 1901-1904. Сост. Давыдова З., Купченко В., М., Книга, 1991.
4. Волошин Максимилиан. Русская живопись в 1908 г. «Венок». // Газета «Русь». 1908. № 88 (29 марта-11 апреля).
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 1.
6. Остерман Л. Сражение за Толстого. М., Монолит, 2000.
7. Российский Государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 23. Оп. 1. Д. 97.
8. РГАЛИ. Ф. 129. Оп. 3. Д. 26.
9. РГАЛИ. Ф. 331. Оп. 1. Д. 223.
10. РГАЛИ. Ф. 1701. Оп. 2. Д. 583.
11. РГАЛИ. Ф. 2532. Оп. 1. Д. 17.
12. РГАЛИ. Ф. 2532. Оп. 1. Д. 67.
13. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Том 1. М., «Советская энциклопедия», 1989.
14. Свободин А.П. Театральная площадь. М, 2010.
15. Татарина В.Ф. На фронте и в тылу. Наше наследие. 2014, № 110.
16. Якушкин И.Г., Якушкина (Татарина) М.Ф. «Хождение по мукам...». Сова, 2017, 1 (32).

«АНГЕЛ МЯТЕЖНЫЙ» или Первая любовь Ивана Бунина

Александр Николаевич Потапов
член Союза писателей России, член БОР

В начале 1889 года Иван Бунин получил приглашение сотрудничать с газетой «Орловский вестник».

В Орле писатель приступил к работе, на страницах газеты стали проявляться его информации и передовицы, корреспонденции и литературно-критические статьи, стихотворения и рассказы.

В июне 1889 года в доме издательницы «Орловского вестника» Надежды Алексеевны Семёновой Бунин встретил юную незнакомку. Девушка была высока ростом, стройна, её чувственные губы, казалось, таили доброжелательную улыбку, а её глаза, лукаво поблёскивающие из-под линз пенсне, моментально сразили влюбчивого Ивана.

Незнакомка подала Ивану узкую ладошку и представилась:
– Варвара Пащенко...

Бунин невидящими глазами смотрел на протянутую ему белую ладонь и не знал, что делать: то ли пожать эту девичью руку, то ли поцеловать...

Он взял в руку тёплую девичью ладонь, склонил голову, чтобы прикоснуться к ней губами, но его опьянил запах духов, запах юного женского тела – и он окончательно потерял голову.

– Ну, что же вы так нерешительны? Разве я из тех, кого можно пугаться? – словно сквозь набитую в уши вату, услышал он насмешливый девичий голос и опомнился.

– Да, да... Очень рад, – торопливо заговорил он, совсем по-мужски – Иван... Иван Бунин.

Девушка снова улыбнулась:

– Вот и познакомились!

Осторожно вытянула из руки Ивана свою ладонь и легонько тронула его за плечо:

– Ну, что вы, что вы?.. Успокойтесь...

Бунина обдал запах тонких духов – и голова у него вновь закружилась.

Варвара была ровесницей Бунина, она родилась в 1870 году. Закончив в 1888 году седьмой класс женской гимназии в Ельце с золотой медалью за благонравие и успехи в науках, она поступила учиться в восьмой, дополнительный, класс «для специального изучения русского языка», как значилось в её заявлении на имя начальницы гимназии.

Девушка занималась музыкой, мечтала учиться в консерватории, стать драматической актрисой. Она и в губернский Орёл пожаловала с тайной мечтой заявить о себе как о подающей надежды начинающей актрисе. Пашенко участвовала в любительских спектаклях музыкально-драматического кружка и мечтала о большой сцене. Да это и неудивительно: мать Варвары в молодости был актрисой, а состоятельный отец некогда содержал оперу в Харькове. В Ельце он занимался докторской практикой.

Молодые люди стали встречаться. В следующий раз Иван общался с Варварой в ноябре, опять в помещении редакции, где он жил. На этот раз он был откровенен с девушкой и раскрывал ей свои чувства.

«Она сидела в своей комнате с отворённую дверью, а я, по обыкновению, на перилах лестницы, около двери. (На втором этаже.), – писал Иван старшему брату Юлию. – Потом мы встретились в самом начале мая у Бибиковых очень радостно, друзьями. Проговорили часов пять без перерыву, гуляя по садочку... Уходя и ложась спать, я думал: «Вот милая, чуткая девица». Но кроме хорошего, доброго и, так

сказать, чувства удовлетворения потребности поговорить с кем-нибудь, ничего не было...

Потом мы вместе поехали в Орёл... Опять пробыли в Орле вместе с неделю. Иногда, среди какого-нибудь душевного разговора, я позволял себе целовать её руку – до того мне она нравилась. Но чувства ровно никакого не было. В это время я как-то особенно недоверчиво стал относиться к влюблению... С июня я начал часто бывать у них в доме. С конца июля я вдруг почувствовал, что мне смертельно жалко и грустно, например, уезжать от них. Всё больше и больше она стала казаться мне милою и хорошею; я это начал уже чувствовать, а не умом понимать».

Вскоре вчерашняя гимназистка стала для Бунина «самым дорогим и близким душе человеком», и он уже не мыслил себе жизни без неё.

Семья Пащенко имела в Ельце собственный дом, за домом шумел листвою фруктовый сад, где к стволам груш были привязаны качели, на которых Иван качал Варю.

Как-то раз Варвара пригласила своего друга на любительский спектакль, в котором она играла одну из главных ролей.

Бунин сидел в зале, любуясь Варварой, а после спектакля аплодировал так, что покраснели ладони.

«Сильное впечатление (в смысле красоты и т. п.) произвела она на меня... – доверял он свои чувства бумаге, – играла вполне недурно, главное, – очень естественно. Ночью, вспомнив, что я завтра уезжаю, я чуть не заплакал... Я ещё никогда так разумно и благородно не любил. Всё моё чувство состоит из поэзии...»

Внезапно разгоревшееся чувство действительно окрылили Ивана, и из-под его пера полились строки, полные любви:

*Нынче ночью поезд шумный
Унесёт меня опять...*

*Сядь же ближе. Дай мне ручку
На прощанье поласкать...*

*Сердце слишком утомилось,
И сегодня я скажу, –
Я признаюсь, что с тревогой
На тебя давно гляжу...*

*Ты давно мне милой стала...
Но колеблюсь я, – боюсь,
Что опять с одной тоскою
От счастливых грёз очнусь...*

Любовь вспыхнула, как молния, – по-юношески страстная, возвышенная и восторженная. Разве мог знать молодой сотрудник «Орловского вестника», что его чувство принесёт ему впоследствии столько горьких сердечных мук и жестоких разочарований?

В августе 1890 года Бунин приехал из Орла в Елец и вместе с Варварой и её братом отправился в имение Бибиковых, за десять вёрст от города.

«Мы провели там трое суток, – писал Бунин. – И вот 12-го ночью мы все сидели на балконе. Ночь была тёмная, тёплая. Мы встали и пошли гулять с Пащенко по тёмной акациевой аллее. Заговорили. Между прочим, держа её под руку, я тихонько поцеловал её руку.

– Да вы уж серьёзно не влюблены ли? – спросила она.

– Да что об этом толковать, – сказал я, – впрочем, если на откровенность, то есть, кажется, да. – Помолчали.

– А знаете, – говорит, – я тоже, кажется... могу полюбить вас.

У меня сердце дрогнуло.

– Почему думаете?

– Потому что иногда... я вас ужасно люблю... и не так, как друга; только я сама ещё не знаю. Словно весы колеблются.

Например, я начинаю ревновать вас... А вы – серьёзно это порешили, продумали?

Я не помню, что ответил. У меня сердце замерло. А она вдруг порывисто обняла меня и... уже обычное... я даже не сразу опомнился! Господи! что это за ночь была!..»

Обуреваемый доселе неведомыми чувствами Иван горел как в лихорадке, но Варя на следующий день остудила его пыл, заявив, что она ещё недостаточно уверена в своих чувствах

– А как же та ночь? – спросил Иван.

Варвара в ответ лишь усмехнулась:

– А ты, Ванечка, забудь про неё, забудь, как будто ничего и не было...

Бунин не находил себе места. Вернувшись в Орёл, он закрылся в гостиничном номере и горько зарыдал... В нервном порыве отправил Варваре письмо и вскоре получил ответ.

«Да пойми же ты, – вразумляла его Варвара, – что весы не остановились, ведь я же тебе сказала. Я не хочу, я пока, видимо, не люблю тебя так, как тебе бы хотелось, но, может быть, со временем я и полюблю тебя. Я не говорю, что это невозможно, но у меня нет желания солгать тебе. Для этого я тебя слишком уважаю. Поверь и не сумасшествуй. Этим сделаешь только хуже. Со временем, может быть, и я сумею оценить тебя вполне. Надейся. Пока же я тебя очень люблю, но не так, как тебе нужно и как бы я хотела».

Варвара оказалась девушкой рассудительной и связывать себя прочными узами с молодым сотрудником «Орловского вестника», не имеющим средств для содержания семьи, вовсе не спешила...

Весна 1891 года ворвалась в жизнь Бунина сладким ветром любви, радостью обладания очаровательной девушкой, мечтами о счастливом будущем.

«Драгоценная моя, деточка моя, голубёночек! – писал он Варваре Пашенко 9 апреля 1891 года. – Вся душа переполнена безграничною нежностью к тебе, весь живу тобою, Ва-

ренька! как томишься в такие минуты! Можно разве написать? Нет, я хочу сейчас стать перед тобою на колени, чтобы ты сама видела всё, – чтобы даже в глазах светилась вся моя нежность и преданность тебе... Неужели тебе покажутся эти слова скучным повторением? Ради Христа, люби меня, я хочу, чтобы в тебе даже от моей заочной ласки проснулось сердце. Господи! ну да я не могу сказать всего. Право, кажется, что много хорошего есть у меня в сердце, и всё твоё, – всё оживляется только от тебя...»

Рутинная работа в газете не пугала Ивана: в его душе словно забил родник свежих чувств – и на бумагу вот-вот готовы были пролиться искренние строки стихотворения:

*Засыпай, засыпай, дорогая,
Убаюкана лаской моей!..
Засыпает и чаща лесная,
Затихает в саду соловей...*

*Я пойму твои горькие слёзы,
Я пойму и сомненья твои
И хочу, чтобы светлые грёзы
Унесли тебя в царство любви...*

«Всё – и весёлое и грустное – отдаётся у меня музыкой каких-то неопределённых хороших стихов, чувствую какую-то творческую силу создать что-то настоящее, – признавался двадцатилетний Бунин в письме к Варваре Пашенко. – Нет, ей-богу, буду, должно быть, человеком. Только кажется мне, что для этого надо не “место”, а сохранять, как весталка, чистоту и силу души. А ты называешь это мальчишеством. Голубчик, ты забываешь, что я ведь готовил себя с малолетства для другой, более идеалистической жизни».

Любовь словно открыла Бунину глаза на окружающий мир, и в своих вечерних прогулках по городу он словно напитывался новыми чувствами и ощущениями.

Много лет спустя писатель, томясь в эмиграции, переносился мыслью в годы юности, и в его горестных воспоминаниях снова и снова возникала Варвара Пащенко и не давала покоя:

*Под окном бродила и скучала,
Подходила, горестно молчала...
А ведь я и сам был рад
Положить перо покорно,
Выскочить в окно проворно,
Увести тебя в весенний сад.*

*Там однажды я тебе признался, –
Плача и смеясь пообещался:
«Если встретимся в саду в раю,
На какой-нибудь дорожке,
Поклонюсь тебе я в ножки
За любовь мою».*

Строгие родители Пащенко о близких отношениях молодых людей ничего не знали, но однажды всё открылось. Случилось так, что Иван вместе со своей возлюбленной и её матерью ехали в поезде. У Бунина внезапно разболелись зубы, и он прилёг на скамью. «Я лёг, и Варя стала укрывать меня пледом и целовать меня, ласкать, – рассказывал Бунин брату Юлию. В это время подошла её мать!»

– Что у вас тут происходит, молодые люди? – властно спросила она.

Варя, отводя глаза, сказала:

– Мама, мы с Иваном уже близки...

– Ах, вот как! – возмутилась бывшая актриса, но ругать дочь при людях не решилась.

«Разумеется, на другой день вышел скандал, – признавался Бунин.

Романтические отношения развеялись, как туман поутру, но и к семейной жизни Бунин едва ли был готов. Бу-

нин и рад бы пойти с Варварой под венец, но её родители не соглашались, да он и сам не знал, как может сложиться его семейная жизнь. Надеяться на родителей Иван не мог: они и так не сводили концы с концами.

Сомнения мучили Ивана. Он осознавал, что он был дворянином, они с Варей принадлежали к разным слоям общества. Отец девушки был весьма успешным врачом, имел солидное состояние и, разумеется, желал видеть дочь женой обеспеченного человека. У Бунина за душой почти ни гроша не было, а его душа вовсе не интересовала строгого родителя Варвары, да и сама девушка становиться законной женой влюблённого в неё молодого человека не спешила.

Бунин продолжал передавать свои чувства в стихах:

*С каждым днём со мной ты холоднее;
Может быть, расстанемся с тоской:
Избери же друга веселее
И моложе сердцем и душой.*

*Он твои надежды не обманет;
Беззаветно, весело любя,
Он любовь тоской смущать не станет,
Думой он не утомит тебя...*

Варвара по своему отношению к жизни была намного серьёзнее, «взрослее» Ивана. Своим презрением к мещанским условностям жизни она походила на женщин-шестидесятниц, эмансипированных, решительных, бравирующих своей независимостью. Она пошла наперекор воле родителей, проявила свой характер и решила жить с Иваном невенчанной.

Бунин хотел узаконить свои отношения с Варварой, но она отказалась идти под венец и обещала, что «будет с ним по-прежнему жить нелегально как жена». Что из этого вышло – он едва ли мог предвидеть...

19 апреля 1891 года Бунин писал своей возлюбленной: «Я не могу без тебя! Нет, я тебя свято, чисто люблю! Перед престолом Царя Небесного могу повторить это!»

Бунин сознавал, что он пришёлся не ко двору, что его взаимоотношения с Варей держатся только на взаимной юношеской страсти, но тем сильнее и мучительней проявлялась его любовь.

«Я понимаю, я не смею, да и не за что упрекнуть тебя, Варенька, – обращался он к Варваре в июне 1891 года. – Я говорю, вижу, что ты мучаешься, собственно говоря, между рассудком и сердцем. Рассудок – за семью, сердце – за меня... Как же быть? Как я могу помочь? Неужели ты рассудком не любишь меня, не представляешь ничего хорошего в нашем будущем?»

В конце 1891 года в Орле в качестве приложения к газете «Орловский вестник» вышел первый поэтический сборник Ивана Бунина «Стихотворения. 1887–1891 гг.».

Позже Бунин самокритично признавал, что в сборнике оказалось много стихотворений «чисто юношеских, не в меру интимных», и не включал их в свои зрелые книги.

Однако знаменательным, программным для начинающего поэта представляется одно из стихотворений сборника, в котором как бы пунктиром намечены все дальнейшие перипетии судьбы Бунина, все характерные черты его поэтического творчества: выбор жизненного пути, любовь, разлука, странствия, духовное одиночество...

*Не пугай меня грозюю, –
Не боюсь я вешних бурь! –
Вновь заблещет бирюзою
Просветлевшая лазурь.
Знаю я, что вслед за нею,
В блеске новой красоты,
Ароматней и пышнее
Распускаются цветы.*

*Но страшит меня ненастье:
Я боюсь, что жизнь пройдёт
Без любви, без дум, без счастья
В суете дневных забот...*

Было в сборнике и стихотворение с посвящением «В.В.П.», то есть Варваре Владимировне Пашенко, своей мучительной и горькой любви:

*Нет, друг мой, не верьте сомненьям своим;
Пусть они вас не тревожат:
Бесцельной забавою, делом пустым
Искусство нигде быть не может...*

*Лишь надо быть с чуткою, доброй душой,
Чтоб были вокруг вас счастливы;
А путь не один; не идите с толпой,
Отдайтесь юным порывам.*

Несохожесть характеров, разные представления о жизни, несоответствие вкусов, запросов, идеалов – всё это выяснилось не сразу, но тем острее и болезненнее переносил Бунин все неурядицы в своих отношениях с любимой девушкой. И кто может знать, каких мук это ему стоило!

Как только Иван не называл Варвару в своих письмах! «Деточка моя», «драгоценная моя», «сладкая деточка», «зверочек мой», «голубёночек»... Ничего не помогало!

«...С Варей мы расходимся *окончательно*, – сообщал Иван старшему брату 19 мая 1892 года. – Моё настроение таково, что у меня лицо, как у мертвеца, полежавшего с полмесяца...

Я наконец даже уступал, предлагал, что я согласен жить в Орле... и будем жить так, как до сих пор жили – то есть она будет ходить ко мне. Но и она и на это не согласна! Она говорит, что, исполняя желание отца, она не может сделать это... а если и согласится, то этакая жизнь будет ей тяжела.

Этакое хождение друг к другу в гости нам уже давало себя знать – это, действительно, тяжело, не удовлетворяет... Так вот она говорит, что ей будет и теперь также тяжело... Она проплакала вчера целый день... Чего она боится? Что изменится, если мы поселимся под одной крышей? Ведь детей у нас не будет!»

Бунин хотел было уехать в Москву, где нашёл работу в статистическом управлении с жалованьем один рубль в день, но потом решил остаться в Орле.

Письма Ивана к брату Юлию становились всё тревожней. 3 августа 1892 года Бунин откровенно изливал своё тяжелое душевное состояние, мучившее его в разлуке с Варварой: «В Орле при таких обстоятельствах, т. е. не видясь с ней, я жить не могу?! К тому же я один, убью себя, убью! Надо хоть к тебе в Управление?.. Помогите, помогите и помогите, милый, ножки твои целую!»

Юлий Алексеевич не на шутку забеспокоился состоянием брата и не раз приезжал в Орёл, чтобы как-то уладить отношения Ивана с Варей. Но что мог сделать старший брат, если сами влюблённые не могли разобраться в своих чувствах!

Варвара тоже стала доверять свою душевную смуту Юлию Алексеевичу и искать у него совета: «...Только на вас я надеюсь в смысле его (то есть Ивана. – А.П.) образумления...»

«За последнее время особенно часты и резки стали ссоры с Ваней; сначала я и сама придерживалась пословицы: “милые бранятся”, и каждая наша ссора кончалась хорошим миром, – жаловалась Варя Пащенко в письме к Юлию Бунину от 8 июля 1892 года, – теперь же эти ссоры участились и мы, буквально, миримся для того, чтобы вновь поссориться... Иван мне поклялся, что он будет верить мне, перестанет изыскивать предлоги для ссор... Я всему этому ещё раз поверила, но, конечно, напрасно: на другой же день мы поссорились, и поссорились серьёзно. Так длилось больше месяца; теперь я уже не верю ни его обещаниям, ни клятвам...

Пишу я вам, голубчик, потому что сама этого не скажу Ивану: он меня пугает самоубийством, поэтому я бы очень хотела, чтобы вы сами сказали ему это: вы не допустите его ни до какого сумасбродства...»

Юлий Алексеевич понял, что младшего брата надо срочно брать под свою опеку, пока не произошло непоправимое, вызвал брата к себе в Полтаву и стал искать работу для него и для Вари.

Перебравшись в конце августа 1892 года в Полтаву, Иван с помощью брата поступил на работу в губернскую управу. Влюблённые соединились в Полтаве, но семью так и не создали.

Казалось, всё складывалось неплохо, но мучительная любовь к Варваре и её нежелание соединиться с ним брачными узами не давали Бунину покоя. В душу закрадывалось сомнение во взаимности чувств Варвары, и он исторгал из самой глубины сердца мучительные строки:

*Не пойму, кого с тоской люблю я,
Кто мне дорог... И не всё ль равно?
Счастья жду я, мучась и тоскуя,
Но не верю в счастье уж давно!*

Разрыв стал неизбежным, 4 ноября 1894 года, возвратившись вечером домой, Бунин обнаружил Варину записку: «Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом». В его груди что-то словно оборвалось. Свет в глазах померк. В ушах слышался отдалённый звон. Не чувствую под собой ног, он тяжело опустился на кровать. Как же так? Что произошло? И как понимать Варины ночные ласки? Что её не устраивало? Бедность? Но всё со временем наладится... Нет, теперь уже не наладится. Расколотую чашку не склеить, разбитую любовь не вернуть.

На самом деле, Варвара к этому времени уже охладела к своему возлюбленному – охладела душой и телом. А вот

состояние Ивана вызывало опасение у родных. По просьбе Юлия Алексеевича из Огнёвки приехал средний брат Евгений, чтобы увезти Ивана к себе, и вместе со старшим братом они отправились в родные орловские места. В Ельце Иван попросил братьев позволить ему объясниться с Варварой. Зашёл к Пащенко – и получил холодный отказ.

В строках, относящихся к 1894 году, Иван изливал свои чувства следующим образом:

*Если б только можно было
Одного себя любить,
Если б прошлое забыть, –
Всё, что ты уже забыла.*

*Не смущал бы, не страшил
Вечный сумрак вечной ночи:
Утомившиеся очи
Я бы с радостью закрыл!*

В 1895 году Бунин оставил службу в Полтаве и подался в орловские края, к Евгению Алексеевичу, который владел землёй в сельце Огнёвка. Потянулись мучительные дни. Кажалось, что сама жизнь капля за каплей сочится из его измученной души.

Нежданное известие ошеломило. В апреле, приехав в Елец, Бунин узнал, что его неверная возлюбленная Варвара Пащенко вышла замуж за его знакомого – сына состоятельного елецкого помещика Арсения Николаевича Бибикова. От удара Иван едва не потерял сознание. По словам сестры Марии, с братом «сделалось дурно, его водой брызгали».

По собственному признанию Бунина, он «насилу выбрался на улицу, потому что совсем зашумело в ушах и голова похолодела, и почти бегом бегал часа три по Ельцу, около дома Бибикова...»

Бунин так и не узнал, что отец Варвары всё-таки дал согласие на брак дочери с ним, но коварная возлюбленная этот факт от Ивана скрыла. Как впоследствии признавался Иван Алексеевич, «ему и в голову не приходило, что у неё могли быть (и есть) тайные... чувства и мысли».

«Есть, брат, женские души, которые вечно томятся какой-то печальной жаждой любви и которые от этого от самого никогда и никого не любят. Есть такие – и как судить их за всю бессердечность, лживость, мечты о сцене...», – позднее напишет Бунин, вложив свои достаточно нелицеприятные размышления о женщинах в уста разуверившегося в любви капитана и выделив особенно важные слова курсивом.

Видимо, измена Варвары заставила Бунина разочароваться в женщинах вообще, поэтому в его творчестве физическая близость, плотское наслаждение нередко берёт верх над любовью одухотворённой...

Внезапным прозрением отмечено стихотворение Бунина, которое относится к 1898 году:

*Беру твою руку и долго смотрю на неё,
Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело:
Вот в этой руке – всё твоё бытиё,
Я всю тебя чувствую – душу и тело.*

*Что надо ещё? Возможно ль блаженнее быть?
Но Ангел мятежный, весь буря и пламя,
Летающий над миром, чтоб смертною страстью губить,
Уж мчитя над нами!*

Через много лет одна из парижских дам-меценаток поделилась с писателем своим мнением о героине его романа «Жизнь Арсеньева»:

– Знаете, Иван Алексеевич, а мне кажется, вы зря свою Лику угробили. Ведь в действительности ваша Пащенко,

бросив вас, вышла выгодно замуж, устроилась и родила дочь...

Бунин вспыхнул, но ничего не ответил, а когда дама удалилась, возмущённо проворчал:

– Вот ещё! Учить меня вздумала...

Очевидно, Ивану Алексеевичу, стало не по себе от того, что дама отвергла его как писателя, а он, гордец, не хотел этого признавать...

Однако на позднем склоне жизни к Бунину пришло понимание того, что всякая любовь – великое счастье, даже если она не разделена.

Не подлежит сомнению, что своё знаменитое стихотворение «Одиночество», относящееся к 1903 году, Бунин писал с думой о Варваре Пащенко:

*И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней вода.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом и дует в окно.*

*Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один – без жены...*

*Мне крикнуть хотелось вслед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.*

Образом Варвары Пащенко, а возможно, и реальной встречей с бывшей «невенчанной женой» навеяно и стихотворение, относящееся к 1905 году:

*Мы встретились случайно, на углу.
Я быстро шёл – и вдруг как свет зарницы
Вечернюю прорезал полумглу
Сквозь чёрные лучистые ресницы.*

*И ласково кивнула мне она,
Слегка лицо от ветра наклонила
И скрылась за углом... Была весна...
Она меня простила – и забыла.*

Очевидно, Варвара Пащенко, ставшая женою Бибикова, обрела семейное счастье. Скончалась Варвара Владимировна в мае 1918 года в Москве, где в то время жил Бунин вместе со своей гражданской женой Верой Николаевной Муромцевой. Узнав о смерти первой возлюбленной, писатель пойти на её похороны отказался. А Вера Николаева, которая была наслышана о бурном юношеском романе своего мужа, решила поклониться праху той, любовь к которой едва не свела Бунина с ума.

«Вечером я поехала на квартиру Бибиковых, – вспоминала Вера Николаевна, – они жили далеко, где-то у Красных Ворот. Панихиды не было. Покойница лежал исхудавшая, маленькая, помолодевшая, – я сразу же представила её в пору их романа».

По-юношески страстная, беззаветная и вместе с тем трагическая любовь Ивана Бунина к Варваре Пащенко нашла яркое отражение в пятой книге романа «Жизнь Арсеньева», первоначально имевшей название «Лица».

«И БЫЛ УВЕНЧАН Я...»

Владимир Михайлович Петров

Член БОР, г. Липецк

1.

«Девятого ноября, в далёкой дали, в старинном провинциальном городе, в бедном деревенском доме телефон известил меня о решении Шведской академии...», – так начал свою Нобелевскую речь 10 декабря 1933 года Иван Алексеевич Бунин. И далее, подчеркивая своё особое положение изгнанника среди лауреатов, как бы взвешивая жизнь вдали от Родины, говорит о том, что известие о присуждении Нобелевской премии дало ему «как писателю, наиболее полное удовлетворение. Литературная премия, учреждённая вашим великим соотечественником Альфредом Нобелем, есть высшее увенчание писательского труда!».

Спустя десятилетия авторитет международной премии упрочился именами российской «нобелианы», продолжателями бунинской традиции в русской литературе – Борисом Пастернаком, Александром Солженицыным, Михаилом Шолоховым, Иосифом Бродским. Можно сказать, что в двадцатом веке наши соотечественники в буквальном смысле лидировали на мировой арене филологических знаний и гуманитарных позиций.

Путь к заслуженной славе был для Бунина, однако, не прост. Восхождение на литературный Олимп для него, академика Российской академии наук с 1909 года, началось в труднейшие начальные годы эмиграции. Впервые на премию его выдвигал в 1923 году Ромен Роллан, направив в Нобелевский Комитет рекомендацию на трёх соискате-

лей – Бунина, Бальмонта, Горького. Но предстояло прожить ещё десять сложнейших лет, наполненных трудами, чтобы достигнуть цели. Ещё не был написан роман «Жизнь Арсеньева», за который, как считал и сам писатель, присуждена награда, вышедший в печать лишь в 1930 году.

2.

В 1897 году, с трудом пережив трагедию первой любви к Варваре Пащенко, Бунин знакомится в Москве с писательницей Екатериной Лопатиной. Завязывается дружба, Иван Алексеевич даже предлагал ей руку. Позже, будучи во Франции, Лопатина жила неподалёку от Буниных и часто бывала в их доме, где они вспомнили о событиях давних лет. И вот замечательная деталь в рассказе Екатерины Михайловны: «Когда он делал мне предложение, я очень смеялась. Потом мы ездили в Царицыно дачу снимать. И он тут сказал между прочим: «Я буду знаменит не только на всю Россию, а и на всю Европу». А мне было его жаль. Я, конечно, не верила...»

В один из вечеров, на прогулке, Иван Алексеевич подробно рассказал жене и Галине Кузнецовой о давнем увлечении Лопатиной. Вера Николаевна напомнила о разговоре с Екатериной Михайловной, о его заявлении, что будет знаменит. И добавила: мол, это от тогдашнего молодого задора. На что Бунин ответил: «Нет, совершенно спокойно, я был уверен».

Эта уверенность и вела его к высокой цели, несмотря на жизненные трудности, бедность, положение эмигранта. Пришлось пережить и новую любовную драму – уже с Галиной Кузнецовой.

Званием академика Бунин гордился, злые языки в эмиграции даже утверждали, что будто бы он заказал себе визитки с надписью на французском: «Иван Бунин, бессмертный» («Immortal»). Визиток, конечно, не было, но переехав в Париж из Чехословакии, он счёл необходимым, как академик, нанести визит президенту страны Мильерану.

В беседе Бунина с Ириной Одоевцевой – по её воспоминаниям – примечательна важная фраза, сказанная им. На вопрос, испытывал ли он чувство счастья, получив Нобелевскую премию, он ответил: «Ах нет! Совсем нет! Секунду одну. Когда в кинематографе, в темноте вспыхнул свет, и я услышал: «Звонили из Стокгольма!». Ведь столько мучительного, с ума сводящие ожидания, столько бессонных ночей!.. А когда я понял, поверил, осознал, сразу будто пусто внутри стало...».

И ещё один фрагмент из воспоминаний Одоевцевой о днях совместного их проживания в 1947 году в отеле «Русский дом» в Жуан-ле-Пэн, когда Бунин, размышляя о качестве русского характера, припомнил свою молодость: «О будущем я совсем не думал, ни на какую работу способен не был. Верил, слепо верил в свой талант, в свою звезду и что когда-нибудь прославлюсь на весь мир.

– Но ведь вы и прославились, – прервала я его. – На весь мир прославились.

Он разводил руками.

– Ну и что из того? Если бы в своей стране... Что мне эта Нобелевская премия – а сколько я о ней мечтал, – принесла?».

В этих словах писателя – горькая правда о его эмигрантской славе, как бы она не была восторженно принята и высоко оценена изгнанниками.

Из воспоминаний Зинаиды Шаховской: «Самое же главное и неизлечимое – была рана, нанесённая ему судьбой, историей, революцией: изгнание. Типично русский человек в своём неистовстве, вне России себя не мыслящий, писавший для русского народа, Бунин был оторван и от России, и от читателей, для которых писал. Он ненавидел коммунизм за разрушение прошлого, без которого нет и будущего, за погашение духа и творчества, за убийство России, потому что без преемственности нет и культуры, – а цель культуры была прервана насилием и, может быть, навсегда...».

3.

Русская эмигрантская колония во Франции была неоднородна. Роднила лишь боль об утраченной Родине и ощущение бездомности. Мало кто имел средства на жизнь. Во взглядах на будущее единства не было. Мечталось – иным ещё очень долго – о скором падении большевиков, у других, напротив, росло скептическое отношение к переменам на лучшую долю. Но в первые годы всех объединяло чувство праведного гнева против тех, кто захватил власть в стране, посеял хаос и разруху, лишил будущего миллионы людей.

Георгий Адамович в статье «Русская литература в эмиграции» писал: «Россию мы терять не хотим, какая бы она ни была, – и именно поэтому положение здешних русских людей (и русской литературы, конечно) трагично...».

Было некое, отчасти, быть может, иррациональное представление и об изгнанничестве, обо всех скитальцах, унесших в эмиграцию свою Россию и, волею рока, должных на чужбине стать хранителями обесточенной Родины, её культуры, красоты, неповторимости. Ярче всего это глубинное чувство отразилось в программной речи Ивана Алексеевича Бунина, которую он произнёс в Париже 16 февраля 1924 года на вечере, тема которого говорила сама за себя – «Миссия русской эмиграции».

«Что произошло? – спрашивал Бунин. – Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека...». И далее: «В прошлом году, читая лекцию в Сорбонне, я приводил слова великого русского историка Ключевского: «Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампы над гробницей Сергия Преподобного и закроются врата его Лавры». Великие слова, ныне ставшие ужасными! Основы разрушены, врата закрыты, и лампы погашены. Но без этих лампад не бывать русской земле – и нельзя, преступно служить её тьме...»

В дикой и ныне мёртвой русской степи, где почиёт белый ратник, тьма и пустота. Но знает Господь, что творит. Где те врата, где то пламя, что были бы достойны этой могилы. Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклонюсь я в день, когда Ангел отвалит камень от гроба её...».

В этих горьких и негодующих словах – заповедь Бунина, данная, прежде всего, самому себе. Всю оставшуюся жизнь он творил, запечатлевая в своём прекрасном Слове Христову Россию, ту, что сохранил в сердце до могилы. В этом, может быть, сакральный смысл его творчества.

То, что великий творческий подвиг увенчан Нобелевской премией, – лишь одно из проявлений Божьей воли. Как и последующих страданий, искушений, испытаний.

Зинаида Гиппиус, встретившись с Буниным в Висбадене, пишет: «Он был человек особого склада, ранее нами близко не виданного – среди писателей петербургских и наших кругов вообще, – а потому особенно меня заинтересовал. Кроме того, и в литературе он, при большом его таланте, имеет какую-то границу пониманья. Он слишком в прошлом...».

Многие эмигранты речь Бунина восприняли как манифест. Внутренний посыл её был, разумеется, велик. Но как пронести эту миссию, эту гордую принадлежность к России, будучи изгнанником в чужой стране, в нужде, в житейских бедах? Ведь даже нансеновские паспорта имели не все эмигранты.

Уместно привести отклик писателя Михаила Осоргина на страстный призыв Бунина. Осоргин пишет: «Конечно, эмиграции легче жить, думая, что у неё есть высокая миссия. Но долго такой самообман тянуться не может...».

Что касается самого Бунина, то Осоргин решительно отделяет Бунина-художника от Бунина-политика. И даже выражает надежду, что писатель возвратится в Россию: «Как писатель – а ими Россия скудна – он там положительно необходим; как «политик» он там – слава Богу – совершенно неведом и никому не интересен... Литература выиграет – политика ничего не проиграет».

При всей категоричности такого взгляда Осоргин всё же преувеличивает «политическую миссию» Бунина: его выступление, честное, негодующее, эмоционально окрашенное, – прежде всего, речь художника слова, страстного и бескомпромиссного. Да ведь любой честный писатель – всегда политик, независимо от желания быть или не быть им, Бунин не исключение. Как личность цельная, он оставался писателем. «Миссия русской эмиграции» тому яркое свидетельство!

(Тут, кстати, следует вспомнить об отношении литературной общественности Петербурга к поэме Александра Блока «Двенадцать», опубликованной в 1918 году. Та же негативная общественная оценка, тот же упрек в крене «в политику», «измене» поэзии...).

В публицистике, в статьях первых лет эмиграции Бунин словно изживал боль от увиденного в России большевистской – в родных краях, в Москве, в Одессе.

Измученный скитаниями и бытовой неустроенностью, он выбрал для жительства город Грасс на юге Франции. Грасс немного согревал душу, напоминал о родине – неспешным провинциальным бытом, роскошью природы, звоном колоколов. Иван Алексеевич с головой ушёл в литературный труд. Мысль о Нобелевской премии не покидала, закалённый испытаниями, утратив Россию, он не был духовно сломлен, ощущал свои силы, возможность достичь широкого признания здесь, в Европе.

В 1925 году Бунин создаёт повесть «Митина любовь» – отражение трепетных юношеских чувств первой любви. В 1927 году он приступает к роману «Жизнь Арсеньева» – широкому полотну о погибшей России и возвышенной песне о собственной судьбе: роман наполнен пережитыми чувствами и мыслями писателя.

Наверное, шедевр вышел бы из-под пера мастера несколько иным. Если бы не нахлынувшая, роковая любовь к Галине Кузнецовой.

Галину представил Бунину поэт Модест Гофман. Потом они долго беседовали, при расставании она, робея, призналась: «Вы – мой кумир!». Тогда-то и случился для обоих ослепительный «солнечный удар». Несмотря на разницу в возрасте в тридцать лет, Галина решительно разрывает с мужем и входит в семью Буниных...

«Тяжела, темна стезя земная, и зачтётся в небе каждый вздох», – так писал Бунин в одном из своих стихотворений. Любовь Галины обострила чувства, жизнь обрела полноту, творчество – радостное вдохновение. Думается, этим объяснима необычайно яркая, божественная ткань повествования романа «Жизнь Арсеньева». Бунин словно вновь остро пережил всё молодое, сложное, родное и... неповторимое. И силой любви, силой своего дара останавливал в романе время, наполнял страницы любовью и радостью бытия...

Чувства к Галине наложили свой благотворный свет на бунинский мудрый художественный метод. Этот метод можно представить двумя простейшими словами: смотрите и переживайте. Бунин обогащает нас опытом – не «идеями». Это и есть единственный законный путь художества, неизменно имеющийся в наличности везде, где есть подлинное искусство – так оценивал его творчество Владислав Ходасевич.

Он вглядывался в прошлое и переживал его вновь – в преображающем свете творческого воображения. Взаимные чувства окрыляли и Галину, и Ивана Алексеевича. Молодая писательница в те годы признаётся:

«Радуюсь, что пишется легче и свободнее, чем прежде, что кажется можно взять любой кусок жизни и писать – всё должно удаваться. Это как бы медовый месяц творчества...».

Упорно работая над своими произведениями, Галина много времени и сил уделяла Ивану Алексеевичу: «Я слишком много сил отдаю роману И.А., о котором мы говорим чуть не ежедневно, обсуждая каждую главу, а иногда и некоторые слова и фразы...».

Вера Николаевна тоже в трудах – печатает главы, перепечатывает страницы после правок. Но, конечно, жизнь не сосредотачивалась только на этом: Галина публикует свои произведения, готовит книгу стихов Ивана Алексеевича, ведётся обширная переписка. А ещё поездки, встречи, дальние прогулки...

Огромная, не прекращающаяся ни на миг, внутренняя работа Бунина над «Жизнью Арсеньева» в семейном окружении, в присутствии рядом Галины Кузнецовой одухотворяла его художественный дар. Екатерина Лопатина отозвалась о его творчестве необычайно образно: «Он пишет так, точно Христос и не рождался!».

4.

А между тем борьба за Нобелевскую премию продолжалась. Приведём здесь хронологические этапы «нобелевского марафона», в котором участвовали русские писатели-эмигранты и советский Горький. Основным конкурентом Бунина в тридцатые годы был Дмитрий Мережковский. На «Нобеля» он номинировался десять раз, первая попытка была в 1914 году после выхода собрания сочинений. В 1918 году безуспешную попытку сделал Максим Горький, а всего таких попыток у него было шесть.

В 1923 году (как уже сказано выше, с подачи Романа Роллана, предложившего три кандидатуры – Бунина, Бальмонта и Горького) лаврами увенчали ирландца Вильяма Гейтса. В 1926 году номинировался казачий генерал Пётр Краснов, автор многих романов. В 1931-32 годах – вновь Мережковский, Бунин и Иван Шмелёв. И наконец, год 1933-й, когда цель, к которой так долго шёл Бунин, была достигнута.

Чаша весов колебалась все эти годы между тремя русскими писателями – Буниным, Куприным, Мережковским. Андре Лихтенберже, литератор из Франции, писал: «Трудно найти иную форму следования благородной цели создателя премии Нобеля, как это присуждение её русским писателям.

Это воздаяние по заслугам людям, поддерживающим на подобающем месте свою национальную культуру в момент, когда на родине изнемогают от разлива варварства...».

Немало хлопотал за писателя Марк Алданов, которого благодарный Бунин, в свою очередь, представлял на премию в 1947 году.

Но, конечно, были и противники русских писателей, было давление на Комитет и со стороны советской дипломатии, отстаивавшей кандидатуру Горького.

В 1929 году профессор славянской литературы в Копенгагене А. Карлгрен вновь выдвигает Бунина. Одновременно с ним славист, профессор Лундского университета С. Агрелл предлагает Бунина и Мережковского. Нобелевский Комитет присуждает премию американцу Синклеру Льюису.

В следующем году появляется статья журналиста И. Троцкого, в которой он ставит вопрос прямо – неужели у русских писателей-эмигрантов не найдётся друзей, чтобы поддержать их? По словам Бунина, «после корреспонденции И. Троцкого чуть ли не все кинулись выставлять свои кандидатуры и при посредстве своих почитателей выставили их».

Рискнул сделать этот шаг в 1930 году Иван Шмелёв, писатель особого дара, творчество которого буквально пропитано русским духом, старомосковским колоритом, который усиливал ностальгию по Родине. Шмелёв так пишет о своём решении: «Горе русским, что нет в Комитете никого, кто читает по-русски, но есть «представляющие»... И вот – предвидя провал – я всё же хочу рискнуть...».

Известно несколько имён европейских писателей и учёных, с которыми Шмелёв вёл переписку с просьбой поддержать его кандидатуру. Поддерживали его Константин Бальмонт и настойчиво – философ Иван Ильин, дружба с которым была особенно близкой и многолетней. Он также решил обратиться за помощью к славистам европейских стран.

О Бунине и Мережковском Ильин отозвался, словно возражая на требования Нобеля увенчивать тех писателей, чьё творчество «проникнуто человеческим идеалом»: «Мережковский есть одно дутое недоразумение. Но я не понимаю, какой «человеческий идеал» или «идеализм» можно находить у Бунина. Мрачнейший из эпикурейцев,... великий микроскопист элементарно-родового инстинкта. Его учитель – Лев Толстой в «Смерти Ивана Ильича»...

Известна переписка этих двух выдающихся личностей – Шмелёва и Ильина: три огромных тома под общим названием «Переписка двух Иванов», охватывающая период с 1927 по 1950 годы. Документ эпохи, потрясающий по изображению духовных изломов эмиграции, страстных надежд, несбывшихся желаний и, конечно, надлома, падения нравов в литературно-газетной среде.

Выпукло в переписке изображается атмосфера соперничества, насмешек и клеветнических наветов, которая складывалась в эмигрантской среде в период «схватки» за перо «жар-птицы» – до и после получения её Буниным.

В хронической нужде и бесперспективности существования на чужбине Нобелевская премия виделась как, пусть иллюзорное, но спасение, дававшее обеспеченность на какой-то период жизни. «Но в нашем понимании теперь получить премию, – писал Шмелёв, – обеспечить себя для большой литературной работы. Это – соблазн...». А потому страсти разгорались нешуточные, подогреваемые «акулами пера» изданий самых разных политических оттенков.

В 31-м году премия вновь обошла русских эмигрантов. Иван Шмелёв пишет Ильину: «Бунин был уверен, что присудят ему... были подняты все силы, из 7 государств. И – Эм. Нобель. Но он заболел и не мог приехать...».

А вот запись Галины Кузнецовой этого года: «Вчера известие. У Эм. Нобеля кровоизлияние в мозг... И. А. читал письмо за завтраком. С первых же строк весь покраснел и ударил кулаком по столу:

– Нет! Вот моя жизнь! Всегда так!».

Бунин, как видим, надеялся на поддержку сына Нобеля, но...

Известие о том, что на премию выставлялась и кандидатура Шмелёва, как пишет Кузнецова, почти оскорбило его: «Кем? Да ведь это смехотворно!». Тут, безусловно, сказалась горячность Бунина, ведь Шмелёв тогда тоже не был увенчан лаврами.

Шмелёв в письме к Ильину отнёсся к поражению не так резко: «Нобелевское улыбнулось русским! Бунин – да, за него я, как русский, не постыдился бы. Но получи Мережковский – позор!».

Но очередная неудача не сломила. Бунин продолжал работать, искать поддержку у влиятельных литераторов и журналистов. Хотя, порой, сомневался в успехе, заявляя в домашних беседах: «Нет, именно оттого, что мы так бедны и что эти деньги нас спасли бы, этого не может быть. Так не бывает».

Подогрел страсти Мережковский: у последнего созрел план одолеть нобелевскую вершину вдвоём с Буниным: кто бы ни стал лауреатом – премию пополам! Разумеется, предложение было неприемлемо для Ивана Алексеевича.

В 1933 году перевод «Жизни Арсеньева» вышел на английском языке. Опубликован роман в Норвегии, Швеции, Италии, шли переговоры о французском издании. И отовсюду блестящие отзывы, похвалы.хлопоты о премии сосредоточились на том, чтобы, прежде всего, дать соответствующую информацию Шведской Академии наук, Нобелевскому Комитету – авторитет номинанта был высок.

Наконец, известие пришло: «Решением Шведской Академии от 9 ноября 1933 года Нобелевская премия по литературе за этот год присуждена Ивану Бунину за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типично русский характер...»

Русская эмиграция известие о присуждении престижной премии встретила с ликованием – это была радость изгнанников, потерявших родину, гордость, и в некотором роде утверждение: «Мы есть! Жива Россия, жива великая русская литература!».

Появилась, пусть временная, политическая реабилитация в атмосфере отчуждённого отношения европейцев к эмигрантам: «Мы не пыль Истории, мы – русские!»

Но из «Переписки двух Иванов» можно видеть, что были и потаённые оценки – невысказанный упрёк лауреату за то, что в Нобелевской речи он не сказал (не нашёл) весомых слов о России, о русской литературе, более сосредоточив внимание на собственной изгнаннической судьбе.

Ильин пишет Шмелёву: «Бунин не сказал ни словечка и о русской литературе. Его «поправил» (да!) сам Король: «Радуюсь за вашу литературу!». И далее: «Я люблю Бунина за чистоту слова, за труд, за вкус, за русскую природу. Много сохранил нам, собрал. Большой талант. Но как же так... не сказать pro Russia? Всё свести – к себе...»

В этом высказывании – отголоски тревожных мыслей философа, его раздражение состоянием эмигрантского сообщества, где шло естественное угасание духовной стойкости, надежд, утрата гордой силы русского духа.

Между тем и на другой стороне, в большевистской России, пристально и с неприязнью наблюдали за творчеством писателей-изгнанников. Но тут уж раздавалось с плеча – как врагам.

После знакомства с «Миссией русской эмиграции» бывшего друга отвергнул Горький. В письме Роллану 21 марта 1925 года он пишет: «А если б вы знали, в какой изумительно вульгарной форме ведётся полемика с большевиками. Иван Бунин на одном из эмигрантских диспутов в Париже ругался «матерной» русской руганью, гнуснее которой я ничего не знаю!».

Ещё в 1925 году, читая советские газеты и журналы, Иван Алексеевич отозвался на критику в статье «Российская человечина». В частности, о статье в «Известиях» с оценкой повести «Митина любовь» и статьях А. Воронского. Пафос всей откровенно политизированной большевистской «критики» был в одном – находясь в эмиграции, русские писатели мельчают, теряют дар, а психика их «опустошена, выпотрошена, prostituiрована». Доставалось всем – Бунину, Куприну, Шмелёву, Мережковскому.

На фальшивый совет «общаться с Россией», чтобы спастись от эмигрантского «окостенения», Бунин напомнил о рве, могиле, «где лежат десятки тысяч тех, с кем я был и есмь» и памяти которых никогда не изменит. Эта могила «вечно будет отделять меня вовсе не от России. Из-за России-то и вся мука, вся ненависть моя...»

5.

В моём собрании материалов о Бунине есть редкая статья литературного русофоба Ильи Марковича Василевского, в советских энциклопедиях проходившего под псевдонимом Не-Буква. Этот Не-Буква был столь же злобен, сколь и плодовит. Известны его шутовские стихотворения-«перепевы» произведений Лермонтова, таких как «Спор», «В деревне», Фета «Шёпот, робкое дыханье» и других авторов. Им написано множество пародий, статей и рецензий, критических разборов, карикатур. Он выступил и как автор пасквильных романов о царской династии – «Романовы», «Николай II».

В 1925 году он издал книгу «Что они пишут? Мемуары бывших людей» – о литературных произведениях русских писателей-эмигрантов, где Ивану Алексеевичу Бунину посвящена статья «Дворянская гордость». К ней стоит приглядеться.

«И.А. Бунин, бесспорно, является одним из наиболее крупных и талантливых представителей белой психологии», –

запевает Не-Буква свою оценку «бывшего человека». – Мы видели уже, какой роковой печатью бесплодия отмечен и этот писатель вместе со всеми, кто очутился в «тупике» неприятия России и революции. Подлинного писательского голоса он так и не подаёт. О психологии И.А. Бунина в наши дни приходится судить не по его творчеству (об этом и помина нет), а только по случайным выступлениям.

В последнее время (это 1923 год, когда номинировались Бунин, Бальмонт и Горький – В.П.) выяснилось, что очередная Нобелевская премия будет, по всей видимости, присуждена России. Наиболее вероятным лауреатом, в качестве представителя русской литературы, влиятельные французские круги называют Максима Горького. И маститый Анатоль Франс, и Ромен Роллан, и другие полагают, что именно Горький – и в своём творчестве, и в своей личной жизни – наиболее ярко и исчерпывающе отразил Россию и её бескрайнюю, безграничную живую душу...» (обратим внимание на стиль этого знатока русской литературы и русского языка!).

А далее Не-Буква прибегает к излюбленному приёму поучающего ерничества. Объектом насмешек выбрана опубликованная автобиография Бунина. «И.А. Бунину в области писем конкуренции с Д.С. Мережковским никак не выдержать. Он избрал иной путь саморекламы – путём распространения автобиографии воистину американского образца...» (снова обратим внимание, каков стиль! – В.П.).

Разбор автобиографии пристальный, построчный. Ни один факт её не остаётся не осмеянным. Припоминает «р-революционный» критик всё – и литературную деятельность в Одессе, и серию политических статей «талантивого, но именно в области политики хромящего на обе ноги писателя».

«Ещё в Одессе, – ставит диагноз Не-Буква, – в период чёрносотенного (!) бунинского «Южного Слова», началась у писателя та роковая полоса художественного бесплодия, какая получилась в результате его увлечения злобной де-

никинской публицистикой...». И вывод: «Но И.А. Бунину умилённый и торжественный тон его густо-рекламной и самохвальной автобиографии пользы не принесёт. Для этого она слишком комична и смехотворна...».

Тут, кстати, следует напомнить о другой «биографии», насквозь выдуманной, сочинённой о себе Максимом Горьким. Но это, понятно, дело другое – Горький ведь в стане большевиков!

Но биография – биографией, а что же пишет Бунин? – задаётся вопросом политкритик. И формулирует ответ: «Увы, иных, подлинно писательских проявлений (!?) – в течение целого ряда лет – нет. Молчит задушенная злобой и ненавистью муза...».

Вывод этот – единственно возможный для «нового русского человека» Не-Буквы: у «победителей» одна магия, одна цель – лгать безоглядно. Что этому литературному пакостнику судьба тех, кто остался без родины, без дома, без прошлого и будущего?

(...Сам Не-Буква 1917 год, однако, не принял, бежал во Францию, пытался организовать издательство, но, очевидно, поразмыслив, что среди «своих» ему будет в России выгодней заниматься очернением её истории, литературы и, конечно, «бывших», вернулся назад и занялся привычным делом. Пока не получил заслуженного воздаяния в 1938 году. Господь долго терпит, да больно бьет!)

И ещё одну знаковую оценку получил Бунин из покинутой и чуждой теперь страны под аббревиатурой СССР, со страниц «Литературной газеты», назвавшей классика «матёрым волком контрреволюции».

6.

На Нобелевскую премию в 1933 году номинировались двадцать семь авторов, в числе которых Бунин, Горький, Мережковский, испанец Гассет, чех Карел Чапек и француз Поль Валери. Лауреатом стал Иван Бунин.

Как уже сказано, решение Нобелевского Комитета в эмигрантской среде в основном восприняли одобрительно. Но вот, например, Марина Цветаева написала накануне чествования лауреата в Париже: «Буду сидеть на эстраде и чествовать Бунина. Уклониться – проявить протест. Я не протестую, я только не согласна, ибо несравненно больше Бунина – и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее – Горький. Горький – эпоха, и Бунин – конец эпохи».

Столь категоричная оценка Цветаевой прошла проверку временем. А мы напомним об оценке Горького известного критика Юлия Айхенвальда: «...Горький и не начинался» (Б. Зайцев, «Москва»)

По воспоминаниям Нины Берберовой в её известной книге «Курсив мой», можно судить о том, что Мережковские поражение перенесли внешне достойно. Когда Бунин появился с визитом в их доме, «все, за исключением одной Зинаиды Николаевны, встали и почтительно замерли на своих местах. Мережковский, побледнев до пепельной серости, вскочил и ещё больше сгорбившись, суетливо, почти вприпрыжку, бросился встречать... Зинаида Гиппиус одна среди этого моря почтительного волнения сохраняла спокойствие и хладнокровие. Грациозно подавая руку Бунину, она протянула лениво: – Поздравляю, – и добавила после короткой паузы: – И завидую».

Нужда для Бунина, казалось, ушла в прошлое: чек на 715 тысяч швейцарских франков сумма хоть и невеликая, но при умелом распоряжении могла бы поддерживать семью долгие годы. Даже при том, что часть её, около 120 тысяч франков, Бунин раздал нуждающимся соотечественникам, ведь за помощью к нему уже в первые месяцы обратилось более двух тысяч человек, среди них была и Марина Цветаева.

Вернёмся к воспоминаниям Зинаиды Шаховской в её книге «Отражения»:

«Бедность Буниных была удивительна. При умении и малой доле практичности денег Нобелевской премии должно

было хватить им до конца. Но во времена «жирных коров» Бунины не купили ни квартиры, ни виллы, а советники по денежным делам, видимо, позаботились больше о себе, чем о них...».

Красноречивы и записи Бунина в дневнике от 10 мая 1936 года: «Да, что я наделал за эти два года... Агенты, которые вечно будут получать с меня проценты, отдача Собрании сочинений бесплатно... С денег ни копейки доходу... И впереди старость. Выход в тираж».

Зинаида Шаховская конкретизирует: «В денежных делах Бунины были беззащитны, а опекуны – легкомысленны или вероломны. Как-то, вопреки своей воле, И.А. в ту пору, в тридцатых годах, деньги всё-таки тратил: одной из молодых писательниц вставил зубы, другой купил платье, ещё кого-то чем-то одарил... – и дом Буниных остался пустодомом...»

Но, думается, причина обнищания Буниных была не только в житейской непрактичности его и Веры Николаевны. Надо ещё помнить – «на шее» у Бунина были ещё три великовозрастных «нахлебника». Нельзя забывать и о Галине Кузнецовой – ученице и последней любви Бунина.

В своих прежних работах я уже касался темы их непростых взаимоотношений. Бунин многому научил её в искусстве литературного творчества, да и сама она была человеком одарённым, наблюдательным, тонко и глубоко чувствующим. Но... был в её психике, очевидно, природный надлом. Он-то и определил её дальнейшие после получения Буниным премии жизненные изгибы. И то, что она ушла именно к женщине, сестре друга Бунина, философа Федора Степуна, не прихоть страсти, а закономерность: дегенеративность Марги Степун – черта, похоже, тоже родовая. Подобное тянется к подобному...

Вот две записи из дневника Бунина – до премии и после: «18 мая 1932 года. Лежал в саду на скамье на коленях у Г., смотрел на вершину дерева в небе – чувство восторга жизни...».

7 апреля 1936 года, Грасс: «Главное – чувство обиды, подлого оскорбления – и собственного постыдного поведения. Собственно, уже два года болен душевно – душевно больной...».

В августе вновь укоряет себя: «Иногда страшно ясно сознание: до чего я пал! Чуть не каждый шаг был глупостью, унижением! И всё время полное безделие, безволие – чудовищно бездарное существование!».

Между этими записями – мрачная, тёмная пропасть, лишь на мгновенье озарённая ослепительным светом славы и признания. Но душа, оказывается, живёт по своим законам – что ей слава, что деньги, если нет любви, нет любимой женщины рядом...

Можно только вообразать, что творилось в его измученной душе, каких сил стоило вновь принять в семью теперь уже «сладкую пару», одна из которых – его бывшая, чужая, отчуждённая любовь...

С годами боль хоть и утихала, но не покидало прошлое – с ней, с Галиной, с которой, однозначно, хотелось умереть – вместе!

Бунин чувство любви воспринимал как чувство глубоко трагическое, даже в мгновенья высочайшего слияния. Трагедия любви в том, что она – концентрированное выражение трагичности людской жизни вообще: от рождения – к уходу в мир иной. А он ощущал мир и венец его – Женщину – очень остро, порой мучительно...

Уход Галины во многом определил и судьбу нобелевских денег, и отношение к дальнейшей жизни – уже в годы угасания. В трудной жизненной драме классик нашёл силы написать то, что было дано написать только ему – цикл рассказов «Тёмные аллеи», гимн земной человеческой любви, святой и, в сущности, обманчивой, словно волшебный мираж в пустыне жизни.

Но, как думается, писатель судьбой и творчеством утверждал – ради любви и стоит жить! Об этом его книги, его

нежнейшая по чувствам любовная поэзия. А слава, награды – всё тлен, как и всё земное!

В 1952 году в тесной парижской квартирке на улице Жака Оффенбаха больной, угасающий Бунин напишет одно из последних своих стихотворений, навеянное воспоминаниями о кратких счастливых днях нобелевского торжества, «Два венка». Вчитаемся, вдумаемся в эти краткие прощальные строки:

*Был праздник в честь мою, и был увенчан я
Венком лавровым, изумрудным:
Он мне студил чело, холодный, как змея,
В чертоге пирном, знойном, людном.
Жду нового венка – и помню, что сплетён
Из мирта тёмного он будет:
В чертоге гробовом, где вечный мрак и сон,
Он навсегда чело моё остудит.*

* * *

На этом можно было бы поставить и точку. Но не отпускает Иван Алексеевич, напоминает – не о смерти, а о жизни, о Боге:

*Очарованием, молчаньем –
Как, Господи, благодарить
Тебя за всё, что в мире этом
Ты дал мне видеть и любить...*

Да, всё земное, человеческое – в руках Бога!

ПРОЕКТ «РУССКОЙ САФО» ИМПЕРАТОРУ НЕ ПРЕДСТАВИЛИ...

Михаил Иванович Корольков

*действительный член Петровской академии
наук и искусств (Санкт-Петербург),
председатель Липецкого областного
отделения ВООПИиК*

Анна Петровна Бунина [7(18).01.1774 – 4(16).12.1829] – первая в отечественной литературе профессиональная поэтесса – родилась в селе Урусово Ряжского уезда Рязанской губернии (ныне Чаплыгинский район Липецкой области) в дворянской семье. Иван Алексеевич Бунин в книге «Воспоминания» в разделе «Семёновы и Бунины» писал о том, что он состоял «по женской линии» с ней в родстве, подробно изложил биографию и с уважением считал предшественницей в своем творчестве.

Первые публикации стихов и прозы А.Н. Буниной относятся к 1806 г. Современники называли её «русской Сафо», что нашло отклик не только среди литераторов (Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, А.С. Шишков, И.А. Крылов, В.С. Раевский, М.Н. Макаров, Б.К. Бланк, С.Т. Аксаков, Ф.Н. Глинка), но и было отмечено императрицей Елизаветой Алексеевной.

За сборник стихов «Неопытная муза» она пожаловала поэтессе подарок – лиру, осыпанную бриллиантами, и назначила ежегодную премию в 400 рублей [4, с. 48, 49].

Напряжённая работа и внешние обстоятельства надломили здоровье А.П. Буниной. После малоуспешного лечения в Англии (1815–1817 гг.), затем на Кавказе и Липецком курорте она переезжает в 1823 году на постоянное жительство в село (или сельцо?) Денисовку (имение двоюродного брата Д.М. Бунина) [2, с. 455]. Последние годы жизни прошли в страданиях и стремлении преодолеть болезнь. Пишет в единственно удобной для себя позе – стоя на коленях [3, с. 363]. И находит силы для чтения проповедей Димитрия Ростовского, митрополита Платона и произведений европейских авторов – Луи Бурдалу, Жана-Батиста Массильона, Франсуа Фенелона, переводит на русский язык «Нравственные и философские беседы» шотландского писателя и религиозного проповедника Гуго Блэра [2, с. 455]. Возможно, накопленный жизненный опыт и знания, настоятельно потребовали найти соответствующую сферу для практического их применения. Началом реализации нового «проекта» явилось письмо, направленное по почте 13 марта 1824 года министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну:

«Осмеливаюсь представить Вашему Сиятельству сокращённое начертание плана, предполагаемого мною училища благородных девиц Тамбовской губернии. Удостойте, Почтеннейший Князь принять оное и в случае одобрения Вашего, есть ли разсудите за благо, сообщить в удобное время Государю Императору.

Сохраняя в душе моей чувства непрестанной благодарности, имею честь быть с глубочайшим почтением Вашего Сиятельства, Милостивый Государь, Покорнейшая Анна Бунина» [1, л. 1].

В приложенном к письму «начертании» с длинным названием «Главные статьи постановлений училища, предполагаемого для воспитания девиц в Тамбовской губернии» кратко

изложены хозяйственные вопросы, обязанности воспитателей, дежурных учениц, содержателя и членов училища (образ «родительского комитета»), режим дня воспитанниц, методика проверки знаний, требования к выбору книг для чтения. Училище в начале рассчитывалось на 12 учениц, плата за обучение в год составляла 800 рублей, вместо платы за содержание родители были обязаны присылать «запас, состоящий из муки, круп, горох, пряности, масло, свечах, то есть всё, что употребили бы на них при домашнем воспитании», «каждый год давать бельё и платье, которое должно быть под одну форму и в совершенной простоте» [1, л. 2, 3]. Предпочтение запасов деньгам объяснялось двумя причинами:

– помещики хлебных губерний получали в то время «гораздо уменьшенные с деревень своих доходы, ибо цены хлеба и прочих отраслей хозяйственного произведения упали и продажа оных соединена с большим затруднением»;

– выбранным способом оплаты автор проекта отклоняла от себя «самомалейшее подозрение нащёт (насчёт) корыстолюбивых притязаний, (ибо) всякий знает, что невозможно в деревне тайным образом продавать из училища хлеба и проч(ие) провизии, да и купить оных не нашлось бы охотника» [1, л. 2].

Обоснованы очерёдность и порядок доставки запасов: «Полный, за каждую девицу запас должен быть присылаем 1го числа месяца, дабы полученным за одну девицу запасом можно было содержать всех 12 в течение целого месяца. Чередуясь таким образом, всякий остережётся присылать дурное, и круг года совершится без малейшей сбивчивости и затруднения, ближайшие училищу расстоянием будут присылать запас (в) весенние и осенние месяцы» [1, л. 3].

На полученные за обучение и воспитание деньги предполагалось нанять двух учителей «с достаточными сведениями», воспитанницу Смольного монастыря с обязанностями вести учениц «точно таким порядком, в котором возросла она сама под милосердным и попечительным надзором Ея Император-

ского Величества» и «благородную пожилых лет госпожу, как для внутреннего хозяйства, так и для надзора за девицами во всякое время» [1, л. 3]. Для себя Бунина не назначила никакой платы, «почитая оную в успехах, но обязуюсь давать девицам уроки всему, что знаю сама, притом буду переводить и составлять для наставления их книги, смотреть за их ученьем, в особенности же за поступками и образом мыслей» [1, л. 3].

В случае накопления денежного вклада предполагалось с общего согласия членов училища купить материалы для воспитательного дома, который должен быть возведён «на земле купленной, или подаренной в пользу училища, дабы постигшая меня смерть не могла разрушить сего заведения и оно могло бы (быть) самостоятельным» [1, л. 3, 3 об.].

Наиболее подробно представлен распорядок дня и порядок оценки уровня знаний:

1е. Девицы встают в 5 часов, принеся хваление Богу, одеваются и идут в мою комнату.

2е. В комнате моей садятся вокруг стола, одна из них читает вслух Зачало Евангелия, главу из деяний Апостольских, или пророчеств. В чтении сем оне чередуются поденно. Та, которой очередь, должна предварительно прочесть накануне сряду несколько раз всё назначенное для чтения, во 1ых, для того, дабы могла прочесть при всех внятно и без остановок, 2е, для того, дабы лучше затвердить и удержать Слово Божие в своей памяти. Сим способом Новый Завет впечатлеется в оной нечувствительности.

3е. По окончании чтения девицы завтракают и идут за уроки.

4е. От 11ти до 12и оне гуляют, обедают с двумя своими надзирательницами. Каждый день во время уроков и обеда я буду их навещать.

5е. После обеда девицы час гуляют, от 2х до 5ти часов учатся, потом пьют чай и до ужина занимаются работами.

6е. Во вторник, в четверг и субботу послеобеденное время все девицы приходят ко мне для чтения нравоучитель-

ных повестей на разных языках, читая поденно каждая в свою очередь, прочие, сидя за работою, слушают.

7е. Выбор чтения состоять будет из нравоучительных светских повестей, из проповедей Димитрия Ростовского, митрополита Платона, Блера, Массильона, Фенелона, Бурдалу и прочих благочестных мужей.

8е. Есть ли будет при училище церковь приходская, или комнатная, (то) девицы будут обучаться у священника Закону Божию и петь на клиросе.

9е. Находящаяся при девицах Смольного монастыря воспитанница должна быть при них неотступно и подавать мне каждый вечер записку о приключениях дня, то есть, о поведении девиц, о том, как оне учились, о ссорах, есть ли оные произойдут, о предметах учения, о лени и нерадении и проч.

10е. Каждый день одна из девиц, поочерёдно, будет при мне дежурною.

11е. Дежурная должна внести в журнал все приключения дня и поданную мне о поведении девиц записку равно записать в шнуровой книге приход и расход. Она обязана разлить для меня чай и несколько раз в день сходить на кухню, которая будет в моих комнатах, и в которой будет управлять кухарка, а не повар.

12е. Последнее число каждого месяца будет домашний девицам экзамен.

13е. Через каждые три месяца будет средний экзамен, в присутствии членов училища, которым подадутся книги за моим подписанием отчётов и шнуровых книг.

14е. По истечении года будет большой экзамен, при взорах родителей, членов и публики, на котором девицы получат должные награды за прилежание и доброе поведение» [1, л. 3 об. – 5].

В случае благоприятных обстоятельств – училище приобретёт «доверенность» соседних семейств, увеличится число учащихся и сумма добровольных вкладов и пожертвований – появится возможность основать «безденежное для

бедных училище». Но автор письма откровенно признаётся, что со своей стороны ничего не может сделать, «как токмо призывать молитвами на предприятие мое Божеское благословение, ибо чем пожертвовать не имею» и завершает своё «начертание» неточной цитатой из Священного Писания (Книга Иова 1.21): «Наг изыдох из чрева матери моей, наг и отъиду во чрево матери моей землю» [1, л. 5].

Разумеется, при составлении «сокращённого плана» автор не обращалась к действующим уставам и положениям. Но министр проявил максимум внимания к инициативе знаменитой поэтессы и передал материалы на рассмотрение Комитета Главного Правления училищ.

Заседание Комитета состоялось 19 апреля 1824 года. Заслушав письмо и приложение к нему, Комитет принял определение на основе 141 и 142 статей высочайше утверждённого «Устава учебных заведений, подведомым университетам» [1, л. 10], записав в Журнале решение: «Предполагаемое Гжею Буниной училище принадлежит к частным пансионам, на заведение коих, по представлению Директора, даётся разрешение самим университетом, то учёный Комитет полагает препроводить проект об учреждении сего частного учебного заведения на усмотрение и разрешение Г(осподина) Попечителя Казанского учебного округа, тем более что проект сей кроме хозяйственных статей не содержит в себе более никаких предметов, подлежащих к рассмотрению учёного Комитета, также ничего такого, почему заслуживал бы оный представлен быть на высочайшее усмотрение» [1, л. 10].

Получив определение Комитета, министр духовных дел и народного просвещения направляет 3 мая 1824 года отношение Попечителю Казанского учебного округа М.Л. Магницкому и письмо А.П. Буниной:

«Милостивая Государыня моя, Анна Петровна.

На письмо Ваше от 13 марта сего года, при коем доставили ко мне проект предполагаемого учреждения в Тамбовской губернии училища для благородных девиц, честь имею

уведомить Вас, Милостивая Государыня моя, что проект сей препровождается мною к рассмотрению Попечителя Казанского учебного округа Г(осподина) Действительного Статского Советника Магницкого с тем, чтобы он вошёл с Вами в сношение на счёт заведения помянутого училища.

Прилагаю при сём для сведения Вашего выписку из Высочайше утвержденного постановления об учреждении пансионов, с совершенным почтением честь имею быть Вашим, Милостивая Государыня, Покорнейшим слугою – Князь Александр Голицын» [1, л. 11].

Приложенная для сведения выписка из Устава учебных заведений [1, л. 6–8] давала возможность правильно оформить прошение на дозволение открыть училище и предоставить требуемые уставом документы.

9 мая 1824 г. (удивительная оперативность!) Попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий направляет в Санкт-Петербург донесение на отношение от 3 мая:

«Господину Министру духовных дел и народного просвещения

Имея честь получить при предписании Вашего Сиятельства, от 3го сего мая, проект Гжи Буниной на открытие, в Тамбовской губернии, училища для благородных девиц, я заметил в нём два следующих обстоятельства: 1е. Девуцы встают в 5ть часов. Принеся хваление Богу, одеваются и идут в мою комнату. Находя выражение сие весьма легким в постановлении для училища, относительно обязанностей воспитанниц к Богу, я поручил Директору Тамбовских училищ изъяснить Гже Буниной, чтобы вместо сего было положительно определено, что девушки будут отправлять ежедневно молитвы, установленные Церковию.

2е. Есть ли будет при училище церковь приходская, или комнатная, девушки будут обучаться у священника закону Божию.

Я предоставил Директору объявить Гже Буниной, чтобы закон Божий непременно был преподаваем в предполага-

емом ею училище, а иначе открытие онаго не может быть дозволено.

А как учреждение училищ такого рода зависит, на основании устава учебных заведений, от местной Дирекции и Университета, то и предписал я Директору Тамбовских училищ, (что) ежели со стороны Гжи Буниной наблюдаются означенные условия, сделать надлежащее распоряжение об открытии помянутого училища. О чём долгом поставляю донести Вашему Сиятельству» [1, л. 13].

На донесении Попечителя имеется надпись начальника 3-го стола отделения Департамента народного просвещения В. Митурича: «Принято к сведению. 30 мая 1824» [1, л. 14].

Так завершилась попытка «русской Сафо» оставить неповторимый след в истории народного просвещения России. Именно эта попытка высвечивает благородство души и стремление Анны Петровны Буниной к свершению добрых дел на новом для неё поприще.

Её предсмертный порыв был запечатлён в благостных строках, приведённых И.А. Буниным в мемуарах:

*Любить меня иль нет, жалеть иль не жалеть
Теперь, о ближние! Вы можете на воле...*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Источник электронной копии: Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Место хранения оригинала: Российский Государственный Исторический Архив. Ф. 733. Оп. 40. Д. 137.
2. Богданов А.А. Усадьба в селе Урусово Чаплыгинского района / Усадьбы Липецкого края. Липецк, 2015. с. 468
3. Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. с. 672
4. События и даты Липецкого края на 2014 год. Липецк, 2013. с. 193

И ВСЁ-ТАКИ БУНИН ОСТАЁТСЯ «НОВЫМ ЖИВЫМ»

Наталья Николаевна Деронн

*Писатель, преподаватель,
член МСП «Новый современник»,
Интернационального Союза писателей*

Цель данного эссе – показать современность и близость изысканного мастера русской словесности, почётного академика Императорской Санкт-Петербургской академии наук, лауреата Нобелевской премии по литературе за «строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы», писателя, поэта, публициста, переводчика – Ивана Алексеевича Бунина нам, «новым живым».

Эссе не является научным трудом в строго академических традициях, это писательское изыскание. Его цель – показать возрастание популярности, «живость» произведений Бунина в последние годы особенно.

Эссе носит, скорее, экспериментальный характер, ибо при его написании использованы опросы слушателей, читателей и собственные наблюдения, но не включены научные статьи и монографии литературоведов, дабы не «испортить чистоту» воздействия. Впечатление колоссальное: бунинские тексты удивительно легко воспринимаются на слух и, главное, правильно. Бунин воспринимается, как сегодняшнее, недавно написанное, его язык точно не из сундука ворчливого дворянчика, и не загнивающий, а животрепещущий. Иван Бунин обладал непостижимым русским интеллектуальным кодом, художественной способностью видения мира.

Иван Бунин, благодаря сюжетности текстов, ясности слога, не захламлённости излишним описательством, простоте изложения и даже «короткости» рассказов, то ироничных, то глубокого грустных, но без менторских выводов, воспринимается на слух современно, значимо. Повторы образов-эпитетов, поэтичные, не сентиментальные – всё работает на современность, как кодовые слова. Иван Бунин удивительно понятен, толкования литературоведов излишни, и в этом есть его современная востребованность, он в той ритмике и тональности, которая нужна после горлопанящих и оголтелых девяностых.

В эссе использованы материалы интернет-ресурса как наиболее доступного массового источника. Данное эссе не является компилятивным, умышленно используются исключительно впечатления слушателя, иногда подготовленного, иногда нет, а не только автора данной статьи. Ибо современность Бунина «новым живым» [12] – в восприятии его прозы и поэзии новыми инструментами мышления и средствами воспроизведения. Отсюда неакадемичный формат статьи, и моё писательское исследование показало, насколько Иван Бунин неархаичен.

Бунин читается только в одном алгоритме – в аналогии с настоящим, болезненные, патриотические, глубокие русские вопросы не уходят – они ждут разрешения. Крестьянская русская деревня почти сгинула, и тянутся развалившиеся избы вдоль пыльных полей, и за русским словом – ёмким и понятным – не обращаются в память русского наследия и русских традиций. А надо бы к Бунину.

Неожиданная современность произведений Бунина делает его вновь писателем с миссией, даёт дополнительное писательское обоснование для открытия в Москве Музея Бунина, как места «не забвения» русской культуры «новыми живыми», не забвения самых благородных семейных, национальных и литературных традиций. Это и есть русское счастье. Иван Бунин – сама любовь и всегда о счастье.

Апрель. В Париже цветут каштаны и магнолии. Самолёт в Париж задерживается на два часа, иду к книжному киоску: нашёлся там модный сборник удобного формата, если не дочитаю, то войдёт в мою, пока пустую, «до парижскую» сумку. Прилепин, Лимонов, кажется, Пелевин, Сорокин... под названием, кажется, «Остров».

Из всего сборника запомнился только один рассказ с повторами, как в песне-балладе, с тавтологиями для полного вразумления читателям, летающим и потерявшимся. Вот и запомнилось:

... «На воду нельзя было насмотреться. Эта вода являла собой бездну...И так тысячи лет. Хотелось приобщиться к этой неизменности или хотя бы попытаться почувствовать её ток. Вышедшее солнце было сладким и медленным – от него шло тепло, как от лимонного пирога, только что вынутого из печи...Бешеная вода внизу, медленное солнце сверху, он посередине, со своей душой и своей кровью...Это было счастье. Он возвращался в гостиницу, преисполненный радости.

... Надо было успеть всё сделать, пока не высохло море на коже и не выветрился запах солёной воды в волосах... Он заторопился, чтобы не обратить внимание на (её) ногу и не отвлечься, и поэтому склонился к её лицу, по пути увернувшись от раскрывшихся навстречу губ, и прошептал на ухо:

– Я больше не люблю тебя» [10].

Книжонка потерялась где-то в парке Тюильри, а рассказ засел в голове, словно хотел вытянуть из меня все ассоциации и воспоминания, когда сбегала от «обыденки» собственных отношений на Темерлик, и стоя на обрыве с ободранными коленями и ладонями в кровь, также : горная бешеная река чёрной верёвкой – внизу, а надо мной – только солнце и небо – рукой облаков коснись, а я между ними

стою, то ли ору, то ли пою «со всей своей душою и своей кровью». Песня на крови. Песня на крови.

Между небом и землей ровно летел самолёт в сладкий, нежный Париж. Очевидно, мы влетели как раз в то самое интеллектуальное поле, что впитывает в себя всё, что диктует нам виртуальные образы, что не даёт сгинуть нашим душам в астрал, что божественно и вечно, что никогда не пропадёт, даже если ты читаешь свои стихи на кухне, свежесжатые из души, даже если ты пишешь дома сам для себя вымученную статью; поле, которое пробьёт твоё тело и душу насквозь квантами и корпускулами так, что через дыры будут светиться звезды на небе... я попала в этот слой. Спасибо, супер-джет, или как тебя там, – несись к божественному! Вспомнила. Никогда не забывала: Бунин. «Легенда». Иван Бунин. «Апрель».

... «У неё горела свеча, она на спине спала под своим стёганым одеялом. Свет свечи блестел на её кукольном лице с закрытыми глазами. Когда он сел к ней на постель, она открыла глаза, бессмысленно посмотрела и, ничего не поняв, повернулась на бок. Он стал целовать её в шею в телесном тепле из-под одеяла и уже дунул было на свечу. Но за окном вдруг встал такой чистый, прекрасный мир лунной ночи, что он вскочил и ушёл с бьющимся сердцем» [3].

Прилепин из Бунина, как и мы все! Мы из Бунина, пусть пока косноязычные, но уже безжалостные и душераздирающие. «Живодёрка» Бунин берёт за живое – о чём бы ни писал, знаешь – что для тебя.

«Но за окном вдруг встал такой чистый, прекрасный мир лунной ночи, что он вскочил и ушёл с бьющимся сердцем» [3].

Мы, по Бунину – «новые живые», должны бы назвать это интеллектуальным полем, квантовым интеллектом и виртуальным тезаурусом, а ещё клиповым мышлением или мозаичным – ведь Бунин художественным видением обладал, особенным: эйдетическим, с удивительной, до пушка над

губой художественной памятью рисовальщика. Ясно одно: Бунин – интеллектуальная сфера, всепоглощающая каждого из будущего, она в эстетике мироощущения, в воспоминаниях о будущем, и в этом мистичность, не примитивная, не интеллектуальная масонская, а чисто русская мистичность не выговоренной души. Это тянущая всё нутро в «Натали», в «Митиной любви», в «Весёлой жизни», в «Чистом понедельнике» – во всём экзистенциальность Бунинской прозы.

Читая или слушая, ощущаешь эмпатическое присутствие Бунина, он входит в читателя, в самое нутро, и теперь мы точно знаем, как видел и чувствовал Бунин: видим его глазами до мелочей то, что никогда не видели, трепещем ноздрями – от того, что никогда не вдыхали и помнить не могли – но вспомнили. Будущее нельзя предсказать – его можно только вспомнить. Это твою щеку, а не мужика деревенского из «Весёлой жизни» задевает паровоз, и ты невольно трёшь щеку, как тебя толкает легонько так, а то, что «дальше – после гроба».

Бунинская проза лаконична психологизмом, у читателей вопросов дополнительных нет (только у критиков), без графоманских километров и слащавых чувствований нам всё понятно и так же больно, как самому Бунину, потому что мы – такие же русские, как он, несмотря ни на что. До боли, до запахов прочувствовано в кровь.

Как ему это удаётся? Так же, как не становится он сентиментально-слезливым рассказчиком любовных историй, при всей вольности воображения и уверенной мужской опытности, свободе от ханжеских любовных эпитетов и предельной чувственности. Не сентиментальность, а чисто русская мистичность: нежная мистичность любви. В любви ко всему, что рядом, каждый день – в чеховской «обыденке».

Что с нами делается, с русскими да советскими, когда мы попадаем в «мечту из мечт» во Францию да в Париж, где

нам кажется: всё будет «гидемопасоновски» и «модельянисто» – свободно и допустимо, такое влекущее к себе, чувственное, не патриархальное, а поэтичное – и мне виделся перед глазами именно такой Париж. Париж по-Бунински.

Много лет назад, впервые оказавшись в тёмных аллеях на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, я была в том «не думающем» девичьем возрасте, когда не знаешь, как относиться к белой армии адмирала Колчака, к генералу Корнилову, генералу Деникину, князю Трубецкому, Кириллу Мамонтову. Дальше кадеты почти моего возраста, по-прежнему строгими рядами, дальше ... Бунин. Иван Бунин. О, эти тёмные кладбищенские аллеи, никакое безжалостное солнце не делает их светлыми. О, эти окаянные дни для России!

Бунин – перфекционист, приветствует занятие Одессы Добровольческой армией в августе 1919 года, лично благодарит, прибывшего 7 октября в город, генерала Деникина. Бунин, Ленин, Деникин. Вспомнилось. То ли прошлое, то ли будущее... Рассказывает мне библиотекарь-эмигрант в Париже:

– «Когда-то в советской школе, я единственный получил пятёрку за сочинение на тему: «Ленин – идеальный человек». Отец не разговаривал со мной неделю. Ещё через неделю открыл передо мной тайный саквояж с домашним архивом, спрятанным за кожаными бордовыми двадцатью пятью томами полного собрания сочинений Ленина и пятью томами в сером коленкоре, со стёртыми корешками сочинений Ивана Бунина:

– Твой дед, а мой отец, был почётным гражданином города, был награжден именной грамотой царя Николая II. Погиб дед при отступлении армии Деникина в декабре 1918 года. Мне было десять лет. Когда белые были в городе, успели провести благотворительные вечера, выдать пенсии и пособия вдовам и сиротам. В торговых рядах в центре города были собраны все погибшие для прощания, и те

и другие, купцы местные и бандиты, казаки ли, а после захоронены на кладбище у Троицкой церкви и отпеты батюшкой как полагается – и белые и красные – все за счет генерала Деникина. Потом пришли красные... Всех погибших и раненых сгребли в общую могилу, буйствовали несколько дней, над народом измывались, над женщинами. Когда армия Деникина отступала, то снаряд попал прямо в наш двор. Бомбой моему отцу ногу оторвало. Ранило корову и лошадь, а мне попал осколок в глаз – с тех пор на один глаз я ослеп. Через три дня мы остались без кормильца, без кормилицы-коровы. И Россия была уже не та, даже облака другие, угловатые.

Но не было никакого слезливого сожаления и причитаний в словах отца, что Деникин – подлец и кровопивец, была только глубокая боль, что силы народа гибнут напрасно. Только боль и страдание за Россию, как страдания собственного тела. Без насаждения и нравочений:

– Пора тебе читать Бунина, – отец придвинул мне все пять томов, стоявшие раньше «под ключом» от детей.

Теперь соглашаюсь с Буниным и его мучениями из-за надругательств над русофильством, соглашусь с его издёвками по поводу псевдорусского Блока, с горечью, о потерявшем себя вечно хмельным и слезливым Есениным, с горечью о несчастном «горлопане» Маяковском. Я ещё могу «вспомнить» ту революцию, которая отходит в мифическое прошлое, но уже превращается в а-ля «Сонька – золотая ручка», глубокая народность – в «культурно-культивированный» ансамбль «Берёзка», в «Гусарскую балладу» – такой Отечественной война 1812 года только для русских осталась.

Бунин останавливает разврат от дешёвых духов в спаленке дворовой девки, прививает то чувство вкуса и меры, ту культуру эмоций и их выражение, когда осторожничаешь превратить восторг – в разгул, героику – в лозунговый пафос, а любовь – непреложно в прикладное занятие.

«Но за окном вдруг встал такой чистый, прекрасный мир лунной ночи, что он вскочил и ушёл с бьющимся сердцем» [3].

Эйдетическое видение Бунина создает не просто фотографию-пейзаж по удивительной памяти каждого колоска в России спустя тридцать лет, но вместе с ним постигается крошечность своей просто любви и глобальность мира, и никакая «обнаженная маха» ни Бунина, ни Прилепина не может быть глобальнее и непостижимее красоты мира и всеобъемлющего космоса.

Кажется, сама судьба без выбора отправила Бунина в изгнание туда, где ему свободно пишется. Странно. Иногда надо покинуть Россию, ибо остро почувствовать себя русским можно лишь там – отторгнутым от России. Чтобы снова почувствовать себя здесь чужим – надо вернуться. В аэропорту Шарля де Голля встречаю самолёт из Москвы, ко мне подходит высокий француз и, желая познакомиться, говорит:

– Какие у вас славянские, такие русские, романовские глаза!

Но вернувшись, услышать: – Какая-то вы вся не наша.

Да, не бунинские глаза. У него все с чёрными глазами, с чёрным глянец волос, да с чёрными бровями, словно предвещают конец русской нации. Бунинская эстетика безжалостна к человеку – одним трагическим умерщвлением в две строки Бунин полосует и нам сердце. Любимый цвет Бунина – чёрный, он же цвет русской тоски, и он же – женской непорочности.

Его стихи ближе к Бродскому, чем к его современникам, а проза ближе к импрессионизму, ближе к чёрно-белым фотографиям, даже к чёрному квадрату Малевича, без «зоологической» пестроты, ближе к чёрно-серым оттенкам страсти. Бунин – поэт и художник. Любимый чёрный цвет и образы-знаки создают художественный монохром и почти «японистый» минимализм, что воздействует мак-

симально выразительно. Не захламлённый язык красот природы и отсутствие лубочных картин патриархальной деревни, производит впечатление эклектического искусства, настолько сдержанны тона и полны глубокого смысла, как самая интеллектуальная эстетика.

Редкие, неожиданные выражения легко запоминаются в аудиокнигах, ибо вдруг показались не «по-бунински» звучащими, и возникает Близость вместе с Буниным «ко всему тайному и дивному»:

«фантастика тёмного коридора», «увидеть себя в Крыму, в котором никогда не был», «вспомнить то, чего ещё не было», «ничтожен каждый край земли», «предрасветное ничто», «затаённое, обещающее», и совершенно поразительная фраза: «...новые живые, которые будут жить нашими мечтами, а прошлое время будет казаться легендой» [12].

Молнии с небес в любовную ночь и громы у Бунина повторяются из рассказа в рассказ: «Три рубля» и «Натали» – как переход любви в страсть, но страсть испепеляет, как молния, не создаёт, превращая в нечеловеческое и временное тело и душу. Оттого и оканчиваются «страстные рассказы» непременно смертью или её предощущением.

Крепкое тело и крепкие груди, тело выше коленок – переходят из рассказа в рассказ, как чернобровый барин и чёрные глянецом волосы, «чёрные тьмы – ещё ночны», словно вся проза Бунина – единый и целостный роман, поэтический, с одними символами, с образами: они работают как интеллектуальный код Бунина, как «код Да Винчи». Повторы, одни эпитеты, похожие ситуации « в той же темноте», словно Бунин проигрывает одну и ту же бесконечную жизнь и её варианты: и в этом мистичность, такая понятная и знакомая русская поэтика. Это гипнотизирует читателя, и так психологично по-русски, что мы и не замечаем этого ни в текстах, ни в жизни – сама естественность, как для старика Аверкия или дурочки Машеньки из «Баллады»:

- «До чего хорошо, Господи!
- Чем хорошо, Машенька?
- Тем и хорошо-с, что сам не знаешь чем. Жутко.» [2, 17].

Никаких случайностей в прозе Бунина: чётко выверенная речь и продуманные повторы слов, образов, эпитетов, даже ситуаций, то, что льётся так не искусственно и девственно-патриархально, на самом деле – высокая академическая проза, глубоко поэтическая проза, словно сам Бунин не делает разницы между стихом, прозой, музыкой и живописью. Эйдетическое единение искусств поражает – именно оно наполняет всё, что «от Бунина» мистицизмом и экзистенциальностью русской души. «Сама чувствует то, что должен чувствовать он» [15]. Разные толкования Бунина – только от изощрений литераторов. Бунин прост и ясен – в нём нет многослойности и подтекста, столь почитаемой критиками и Лурье. Бунин понятен сразу и обволакивает сразу. Осмысление приходит позже и не отпускает.

В России счастье и любовь надо тоже уметь «перенести», это как родиться в чистом поле под ясным небом, и уже ничто более для тебя в России дороже нет. «Всё вокруг вольно, просторно, пусто и до боли в глазах светло» [3]. Счастье тоже надо иметь силы перенести:

«Если бы револьвер... вот тут через эту синюю поддёвку – и всему конец...» [3]. Это русскому не кажется неожиданным. Русский человек в любви гармонии не ищет, оттого и слова этого в текстах Бунина нет. От избытка страстей, от избытка воли, от близости не к природе и пейзажу, а гораздо глобальнее – близости к космическому и всеобъемлющему. Чисто русский надрыв и стон душевных мук. Счастье тоже надо уметь перенести. Когда оно случается: и вольно, и просторно, но не свободно, а вдруг – пусто, словно тебя пустили «враздрай», словно ветер вырвал клочок души, размазал по небу – ищи-свищи, словно тело, звенящими крупинками тающего сугроба, разметало среди звёзд – и тебя нет. «Самоубиение» русской души перманентно, в тоске

и в думах, да в мечтах, чтобы всё нутро истомилось, как пустота, тут только револьвер...

Бунин гипнотизирует, как «Болеро» Равеля или «Патетическая» Шостаковича: ритмическая монотонность-монохромность всё нарастает, в напряженности достигая апогея. Именно такое направление в симфонической музыке нашего века. Такова проза Бунина: поэтичная, музыкальная, с повторами-гипнозами, где кодовые ударные слова так действуют, что «...через эту синюю поддѣвку – и всему конец», [3] напряжению и мучению.

Кодовые ударные слова: чёрная темнота, чёрные глаза, чёрные брови, чёрная шляпка, чёрный глянец волос молодого барина... всё та же Глаша-Маша-Дурочка-Стѣпа, девка дворовая или учительница, или бывшая гимназистка – упругая грудь, крепкое тело, прозрачная деревенская рубашка, да картуз, длинный подол, чёрные султаны пальм, тёмные аллеи души – как постоянное дежавю. Ничего не выдуманно Буниным. Чистый эйдети́зм утончённого, неповторимого мистического текста. Бунин о будущем думает также, как о прошлом: для него всё едино, едино эмпатически, он вне времени, может вспомнить то, что не было с ним, вспомнить Крым, где никогда не был, но будет с нами, «новыми живыми». Любовь Бунина ко всему – это эмпатическая Близость на любом расстоянии.

Каждое движение, каждое слово, каждое невыраженное и недоговорѐнное чувство создаёт глубокую мистичность – мы, русские, все состоим из неё: всё у нас там, внутри. Сама суть русской психологии – жить в ощущениях, в предчувствиях, в непонятности своих собственных поступков, нам их только нутром чуют.

Видеть виртуальные образы – всё равно, что быть провидцем, и термин для нас у него есть: новые живые, ибо старые живые – это те, что «после гроба», но не мёртвые. Оттого рассказы его и новеллы заканчиваются на смертях и гибелях, зане там, после гроба, иное – inferнальное, в ко-

тором Бунин ещё не был. Но он прав: он в интеллектуальном поле, в том самом, где никогда ничего не пропадает, все мысли и чувства – единый квантовый поток души и чувства любви, сострадания к ближнему.

Вот оно – второе любимое слово-фаворит, слово-установщик, слово из бунинского ряда нейролингвистического программирования, которое выстраивает в систему всё написанное Буниным – это Близость. Близость – то, что возникает с одного взгляда, от одного жеста, одной полу-мысли, единого невысказанного ощущения – то самое русское трансцендентальное, что несёт чувства в любую точку мира. Что тут говорить – и так всё понятно, вы сами знаете – как это бывает. Как любят они оба в «Натали» ... без писем, без встреч. Близость.

Близость, эйдетическое видение и чувственная эмпатия Бунина – вот базовые алгоритмы Бунинской прозы, что делают Бунина-прозаика, Бунина-поэта и Бунина-публициста чудотворным мистиком не из прошлого, а «старым живым» из легендарного времени – между мирами. Будущее предсказать можно: в будущем у всех смерть, если не предсказать, то можно вспомнить.

Ощущение, что Бунин какой-то весь не наш, давно прошло. Обращаемся ли снова к русской культуре, к традициям дворянства, понятиям честности и чести, к чисто русской интеллигентности в личных отношениях, интеллигентности не в бунтарском выражении свободы и воли, в непротивлении злу насилием – возвращаемся к временам легендарным ли? Готовы ли быть с ним в одном поле, в одном измерении, в одном кадастре чувств, боли и любви в России – «Встань, возлюбленная моя» [16], встань, Россия.

Самоистязание души в каждом сидит и от политического строя не зависит, и никакой идеологии в нём нет. Да разве это по-русски, чтобы душой за Отчизну не болеть?

Воля и демократия, свобода и право выбора – это нам, новым живым, ещё предстоит решить: «старые живые» не

смогли – сами себя и порешили, «пропала вся Россия». Оттого даже «счастливые» рассказы Бунина драматичны. Всё у Ивана Бунина – Россия, каждое слово, каждый образ – всё символично, выписано и точно выверено, в одной тональности, что ещё сильнее воздействует на культурный код, на программирование русского следа в истории, в эстетике, духовности.

В России счастье и любовь надо тоже уметь перенести. Всё «вживагу». Эйдетическая память, образная, художественная русская память, до inferнальности с крепким словом, до боли, когда и вспоминать не надо – Россия вся перед глазами, так и не уходила. И всё-таки Россия.

После цикла «Тёмные аллеи», (формат сборника, по сути, современный сериал), после тончайшей эстетской, но чувственной его прозы – именно так она воспринимается теперь, литературно-критические очерки Бунина о писателях и поэтах, удивляют откровенной беспощадной издёвкой. Вжившись в бунинскую прозу, жаждешь новых смыслов и оригинальных метафор, так что не улавливается грустная насмешка. В очерках о знаменитых Бунин предстает мизантропом, но на самом деле – перфекционистом, и таким же категоричным, как всё, что принесла революция 1917 года. «Новые живые», не найдя своего, желая разобраться – что есть что, как ни странно, (а вовсе и не странно), но невольно обращаются к предпочтениям свергнутых. Он хоть и свергнутый класс, но образованный, в гимназиях учился, уж должен и в искусстве разбираться.

Посему Брюллов в советских учебниках – гений, а его «Всадница» – будто шедевр. Лишь потому, что Карл Брюлло (до 1822 г. он Брюлло, прим. автора), проходивший курс обучения в Императорской Академии художеств, находился в приятельских отношениях с императором Александром I, которому Карлуша рисовал фривольные картинки, за что

императором был обласкан [17]. Своего культурного вкуса не было у пролетариата и крестьянства, а он нужен был – была в нём потребность. Брюллова давали, потому как император плохого вкуса иметь не может.

Бунин писал честно, ясно, искренне, интеллигентно, с уважением и состраданием к человеку, никаким властям не прислуживал и не угождал. Но Ивана Бунина, родного, самоистязающего душу, нашего, патриархального не давали в советских школах. Идеология. И всё равно мы все из Бунина: мы одного с ним культурного кода, кода русской души. Литература в России, особенно поэзия, имеет исключительный статус, подобный статусу русской мистической души и мученика.

Рассказы сороковых – все о любви, словно Иван Бунин знает: ещё немного и всё кончится, снова жизнь вернётся к душе и любви. После войны с фашизмом и после революционного угара всё отшелушится, как короста, «с весёлой ненавистью». До следующей революции – от революции инсталляций и языка социальных сетей, искусство сделает следующий спиральный виток, и мы снова начинаем читать и слушать Ивана Бунина: всем родное, трепетное, простое и ясное, всем понятное исконно русское. Новое виртуальное мышление и синдром Стендаля со скрипом русской телеги, вместе с желанием «новых живых» старинной дворянской (ни с того ни с сего) родословной, своё дело благородное делают.

Апрель. Поздний вечер. Еду в метро. Поезд с грохотом глыбы несётся в черноту тоннеля. Рядом две девушки-хипстеры в наушниках что-то слушают-читают друг другу. Когда поезд остановился, я расслышала любимое: – Хорошо бы собаку купить!

Спрашиваю: – Что читаете?

Отвечают: – Бунина.

– Кто это?

– Наш эмигрант, как Бродский. Очень крутой «чел». Он женщин уважал – любых и разных. «Счас» таких мужчин нет.

– Стихи наизусть знаете?

И они прочли мне хором «Одиночество» Бунина.

Вот оно! Близость Бунина к «новым живым».

Важнее важного теперь понять русские корни, понять русского человека. Иван Бунин в монолите с русской культурой, с уважительными семейными традициями, без излишней набожности, но с жадностью к образованию и книгам. Близок нам, новым живым, на экзистенциальном уровне чувств, понятен и современен интеллектуальным культурным кодом.

«К более нормальной жизни, к более правильной работе литературной и образовательной я возвратился...» [13]. Чтобы наш мир, новых живых, не возвратился к допотопному. Чтобы не ушла Россия «по дороге в Чернь».

«Встань возлюбленная моя», Россия. И всё-таки Россия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И.А. Темные аллеи. М., «АСТ», 2017
2. Бунин И.А. Баллада. 3 февраля 1938. М., «АСТ», 2017
3. Бунин И.А. Апрель. 9 марта 1938. Аудио-источник. https://www.youtube.com/watch?v=-3eJ_Y1e9XI, <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/aprel.htm>
4. Бунин И.А. Худая трава. 1913. Аудио-источник. <https://iknigi.net/avtor-ivan-bunin/21701-hudaya-trava-ivan-bunin/read/page-1.html>
5. Бунин И.А. Хорошая жизнь . 1911. Аудио-источник. <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/horoshaya-zhizn.htm>
6. Бунин И.А. Веселый двор. 1911. Аудио-источник. <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/9841-10-ivan-bunin-veselyu-dvor.html#book>
7. Бунин И.А. Часовня. 2 июля 1944 г. Аудио-источник. <https://www.youtube.com/watch?v=UR592Kq06No>

8. Бунин Иван Алексеевич – Википедия. Аудио-источник. <https://ru.wikipedia.org/wiki->
9. Академический Бунин. Аудио-источник. <http://ivbunin.ru/>
10. Захар Прилепин. Зима. Рассказ. 2014. Интернет-ресурс онлайн-чтения: e-reading. club
11. Бунин. И.А. Аудиокнига. Окаянные дни. Онлайн-ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=xsMAIf1gD0>)
12. Бунин. И.А. Легенда. 9 марта 1949 г., Электронная библиотека Яблчанского Д.А. <http://eldmitr.narod.ru/bunin.html>. Источник: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2660.shtml. Аудио-источник с субтитрами: https://www.youtube.com/watch?v=-3eJ_Y1e9XI
13. Бунин И.А. Автобиографические заметки. Аудио-источник. https://www.youtube.com/watch?v=Npj_YQ260uU. <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/pod-serpom-i-molotom/avtobiograficheskie-zametki.htm>
14. Бунин И.А. Натали. М., «АСТ», 2017
15. Бунин И.А. Когда я впервые. 22 апреля 1944 г. Аудио-источник. https://www.youtube.com/watch?v=-3eJ_Y1e9XI
16. Бунин И.А. Иудея.1908. Аудио-источник. https://www.youtube.com/watch?v=aDcQwGJvW_M
17. Нестор Кукольник. Биография. Аудио-источник. <https://maratak.ru/strollers/nestor-kukolnik-biografiya-nestor-vasilevich-kukolnik---chtoby.html>
18. Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин о литературных объединениях Москвы: 1890-1917 гг. Интернет-ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/v/yu-a-bunin-o-literaturnyh-obedineniyah-moskvy-1890-1917-gg>

«РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАШЕЙ ИСТОРИИ, СДЕЛАННЫЕ НА ПОЛЯХ НЕИЗВЕСТНОГО ПИСЬМА И.А. БУНИНА»

Дмитрий Петрович Абрикосов

Москва,

публицист и общественный деятель

12 мая 1994 года я, правнук супруги первого Председателя Правительства независимой Чехословацкой Республики, находился со своей супругой в свадебном путешествии в Праге. Именно в этом городе прошли лучшие годы жизни моей прабабушки, Надежды Николаевны Хлудовой – Абрикосовой – Крамарж.

Надежду Николаевну Крамарж, урождённую Хлудову, в первом браке Абрикосову, моя семья считала и продолжает считать своей «главной» матерью и бабушкой. Именно благодаря её поддержке мой отец выжил в трудные 20-30-е годы XX века, поскольку наша семья была лишена гражданских прав в стране Советов, никто из членов нашей семьи не мог найти достойную работу и все мои предки остро нуждались в постоянной материальной поддержке. Надежда Николаевна знала об этом трудном для её внуков времени и через посольство Чехословакии – постоянно присылала финансовую помощь моей семье.

Она не случайно называлась многими русскими, оказавшимися на чужбине после трагических событий 1917 года, «матерью русской эмиграции». Не утратив к этому моменту своего состояния, она тратила его на помощь всем русским, испытывающим нужду на чужбине. Основное предприятие

её деда – Кренгольмская мануфактура – находилась в те годы на территории независимой, буржуазной Эстонии, откуда Н.Н.Крамарж регулярно получала крупные дивиденды. Благодаря чему Надежда Николаевна могла оказывать большую финансовую и организационную поддержку многим русским, оказавшимся без Родины в тот исторический момент.

Помощь оказывалась и так называемому «русскому проекту» её супруга, Карела Петровича Крамаржа и Белой Армии России, которой руководил Верховный главнокомандующий, генерал, барон Врангель. Ею поддерживалось «Галлиполийское землячество» и Российский Общевоинский Союз, издавался философский журнал Ивана Ильина в Париже «Русский колокол», она оказывала помощь русской университетской профессуре, художникам, издателям и писателям.

Многие из выдающихся русских людей, избравших для себя эмиграцию, нежели большевистский духовный плен, находились с семьёй Крамарж в постоянной переписке.

Число писем в Национальном Архиве Чехии, адресованных семье первого Премьера Чехословакии, хранящихся в фонде К.П. и Н.Н. Крамарж – насчитывает многие тысячи уникальных автографов и оригинальных документов.

И я, находясь в свадебном путешествии в Праге в 1994 году, привёл свою супругу именно в этот архив, с тем, чтобы представить ей своих предков. Я первым разбирал те полотняные мешки, в которые эти уникальные документы – «свидетели» нашей трагической истории, были сложены в 1940 году при оккупации Чехословакии немецкими войсками. Чья равнодушная рука укладывала этот бесценный архив по годам, в отдельные мешки перед входом немецко-фашистских оккупантов, сегодня можно только догадываться. По моей версии – это был

близкий друг и постоянный помощник семьи, русский военный офицер, Георгий Кельчевский. Я был знаком с его дочерью, Ольгой Георгиевной, проживавшей в Праге всю свою жизнь. Ольга Георгиевна мне многое рассказала о жизни русских беженцев в Праге, о судьбе «Русского проекта», о супругах Крамарж, которых она знала лично. И о своём отце, входящем в ближний круг общения моей прабабушки и её прославленного супруга, и о Надежде Николаевне она мне поведала много такого, чего не прочтёшь в официальной историографии. Она знала госпожу Крамарж. Много раз видела её на вилле на Баште в Праге. Она принимала участие в постоянных детских праздниках, которые организовывала Надежда Николаевна у себя дома – на Рождество и на Пасху Христову. Помнила она мою прабабушку, как женщину с сильным характером, способную отстоять своё мнение и добиться поставленных ею целей в её разнообразной и обширной деятельности. По словам Ольги Георгиевны – Надежда Николаевна снисходительно принимала те сильные чувства, которые к ней испытывал её супруг, Карл Крамарж – «Она позволяла ему себя любить!» – так охарактеризовала их отношения уважаемая мной, Ольга Георгиевна Кельчевская.

И она передала мне много удивительных артефактов, вынесенных её отцом перед тем, как фашистские оккупационные власти – вывезли музейную экспозицию из бывшей виллы Крамарж в Праге и разместили в этом доме резиденцию своего гаулейтера.

Музей был открыт на вилле после смерти К.П. Крамаржа, в 1938 году. В его экспозиции было множество предметов и документов, свидетельствующих о борьбе за славянское дело великого политика и философа, доктора политологических наук – Карла Крамаржа.

Георгий Кельчевский сохранил весь архив переписки супругов Крамарж с русской эмиграцией – письма шли

в Прагу – со всего света. Берлин и Париж, Буэнос – Айрес и Вашингтон, Пекин и Токио, Харбин и Варшава – такие обратные адреса можно увидеть на конвертах, бережно приколотых к каждому письму в этом значительном собрании. И некоторые, важные артефакты были вынесены Кельчевским с виллы перед тем, как она стала «домом» немецких захватчиков. Ольга Георгиевна сохранила эти памятники и сегодня они – являются моим достоянием.

К одному из таких бесценных артефактов я отношу и крошечное письмо Ивана Бунина, адресованное Карлу Крамаржу или к «высокопочтимому господину доктору» – как озаглавлено это письмо. Оно датировано декабрем 1921 года, того самого времени, когда Иван Алексеевич Бунин вновь приступил к созданию своих литературных произведений после долгого творческого простоя, возникшего ввиду того, что – «душа не лежала». В 20-х годах в Париже Бунин лишь приводил в порядок дневниковые записи, сделанные им в Одессе в 1918–1919 годах, откуда супруги Бунины эмигрировали из «советской» России. Творческое молчание окончилось в 1921 году, когда Иван Алексеевич написал рассказы «Третий класс», «Ночь отречения», «Преображение», и автобиографичный «Конец» и другие произведения. Восстановление творческого настроения великого писателя, находящегося на чужбине, было остановлено трагическим известием о том, что его брат Юлий умер. Получив это сообщение в декабре 1921 года, Бунин вновь перестал писать, и остро нуждался в поддержке. Унизительное положение известного писателя в Европе, связанное с его нищетой и пренебрежительным отношением европейцев к нему, как к русскому – воспринималось Иваном Алексеевичем как личное оскорбление.

И именно в этот трагический момент Иван Алексеевич получает поддержку из Праги и направляет свое письмо

к К.П. Крамаржу. Ниже можно ознакомиться с текстом самого письма, датированного 12 декабря 1921 года:

«Высокочитимый господин доктор!

Позвольте принести Вам мою глубокую сердечную благодарность за Ваше великодушное содействие в деле оказания помощи со стороны Вашего Правительства.

Примите уверение в моём уважении к Вам в том, что я навсегда сохраню память о Вашем отношении к русской литературе в моём лице.

Париж, 12 декабря 1921 Ив. Бунинъ».

Что открывает оно внимательному взору русского человека сегодня? Историю изгнания всех выдающихся русских людей с территории своей Родины, их «обмен» на иные ценности. Тяжелейшее положение людей, оторванных от родной земли, невнимание и равнодушие со стороны всех европейских народов, кроме славянской семьи русской жены и чешского мужа – семьи Крамарж.

Надежда Николаевна Хлудова (1862 – 1936) – Абрикосова – Крамарж была очень масштабным человеком. Под стать всей своей родне. Она владела крупной частью паёв Кренгольмской бумагопрядильной мануфактуры своих предков Хлудовых, употребляя доходы от этого предприятия на крупные, гражданские проекты, как в России, так и за её пределами. Она «держала» в Москве модный, философский Салон, в котором встречались выдающиеся русские философы того времени – Соловьев и Бердяев, Немирович и молодой Иван Ильин. В салоне развивались идеи славянского толка, поддерживались прогрессивные идеи объединения славян под эгидой великой России. Надежда умела дружить и одновременно – держать дистанцию с завсегдатаями своего Салона. Вот как о ней вспоминают видные деятели русского общества тех лет: (Из воспоминаний историка Ивана Савицкого) *«Надежда Николаевна*

Абрикосова была весьма активной, коммуникабельной. Она содержала первый в России философский салон. А если мы посмотрим на список людей, посещавших этот салон, то непременно можно придти к выводу, что это была вся интеллектуальная элита Москвы».

Подобные воспоминания и о дружеском расположении к «русскому делу» семьи первого Премьера Чехословакии мы читаем у князя Павла Долгорукова в его произведении «Великая разруха» 1916-1223 годы:

«Главный комитет Согора (Союз городов) перенёс из Константинополя в Прагу свою широкую и культурную деятельность, и в нём я тоже встретил моих товарищей и друзей, у которых я остановился.

Из правительства я виделся по делу моей командировки с министром Гирсой (В. Гирса – заместитель министра иностранных дел ЧСР (Д.А.), который очень сочувственно отнёсся к нему, обещая своё содействие в принятии молодёжи будущей осенью с начала академического года, при новом бюджете. Был я у нашего друга Крамаржа, женатого на москвичке Абрикосовой, в его чудном доме на холме близ Градчан, с видом на всю Прагу».

Первый муж Надежды Николаевны, Алексей Алексеевич Абрикосов, был под стать своей супруге – он занялся изданием первого в России «Журнала по вопросам философии и психологии», на страницах которого так же развивались идеи панславизма. Они искали общие точки и находили их с трудом. Надежде Николаевне её «королевство – было маловато!» Ей нужен был другой размах и ролью жены и даже держательницы Салона – она не могла удовлетвориться. Именно поэтому она восприняла невероятное чувство, которое к ней испытал и разделил его на всю свою жизнь, молодой политик из Австрии, «младочех» Карел Петрович Крамарж.

Карел Крамарж (1860 – 1937) получил юридическое образование в Берлинском, Страсбургском и Пражском университетах. В 1889 основал чешскую еженедельную газету «Час». В 1891 избран как кандидат младочешской партии в рейхсрат; с 1894 состоял членом чешского ландтага. Вскоре Крамарж стал одним из вожаков младочешской партии; в 1897–1898 избирался в вице-президенты австрийской палаты депутатов; с 1896 он неизменно выбирается в члены австрийской делегации. За свои политические взгляды он был арестован летом 1915 года и обвинён в государственной измене, в развязывании Первой мировой войны. Процесс длился с 6 декабря 1915 по 3 июля 1916 года и закончился обвинительным приговором – смертная казнь. Но его сразу заменили на 15 лет каторги. Франц Иосиф I не решился казнить ни Карела, ни его сподвижников. Однако, даже этот приговор привёл к усилению оппозиционных настроений в рядах чешских политиков, и после смерти Франца Иосифа I новый император Карл I амнистировал Крамаржа (1917). После провозглашения независимости Чехословакии Крамарж стал первым её премьер-министром (14 ноября 1918), к неудовольствию президента Томаша Масарика, придерживавшегося совсем иных политических взглядов (уже к 1910-м годам отношения между двумя ведущими политиками Чехии испортились). Сам он также согласился занять этот пост с неохотой, так как представлял независимую Чехословакию не республикой, а монархией, во главе, возможно, с одним из русских великих князей. Крамарж возглавлял делегацию Чехословакии при подписании Версальского договора, но вскоре ушёл в отставку, после того, как министр иностранных дел Эдвард Бенеш отказался поддерживать Белое движение в России. Сам Крамарж был активным сторонником Белого движения, в частности, состоял в дружеских отношениях с Антоном Ивановичем Деникиным.

Крамарж появился в Салоне Надежды Николаевны движимый поиском поддержки его идей в России. Идеи заключались в модных в то время идеях «общей славянской судьбы» для всех славянских народов Европы. Основная идея содержалась в той мысли, что наши народы смогут, при правильном развитии мировой и европейской политики – объединиться в некую европейскую конфедерацию под эгидой России, руководимой сильным и просвещённым Монархом. Последняя должна была «отпустить» в свободное «плавание» и свои территории – Польшу и Украину, возглавив процесс построения процветающей жизни, объединённой единой, славянской судьбой. Карел Крамарж разработал проект Славянской конституции для этого конфедеративного государства и передал свой проект на рассмотрение ЕИВ Николаю II. В чешском архиве, среди тысяч других письменных свидетельств той эпохи, среди дружественной переписки со старинными друзьями семьи, к которым можно отнести и Петра Бернардовича Струве, я обнаружил небольшой автограф великого русского писателя, Ивана Алексеевича Бунина. Автор обращается к своему адресату, не упоминая его имени. К моменту написания этого письма они ещё не были знакомы. Иван Алексеевич не обращался с просьбой о помощи, хотя именно в этот момент он с супругой переживал самую острую нужду в деньгах. Старые произведения переиздавались за очень небольшие деньги, а писать новые не удавалось. На чужбине – вне родной страны – вдохновение покинуло великого русского писателя. Переиздания его произведений, которые были написаны ранее, не приносили достаточных средств для жизни на чужбине. Обращаться же с прямой просьбой о помощи Ивану Алексеевичу не позволяла его честь. И информация об этой нужде великого русского гражданина и писателя – попала во внимание семьи Крамарж. Русская жена Карла Петровича, Надежда Николаевна – не могла не принять участие в судьбе Бунина. И совместно со своим мужем она

принимает решение оказать помощь Ивану Алексеевичу и собственные средства «выдаёт» за стипендию чешского Правительства. Карел Петрович к тому моменту уже был в отставке с поста Председателя Правительства Республики. И своё высокое положение он утратил ввиду своей про – русской позицией, которой оставался верен на протяжении всей жизни. Его называли «первый Премьер – последний русофил», ибо он всюду отстаивал мысль о том, что Россия страдает от произошедшего большевистского переворота и без установления в России демократической власти – будущее не только для народов России, но и для всей Европы – выглядит мрачно и угрожающе. Из-за этой своей позиции Карел Петрович Крамарж и благодаря своему влиянию в чешском обществе и в чешских политических кругах того времени, ему удалось оформить личную помощь И.А. Бунину в качестве стипендии, выделяемой чешским Правительством. Иным образом поступить чета Крамарж не могла, так как личная материальная помощь могла быть воспринята Иваном Буниным – как подачка. И другие русские литераторы, оказавшиеся в изгнании, постоянно упоминали К.П. Крамаржа, как помощника и патриота славянского дела и патриота исторической России. Так, можно прочитать: Из письма Наживина – Бунину, 7 сентября 1920 г.:

«...А из личных неприятностей – всё никак не могу напечатать своих "Записок". Это очень тяжело... Заработка тоже нет совсем. Если бы не помог Крамарж займом, пропал бы я с ребятами, как мошки. Да и эта помощь только отсрочка. О будущем вообще жутко и думать. Чёрт знает, может быть, лучше было бы хоть во Владимире остаться, что ли. У себя и помирать легче, говорят. Засевшая в Праге большевистская миссия усиленно заманивает всех нас, беженцев, домой, в Россию, и многие с горя пошли на удочку: голод не тётка».

Данное короткое письмо свидетельствует о том, что Иван Алексеевич знал о постоянной поддержке Крамаржем

нуждавшихся в помощи русских и не просто принял эту помощь, но и был в курсе того, кого за неё следует благодарить. Отношение с четой Крамарж и конкретно с Карлом Петровичем не прекратились только этой помощью, но и продолжились в совершенно иной истории. Она связана с получением нашим великим русским писателем – Нобелевской премии по литературе. Примечателен тот факт, что первая попытка получить эту престижную награду состоялась в 1923 году. В этот момент было крайне важно получить Премию именно Ивану Алексеевичу Бунину, так как он стал литературным олицетворением традиционной России, той страны, которая была уничтожена варварами большевизма. А на получении премии от «красной России» в это время претендовал «буревестник Революции», Максим Горький. Белое движение, изгнанники России, считавшие себя – «солью русской земли» – не могли допустить даже мысли о том, что эту премию по литературе от России – получит один из участников её уничтожения! С этим русское зарубежье – не могло примириться. Из приведённой ниже переписки мы вновь видим П.Б. Струве, как активного участника белого сопротивления признания красной России правопреемницей России традиционной, способного привлечь к выдвиганию альтернативного, русского писателя – Ивана Бунина в противовес Горькому. И выдвигание это может и должен сделать последний друг России – Карел Петрович Крамарж. Действительно, в данное время весь мир склонялся к идее признания законности власти большевиков в нашей стране и никто уже не видел в русском зарубежье истинной, традиционной России. Самого Крамаржа в прессе тех лет путали и называли не его фамилией, описывая его идеи по освобождению русского народа от ига большевизма. И именно его просит посредством П.Б. Струве выдвинуть его кандидатуру – Иван Алексеевич Ильин: «Премия Горькому! Это возмущало Бунина. Он просил П.Б. Струве переговорить с Карелом Крамаржем, пер-

вым министром-президентом Чехословакии (1918–1919), другом России; с ним Струве был знаком ещё по России и часто встречался в Париже. Присуждение Нобелевской премии было делом общерусского значения, и Иван Алексеевич Бунин писал в конце 1922 года Петру Бернардовичу Струве:

«В сентябре, в августе во французских газетах была маленькая кампания о том, что надо Нобелевскую премию 1923 г. присудить представителям русской литературы – Бунину или Мережковскому. А с другой стороны есть твёрдый слух, что уже выставлена кандидатура Горького. Дорогой, какая пощёчина всей передовой России! Горькому, бывшему официально товарищем председателя петербургского исполкома! <...> Вот я и молю вас – поговорите с Крамаржем – может быть, хоть он защитит Россию, выставит наши кандидатуры <...>. Вы скажете, что я не завоевал ещё себе в Европе имени. Нет, в литературных кругах меня уже очень превозносят и во Франции, и в Германии, и даже отчасти в Англии (есть уже мои книги по-немецки, по-английски и две книги по-французски)».

Подобное участие четы Крамарж в судьбе не только России, но и всех тех беженцев – элиту России – которые вынужденно покинули нашу страну и спасли себя для потомков. Тысячи эмигрантов, лишённых средств к существованию, разъехались по всему белому свету. Университетская профессура и купеческие семьи, зажиточные и трудолюбивые русские крестьяне и городские жители, художники и поэты, писатели и музыканты, военные и гражданские – целыми семьями они были вынуждены покинуть свою страдающую Родину и погрузиться в жизнь чуждых стран и народов. «Русский исход» не только сохранил наследие великой России, но и унёс с территории нашего отечества её культуру и историю. Дома в России – разорялись, уничтожались не только коллекции и библиотеки, но и просто обиходная

культура огромного народа. Всё шло на продажу, подобно церковным и Императорским ценностям. Ото всего нужно было отказаться в угоду новой псевдо – религии, ради веры в пролетариат и ценность только его, примитивного труда. Все остальные виды человеческой деятельности – исключались из списка ценных видов деятельности, и приносились в жертву примитивным формам труда и жизни.

К такой работе относился и труд Ивана Алексеевича Бунина. Литература, вне восхваления самых примитивных и низменных форм человеческой жизни и мысли – считалась в «новой» России – делом преступным и «буржуазным». Литература же «новых», советских писателей, которые работали на потребу малообразованных слоёв населения, переставала выполнять свою основную функцию – служить их просвещению. А те авторы, кто не изменял высоким традициям русской классической литературы – подвергались гонениям и физическому уничтожению в «новой» России.

Иван Алексеевич Бунин прекрасно осознавал эти моменты и всё же испытывал глубокое разочарование от проигрыша русской идеи, от гибели настоящей России. На чужбине он не писал с 1920-х годов по причине этого страшного разочарования. Он не мог увидеть тем для своей работы. И потому поддержка К.П. и Н.Н. Крамарж в этот тяжелейший момент его жизни – сыграла большую роль в укреплении его в мысли о том, что *«русская литература в его лице»* – ещё нужна миру и что возможны ещё победы в трагическом противостоянии русской культуры хамству и мракобесию. Великие произведения, написанные Буниным на чужбине в более позднее время – сохранили для нас образ утраченной России, русской интеллигенции, утраченных связей между различными социальными слоями русского населения, создающих собой уникальное явление – называемое «русский народ», не раздробленный по

национальному или социальному признаку. И в этом есть заслуга семьи Крамарж, внёсшей свою небольшую лепту в поддержку великого русского писателя, о чём свидетельствует нам это небольшое письмо.

M. Jacquin Offenberg
Paris XVI

Високонный Господин Доктор!

Богаме притсаи Пам поу шубоку сердцини Ди:
може за Ваше великодушное соудействие в делит оказан
лит помощи со стороны Вашего Прасиденсия.

Приниме уверение в истинь уважении к Вам
Том, что я кавезу сохрани памете о Вашем и
кк русской литературе и тасме лит.

Ив. Бунинъ.

Парижъ,
12 Декабря 1921.

Письмо И.А. Бунина

**ТВОРЧЕСТВО
БУНИНА**

**«БЫЛО БЫ БЕССТЫДНО
БЫТЬ ТАКИМ ИНТИМНЫМ...».**
(И.А. Бунин и форма литературного дневника)

Наталья Григорьевна Крюкова

кандидат филологических наук, г. Москва

Бунин не раз подчеркивал огромное преимущество дневника в отражении исторических событий, жизненных явлений и людей, но прежде всего, во всестороннем и полном, а, следовательно, правдивом раскрытии личности человека, пишущего дневник. Г.Н. Кузнецова, близкий Бунину в творческом и личном отношении человек в период жизни в эмиграции, рассказывает: «Зашла перед обедом в кабинет. И.А. лежит и читает статью Полнера о дневниках С.А. Толстой. Прочёл мне кое-какие выписки (о ревности С.А., о том, что она ревновала ко всему: к книгам, к народу, к прошлому, к будущему, к московским дамам, к той женщине, которую Толстой когда-то ещё непременно должен встретить. Потом отложил книгу стал восхищаться: «Нет, это отлично! Надо непременно воспользоваться этим как литературным материалом». И немного погодя: «И вообще ничего нет лучше дневника: как ни описывают Софью Андреевну, в дневниках лучше видно. Тут жизнь, как она есть – всего насовано. Нет ничего лучше дневников – всё остальное брехня!» [7, 178]. Он не раз по свидетельству современников в той же, присущей ему резкой манере, высказывал мысль, что в будущем форма дневника вытеснит другие литературные формы.

К таким выводам И.А. Бунин пришёл, читая заметки, дневники, записки в первую очередь классиков русской ли-

тературы, чьи заветы и традиции он продолжил и развил в своём творчестве, включая и дневники. Через всю жизнь Бунин пронёс трепетную любовь и преклонение перед гением А.С. Пушкина, мечтал написать книгу о Лермонтове, справедливо считая, что проза Пушкина и Лермонтова остались непревзойденными. Размышляя о Пушкине, Бунин сожалеет, что «мы мало знаем про жизнь Пушкина... А если бы он совершенно просто, не думая ни о какой литературе, записывал то, что видел и что знал, какая это была бы книга! Это, может быть, было бы самое ценное из того, что он написал. Записал бы, где гулял, что видел, читал» [1, 174]. Огромное влияние на жизнь и творчество И.А. Бунина оказал Л.Н. Толстой. Всё, что Бунин передумал о Толстом, переживал в отношении к гениальному писателю, нашло отражение в одной из лучших бунинских книг – «Освобождение Толстого». Рассказать о жизни, творчестве, философии Л.Н. Толстого Бунин счёл возможным только на основе исповедальных записок и дневников Толстого. «Освобождение Толстого» – это художественно-философский трактат, являющийся не только образцом того, как надо писать о выдающихся людях, но и исповедью самого И.А. Бунина, существенно дополняющей наши представления о его художественных, философских и эстетических взглядах. Литературным дневникам, заметкам, запискам Бунин даёт различную, одним просторную, другим очень лаконичную, но вполне исчерпывающую оценку. Прочитав «Былое и думы» А. Герцена, к личности и высказываниям которого он не однажды обращался в своих дневниках, Бунин 26 июля 1913 года записывает: «Кончил «Былое и думы». Изумительно по уму, силе языка, изобразительности. И в языке – родной мне язык – язык нашего отца, вообще всего нашего, теперь уже почти исчезнувшего племени» [9, 134].

Убеждённый в том, что «в дневнике человека лучше видно», Бунин иногда коренным образом менял мнение о соотечественниках по перу под влиянием их дневниковых записей.

Так, при всей нелюбви к символистам, после прочтения дневника Александра Блока, по свидетельству Г. Кузнецовой, Бунин сказал: «Нет, он был не чета другим. Он многое понимал... и начало в нём было здоровое.» [7, 193]. 21 марта 1916 года Бунин записывает: «Говорили об Андрееве. Всё-таки он единственный из современных писателей, к кому меня влечёт, чью всякую новую вещь я тотчас читаю. Когда прост, не мудрит, шутит, в глазах светится острый природный ум. А пишет лучше всего, когда пишет о своей молодости, о том, что было пережито» [3, 360]. Очевидно, что чувство творческой близости, признание таланта Леонида Андреева с годами всё более утверждается и выливается в целостный, точный и яркий портрет личности известного русского писателя, к созданию которого побудило чтение дневника Леонида Андреева и потрясение от его ранней смерти. Уже в Париже, 19 августа 1920 года Бунин записывает: «Прочёл отрывок из дневника покойного Андреева. Покойного! Как этому поверить! Вижу его со страшной ясностью – живого, сильного, дерзкого, уверенного в себе, всё что-то про себя думающего, стискивающего зубы, с гривой синеватых волос, смуглого, с блеском умных сметливых глаз и строгих, и вместе с тем играющих тайным весельем; как приятно легко было говорить с ним, когда он переставал мудрствовать, когда мы говорили о чём-нибудь простом, жизненном, как чувствовалась, какая это талантливая натура, насколько он умней своих произведений» [3, 431].

В «Грасском дневнике», написанном всего скорее под влиянием Бунина, автор несколько страниц отводит дневникам З.Н. Гиппиус. Особо отмечено, что « в нём ярко выступает автор, хотя о себе он почти не упоминает» [7, 174]. Высокую оценку и одобрение получила художественность, позволяющая «видеть политические события в виде обычных картин человеческой жизни. По одной, двум чертам обрисовываются люди и положения». Приведённые примеры позволяют выделить то, что Бунин более всего ценил в дневниках, это

простота, искренность, такт, чувство меры, широта взгляда их авторов на личность человека, отдельные явления жизни и целые общественно-исторические эпохи. В дневниковой форме Бунина привлекала прежде всего возможность создать картину мира и человека как его неотъемлемой части: во всём многообразии, целостности, без соблюдения определённых правил и рамок, диктуемых каким-либо конкретным литературным жанром. Своё предпочтение форме дневника он обосновывал так: «Разве можно сказать, что такое жизнь? В ней всего намешано. Жизнь – это вот когда какая-то муть за Арбатом, вечереет, галки уже по крестам расселись, шуба тяжёлая, калоши...Да что! Вот так бы и написать» [7, 178]. Неоднократно повторяемые мысли о поиске литературной формы, независимой от правил, заданных определенным литературным жанром, художественно обобщены в этюде-размышлении «Книга»: «А зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем роман, повесть, с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлены! И вечная мука – вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твоё и единственно настоящее, требующее наиболее законного выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове» [2, 331].

Освобождения от этой «вечной муки» И.А. Бунин находит в своих дневниках, по художественности, лаконизму, обобщениям и оценкам, далеко опередившим своё время и вписавших новые страницы не только в творчество самого Ивана Алексеевича Бунина, но и в развитие русской и мировой литературы. Дневники Бунина «являются продолжением его художественной прозы и имеют совершенно особое и уникальное значение, – утверждает исследователь творчества Бунина О.Н. Михайлов. – Замкнутый, можно сказать, всю жизнь одинокий, редко и трудно допускающий кого-либо в своё «святая святых» – внутренний мир, Бунин в дневниках с предельной искренностью и исповедальной

силой раскрывает своё «я» как человек и художник, доверяет дневникам самые заветные мысли и переживания. Он выражает в них свою преданность искусству, выявляет высочайшую степень своей слиянности с природой, остро, почти болезненно чувствуя её, её красоту, увядание, возрождение, говорит о муках творчества, о предназначении человека, тайне его жизни, выражает собственное страстное жизнелюбие и протест против неизбежности смерти» [8, 6]. Надо отдать должное памяти Александра Кузьмича Бабореко, который в своих статьях, комментариях впервые заговорил о дневниках, как автобиографической основе творчества И.А. Бунина, указал на его дневники, как на творческую лабораторию писателя, источник его художественного творчества. В дневниках Бунина, – пишет А.К. Бабореко, – отмечены наблюдения, отобразившиеся впоследствии в повестях «Деревня» и «Суходол», в рассказах «Древний человек», «Ночной разговор», «Я всё молчу», «Казимир Станиславович», «Божье дерево». Их сюжеты Бунин брал из жизни, он жил среди тех людей, о которых писал» [19, 113]. А.К. Бабореко оценивает дневники как неотъемлемую и очень важную часть художественного наследия Бунина. В качестве убедительного примера мысли Бунина о том, что дневник, сочетающий высокую художественность и глубину философской мысли с точностью фиксирования каждого дня и часа жизни человека, природы, стихии в их космическом единстве, «есть нечто вечное», А.К. Бабореко приводит лирико-философское произведение «Воды многие». Он утверждает, что «Воды многие» – и есть такой дневник о его плавании по Индийскому океану, на Цейлон в 1911 году. Точное воспроизведение записей тех лет – восхитительнейшее из его произведений» [4, 113].

Пристальное внимание к форме литературного дневника у Бунина неразрывно связано с поиском новых форм в литературе. В связи с пониманием того, что дневники И.А. Бунина являются зачастую его творческой лаборато-

рией, источником его художественных произведений, неизбежно встаёт проблема соотношения реальных, зафиксированных в дневниках, и художественного вымысла. Бунин не однажды в различных вариантах высказывал мысль, что «тайна возникновения начального чувства, побуждающая писателя к творчеству, очень трудно уловима», что это чувство приходит к творцу где угодно – «в поле, на улице, в море, дома», в соответствии с обстоятельствами, с встреченным человеческим лицом...» (4, 374). В своих творениях И.А. Бунин изображает типичных героев, типичные обстоятельства, пользуясь не только и не столько своей феноменальной памятью и дневниками, сколько прибегая к художественному вымыслу.

Способность Бунина-художника «выдумывать», выросшая некогда на реальной почве и частично заносимая в разные годы на страницы дневника, в эмиграции, уже вдали от России, только усилилась и теперь сама завладела действительностью, можно сказать, стала ею: «Не раз испытал я нечто чудесное... Я чувствую, что это совсем не воспоминание прошлого: нет, просто я опять прежний, опять в том же самом отношении к этим полям и дорогам, к этому полевому воздуху, к этому тамбовскому небу» [5, 384]. И тут дневник, в который порой заносились лишь отдельные штрихи, опорные слова в момент записи, позволяют писателю всё это, казалось бы, незначительное, развить в неповторимые рассказы и повести. Силой своего творческого воображения и благодаря феноменальной памяти, писатель воссоздаёт утраченный для него мир. Для него достаточно вспомнить, например, усадьбу в лунный зимний вечер, принадлежавшую некогда матери, а затем помещику Логофету, чтобы «вдруг пришёл в голову сюжет «Музы» – как и почему, совершенно не понимаю», – признаётся Бунин, – тут всё сплошь выдуманно, кроме того, что я когда-то часто и подолгу жил в Москве на Арбате в номерах «Столицы», а в юности был в зимний вечер у Логофета» [4, 372].

В дневниковой записи 16 июня 1912 года И.А. Бунин рисует великолепную картину летней природы средней полосы России: «...Моря ржей, очаровательная дорога среди них. Лужи, вроде бутырских, мелкие цветы, беленькие и жёлтые. Одинокий грач. Молодые грачи на косогоре, их крики. Пение мошкеры, жаворонков – и тишина, тишина». И тут же следует запись: «Потом большая дорога – и пение косцов в лесу: «На родимую сторонушку» [3, 347]. В «Происхождении моих рассказов» Бунин сообщает, что слышал это пение (грузчиков), возвращаясь с братом Юлием из Саратова, в Казани, в 1914 году: «Потом мы слышали, едучи на беговых дрожках с племянником и братом Юлием по большой дороге, как в берёзовом лесу рядом с большой дорогой пели косцы – с такой же свободой, лёгкостью и всем существом» [4, 221]. И всё же вначале пение косцов в лесу, в Глозово, а не в Казани, слышал Бунин, в тех родных для него местах, где он подолгу жил, творил и откуда начался его горький исход из России. В этом случае мы проследили ещё один метод вызревания художественного произведения, когда несколько реальных событий, к тому же отмеченных в дневниках, соединившись с душевным и творческим состоянием писателя, порождают блестящие и совершенные произведения.

История создания рассказа «Косцы» (1921) связана с жизненным периодом, когда в творческой манере писателя появилась та новая грань, о которой он давно думал, к ней стремился. Он задумывает написать «книгу ни о чём», без всякой внешней связи, излить свою душу, рассказать свою жизнь, что довелось видеть в этом мире, чувствовать, думать, любить, ненавидеть». Об этом он размышляет в дневнике 9 ноября 1921 года. И под этой же датой записывает: «Нынче неожиданно начал «Косцов» [10, 67]. Переход к новой манере давался мучительно, в сомнениях в своих силах, он вновь переживает, «что не скажешь того, что чувствуешь, и выйдет патока да ещё не в меру интимная...».

Этой, на его взгляд «интимности», Иван Алексеевич, будучи от природы очень застенчивым, всегда опасался. Этим, между прочим, объяснял близким, почему никогда не пишет стихов о любви. Бунин, как все истинные художники, работал трудно, он был требователен к себе сверх меры. С «Косцов» начался новый период не только в творческой манере писателя, но, по сути, новый этап творчества в эмиграции, и очень знаменательно, что открылся этот новый этап произведением, которое воистину стало песнью о России. В рассказе «Косцы» И.А. Бунин излил свою душу, в дальнейшем он рассказал свою жизнь в «Жизни Арсеньева».

Литературная критика часто «уличала» И.А. Бунина в автобиографичности произведений. Особенно много подобных высказываний было в адрес «Жизни Арсеньева». Некоторые современники рассматривали «Жизнь Арсеньева» как биографию самого автора. Бунина это приводило в негодование. Он утверждал, что его книга автобиографична лишь постольку, поскольку автобиографично вообще любое художественное произведение, в которое автор непременно вкладывает себя, часть своей души. Сам же он именвал «Жизнь Арсеньева» автобиографией вымышленного лица. В письме начинающей писательнице М.В. Карамзиной на её отклик о «Лице», Бунин пишет 10 апреля 1939 года: «Вся моя книга сплошь выдумана (на основании только некоторой сути пережитого в молодости) – и в моей первой сильной любви – к девушке, как земля от неба отличной от Лики, умершей, кстати сказать, только в 1917 году, весной (Бунин ошибся. В.В. Пашенко умерла в 1918 году, больше двадцати лет она была замужем за другим.) Из действительности я взял одну тысячную долю бывшего. Правду писать я бы не мог – было бы бесстыдно быть таким интимным» [5, 680].

Гёте, к личности и философии которого не раз обращался Бунин, книгу об истоках своих дней, как известно, так и назвал – «Правда и поэзия». В этом и состоит, на наш

взгляд, динамика бунинских творений – в слиянии реальности с вымыслом, или, если перефразировать слова Гёте, в слиянии правды и поэзии.

Таким образом, дневники И.А. Бунина – это и основополагающий, с контрастными светотенями, автопортрет, и философский камень, погружающий читателей в глубины бунинских замыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии с 1870 по 1917. М. «Художественная литература», 1983.
2. Бунин И.А. Собр. соч. М., 1988, т. 4.
3. Бунин И.А. Собр. соч. М., 1988, т. 6.
4. Бунин И.А. Собр. соч. 1988, т. 9.
5. Бунин И.А. Литературное наследство. М., «Наука», 1973, т. 84.
6. Бунин И.А. Литературное наследство. т. 84, кн. 2.
7. Кузнецова Г. Грасский дневник: «Знамя», 1990, № 4, с. 168.
8. Михайлов О. Лишь слову жизнь дана. М., «Сов. Россия», 1990.
9. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных. Под ред. М. Грин: В 3-х т., т. 1, с. 134.
10. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных. /Под ред. М. Грин: В 3-х т., т. 2, с. 66.

ИМЯ КАК ПАРАДИГМА СУДЬБЫ **Рассказы «Казимир Станиславович»,** **«Аглая», «Преображение»** **в контексте творчества И. А. Бунина**

Александр Васильевич Назаров

Член БОР, Санкт-Петербург

Отправной точкой данного исследования является имя персонажа.

В ряде работ, посвящённых творчеству И.А. Бунина, рассматривалось особое значение, которое автор придавал именам героев своих произведений. Известно высказывание писателя: «Надо, чтобы имя подходило к герою, чтобы сливалось с его обликом... Надо, чтобы герой ужился со своим именем, чтобы оно его не коробило. Я часто примеряю имя – потом вижу, что оно не подходит, режет ухо, и тогда меняю его. Это необъяснимая, таинственная магия имён. Можно потопить хорошую вещь неудачным, неподходящим подбором имён» [1, 98].

Два из рассматриваемых рассказов озаглавлены значимыми именами главных героев: «Казимир Станиславович» и «Аглая», в третьем рассказе, «Преображение», единственный поименованный герой – Гаврило, чьё имя также несёт явную смысловую нагрузку.

Главный герой первого рассматриваемого нами рассказа носит имя Казимир Станиславович. О.В. Сливицкой и Л.В. Крутиковой [2, 3] высказана справедливая мысль о том, что в данной бунинской истории «рассказ об отдельной человеческой судьбе превращался в повествование

о трагической неустроенности бытия» [3, 105]. Полностью соглашаясь с данной трактовкой, рискну внести в неё своё видение ситуации: герой – человек, разрушивший собственную жизнь, переживший символическую (метафорическую) смерть в прошлом и уже как бы не существующий в настоящем.

Существование героя в мире оказывается условным, он ничем с этим миром не связан: приезжает он по *чьей-то* телеграмме, деньги у него взялись *откуда-то*, все, с кем герой вступает в контакт, замкнуты в своём мире, как извозчик, «старик, согнутый в дугу, печальный, сумрачный, глубоко погруженный в себя, в свою старость, в свои мутные думы» [4, 343], как молодой швейцар, глядящий «в серебристо-молочное зеркальце» [4, 341] или девица в публичном доме, «обязанная занимать Казимира Станиславовича», которая «молча, жадно, со вкусом ела грушу, обрезая её ножичком» [4, 345]. Герой самостоятельно отделяет себя от окружающих: «Казимир Станиславович на каждой большой станции выходил к буфету, возвращался в вагон с газетами в руках, но *не читал* их, а сидел и *тонул в дыму* своих толстых папирос, горевших жарко, с искрами, и ни с кем из соседей – одесских евреев, всю дорогу игравших в карты, – *не говорил ни слова*» [4, 342]. Он и сам игнорируется окружающими, например извозчиком, привёзшим его в гостиницу. «"Я, брат, – сказал он, неожиданно нарушая свое молчание, – эту гостиницу ещё со студенческих времён знаю"» [4, 342]. Как явствует из текста, извозчик никак не реагирует на слова Казимира Станиславовича. А та женщина, ради которой Казимир Станиславович приезжает в Москву, не знает о его существовании и никогда не узнает, и тайное присутствие героя на свадьбе оказывается по сути невстречей с единственным важным для него человеком.

Сопоставление ранних редакций рассказа «Казимир Станиславович» с окончательным вариантом текста, демонстрирует, как постепенно изменялось имя главного героя:

«На заношенной визитной карточке с дворянской короной значилось: Лев Казимирович Веледкий. Швейцар „Северного полюса“ удовольствовался ею: повертел её, бросил в столик, стоявший возле дверей прихожей, и опять стал глядеться в зеркало и по-казацки взбивать на висках свои густые волосы» (I, с. 1). В следующей редакции фамилия исчезает совсем – швейцар гостиницы «прочёл только имя-отчество: Лев Казимирович; далее следовало нечто многосложное и очень трудное для прочтения». (II, с. 7). И в окончательном варианте: «На пожелтевшей визитной карточке с дворянской короной молодой швейцар гостиницы "Версаль" кое-как прочёл только имя-отчество: Казимир Станиславович; дальше следовало нечто ещё более трудное для произношения» [3, с. 103-104].

Важным фактом, на мой взгляд, является исчезновение фамилии героя. Принадлежность к дворянской фамилии, дворянскому роду – невозможна для героя, как бы выключенного из мира. При этом славное былое превращается в «*нечто* ещё более трудное для произношения», во что-то неопределённое, не важное этому миру, что подчёркивается использованием неопределённого местоимения. И то, что молодой швейцар прочёл имя-отчество героя именно «кое-как», говорит не столько о трудности-непривычности этого имени-отчества для малообразованного человека, сколько о равнодушном пренебрежении, невнимании к герою со стороны мира, существование в котором героя условно, призрачно. Любопытно в этом плане и то, что швейцар сразу отворачивается от Казимира Станиславовича, глядясь «в серебристо-молочное зеркальце».

Обоснованным в данном случае является замена имени Лев (в контексте рассказа в отношении героя воспринимающееся в ироническом ключе) на Казимир (имя славянского происхождения, образованное сложением праслав. *kaziti* – «портить, вредить» и *mirъ* – «мир, покой»). Отчество героя Станиславович, от Станислав (имя славянского про-

исхождения; образовано от основ слов [стан] (ср. «становиться», «установливаться») и [слав] (ср. «слава»)) образует практически многозвучную пару, словно связывая славное прошлое с ничтожным (не существующим) настоящим.

Имя и отчество героя явно указывают на его польское происхождение (святой Казимир и святой Станислав (епископ Станислав Щепановский) – покровители Польши; в российском государстве получила широкое распространение награда, учреждённая в честь святого Станислава, но наречение им в русском обществе не представлялось возможным, поскольку имя отсутствовало в православных святцах. Таким образом фиксируется (во всяком случае символическая) чуждость героя русскому обществу.

Герой появляется словно из ниоткуда (хотя указывается, что он приехал в Москву из Киева) и исчезает в никуда (хотя отмечается, что он просит на билет до Брянска), но фраза «А потом он смешался с толпой, кинувшейся к выходу на платформу, и исчез в ней» [4, 349] заставляет опять-таки воспринимать ситуацию в символическом (мистическом) ключе: герой именно исчезает, как будто его и не было в этом мире, и следы его пребывания в нём безжалостно уничтожаются: «Меж тем как в "Версале", в номере, двое суток как бы принадлежавшем ему, выносили ведро из умывальника, распахивали на апрельское солнце окна и, грубо двигая стульями, выметали, вышвыривали сор, а вместе с сором – его разорванную записку; забытую им вместе с огурцами, упавшую под стол, под спустившуюся скатерть...». Ситуация невозвращения героя в Киев, откуда он приезжает в Москву (Брянск, на билет до которого просит герой в финале повести, находится примерно на одинаковом расстоянии между Москвой и Киевом) заставляет задуматься о некоем абсолютном невозвращении героя, который тем более бесследно растворяется в толпе.

Закольцованный сюжет пребывания героя в Москве оборачивается некоей иллюзией жизни. В связи с тем, что

в рассказе гостиничный номер называется *домом* («В десятом часу вечера он был опять дома» [4, 348]), а через несколько строк *случайным приютом* («печально осветил свой пустой, случайный приют») [4, 348]), возникает мысль о бездомности героя, об иллюзии дома, такой же, как иллюзия комфорта, которую он испытывает по дороге в Москву («сел он в купе второго класса, серое, тусклое, но, верно, дававшее ему ощущение роскоши, комфорта») [4, 341] или иллюзия связи с той, ради которой он приехал в Москву («в последний раз мелькнуло за этим стеклом лицо той, которую навсегда *увозили от него* куда-то») [4, 348]. И самоощущение героя в мире оказывается иллюзорным: Казимир Станиславович в эпизоде поездки в публичный дом «видел вдали бесконечные цепи поздних огней, убежавших куда-то под гору и снова поднимавшихся в гору, но видел так, *точно это был не он, а кто-то другой*» [4, 344].

Судьба героя как бы определяется его именем, он *испортил, исказил* свою жизнь, разрушил свой мир и одинок в чужом для него мире: «*Одинок*о человеку, прожившему и погубившему свою жизнь, в весенний вечер в *чужом* людном городе!» [4, 342], «Город уже давно жил *своей* шумной, огромной жизнью в этот яркий весенний день [4, 346].

Герой словно приносит с собой фантомы прошлого, вроде полоумного составителя жизнеописаний угодников, жившего в «Версале» двадцать три года назад, такого же одинокого, выключенного из реальной жизни, как сам Казимир Станиславович. Героя окружают странные личности с акцентированными инфернальными чертами: «В лакейской к Казимиру Станиславовичу кинулось сразу несколько человек и *все с такими же густыми клубами волос*, как у швейцара "Версаля" [4, 343], «седой, кудрявый грузин принёс ему на железной пике полусырой пахучий шашлык, с *каким-то развратным щёгольством* срезал мясо на тарелку...» [4, 344], «прибежал коридорный, востроглазый мальчишка с *лисьим пухом на голове*, в сюртуке

и розовой косоворотке» [4, 346]. *Густые клубы волос* лакеев (швейцара) вкупе с *лисьим* (рыжим) *пухом на голове* коридорного производят впечатление чего-то демонического. Кроме того, эта избыточность растительности, символизирующая полноту физической жизни, составляет контраст с «очень редкими нафиксатуаренными волосами» Казимира Станиславовича, чья жизнь как раз характеризуется отсутствием этой полноты.

В ожидании события, ради которого он приехал в Москву, Казимир Станиславович, очевидно, не способен ничего изменить в своей жизни, в его жизнь не может войти ничего нового, неслучайно его сопровождает тема старости, ветхости: «пожелтевшая визитная карточка» [4, 341], «осеннее пальто с обитыми карманами, очень старый креповый цилиндр», «заношенный бумажный воротничок, ветхий галстук», «истрепаннные юмористические журналы» [4, 342], «старик, согнутый в дугу, печальный, сумрачный, глубоко погружённый в себя, в свою старость, в свои мутные думы», «облезлые золотые рыбки» [4, 343], «старик в халате, похожий на плохого актёра, играющего "Записки сумасшедшего"», «тесно заставленная комната, берлога одинокого, старого жильца». [4, 345]. Казимир Станиславович отправляется в ресторан, затем в публичный дом, причём в этом маршруте отсутствует сознательный выбор героя, он действует как бы по схеме прежней жизни, точно так же, как подаёт в «Версале» швейцару визитную карточку вместе с паспортом, чего никто здесь уже не делает.

Присутствие на свадьбе дочери должно было что-то изменить в жизни героя, и действительно, автор описывает состояние его как прикоснувшегося к чему-то возвышенно-прекрасному: «Казимир Станиславович покрывся от сердцебиения смертельной бледностью и невольно двинулся вперед. И близко, близко прошла мимо него, даже фатой своей его коснулась и ландышем овеяла та, кото-

рая даже не знала о его существовании на свете, прошла, склонив свою прелестную голову, вся в цветах и сквозном газе, вся белоснежная и непорочная, как принцесса, идущая к первому причастию». [4, 347]. Любопытен в данном эпизоде контраст белого цвета: смертельной бледности Казимира Станиславовича (символически указывающей на его причастность к миру мёртвых) и белизны платья невесты (как символа утверждения жизни).

И хотя по определению нельзя потерять то, чего не имел, Казимир Станиславович, когда «увидал он у паперти зеркальное, отражавшее закат стекло кареты, белоатласной внутри, и в последний раз мелькнуло за этим стеклом лицо той, которую навсегда увозили от него куда-то» [4, 348], именно теряет дочь, а с ней и всё, что как будто удерживало его в этой жизни. В данном эпизоде в третий раз возникает мотив зеркала, в роли которого выступает зеркальное стекло кареты, отражающее закат, который символизирует окончательный крах героя.

Для определения прочности (реальности) существования бунинского героя в мире важным всегда оказывается его взаимодействие с природой. Не то чтобы герой не замечает мира природы, его взгляд фиксирует детали этого мира, но как-то отстранённо; автор демонстрирует нам отчуждённость Казимира Станиславовича от красоты пробуждающейся весенней природы (от жизни) и, наоборот, акцентирует внимание на отвратительных явлениях мира, ассоциирующихся с миром смерти-ада, вроде «длинного вонючего коридора», «смрада железного умывальника» [4, 345] или зеркал, в «мутноводянистых безднах» которых «отражалось что-то огромное, шумное, сложное» [4, 344]. Следует обратить внимание, что в первых двух случаях в рассказе дан образ именно мутного зеркала («серебристо-молочного зеркальца», перед которым взбивает гребешком свои густые волосы молодой швейцар, и «мутноводянистые бездны» зеркал в рестора-

не), выступающих символом искажённого, неправильного мира. Перед тем, как герой войдёт в церковь, нам даётся замечательная картина весеннего вечера: «Всё дерево трещало воробьями, воздух был мягок, – совсем, совсем летний, даже пылью пахло по-летнему, – и нежно золотилось вдали за домами небо над закатом, и чувствовалось, что в мире есть *где-то* радость, молодость, счастье» [4, 347]. Использование неопределённого местоименного наречия *где-то* чётко указывает на отсутствие счастья в том аду отдельных существований, где обитает Казимир Станиславович. Поэтому символичен эпизод, когда после его отъезда выносят ведро из умывальника, отвратительный запах которого мучил героя накануне, распахивают окна на апрельское солнце, в тот мир природы, от которого герой был отделён.

Решающее значение эмоционального тона, «звука», первой фразы, определяющих смысл бунинских произведений уже отмечалась исследователями творчества писателя. В статье «Как я пишу» И. А. Бунин формулирует это так: «Да, первая фраза имеет решающее значение. Она определяет прежде всего размер произведения, звучание всего произведения в целом». Первая фраза рассказа «Казимир Станиславович», когда «на пожелтевшей визитной карточке с дворянской короной молодой швейцар гостиницы "Версаль" кое-как прочёл только имя-отчество: Казимир Станиславович, дальше следовало нечто ещё более трудное для произношения» [4, 341] задаёт тон повествованию о человеке из прошлого, не могущем найти места в настоящем, ибо он утрачивает даже то, чего никогда не имел, смерть для которого невозможна, ибо он и так уже не живёт. И последняя фраза рассказа: «"В смерти моей прошу никого не винить..."» [4, 349] звучит удивительно двойственно: с одной стороны, герой сам разрушил (испортил, исказил) свою жизнь, то есть в метафорическом плане – умер, с другой стороны – в конкретной ситуации самоубий-

ство не состоялось: «Нет, умереть от своей руки он был не в силах» [4, 348], и смерть героя оказывается такой же иллюзией, как и его существование.

Тема символической смерти (нарекание героини взамен мирского новым именем в монастыре) сближает рассказ «Аглая» с «Казимиром Станиславовичем». И снова первая фраза текста определяет звучание произведения: «В миру, в той лесной деревне, где *родилась и росла* Аглая, её звали Анной» [4,361], акцентируя внимание как бы на истинном имени Аглая и указывая на случайное, обманное имя Анна. Важно в контексте данного предложения противопоставление «*родилась и росла* Аглая» и «*её звали Анной*» как реального и видимого.

Имя Анна (от ивр. אַנָּה [Хан(н)а] «расположение, благосклонность, благоволение») задаёт некую парадигму отношения героини к миру. Сочетание имён сестёр Анна и Катерина вводит тему святости, как бы изначально программируя младшую из сестёр на определённое отношение к миру. Многократное упоминание имени Анна в библии, ряд святых, прежде всего отроковица Анна (Агнесса) Римская и Анна Святого Варфоломея, словно задают судьбу героини. При этом той тяги к духовным книгам, которая отличает Катерину, она не испытывает: «Анна слушала чтение, как песню на чужом языке, со вниманием. Но закрывала Катерина книгу – и она никогда, не просила почитать ещё: всегда непонятная была она» [4, 361]. И сама отрешённость героини от мира решается автором двойственно: вроде бы в традиционно агиографическом духе, когда святой изображается уже в детстве существом не от мира сего, и в то же время как некая ущербность (не-живость): «Девочка росла ровно и споро, никогда не хворала, ни на что не жаловалась, только всё задумывалась. Если Катерина окликала её, спрашивала, что с нею, она отзывалась просто, говоря, что у неё шея скрипит и что она слушает это. «Вот! – говорила она, повертывая голову, своё беленькое личико, –

слышишь?» – «А думаешь ты о чём?» – «Так. Я не знаю». «Со сверстницами она в детстве не водилась и бывать не бывала нигде...» [4, 362]. Фразы «Годам к тринадцати она стала отменно тонка, высока и сильна. Она была нежна, бела, синеглаза, а работу любила простую, грубую» [4, 361] можно интерпретировать и как стремление святой к отречению от земных соблазнов и к умерщвлению плоти, и как некую душевную ограниченность мира существования, о чём говорит реакция Анны после смерти родителей: «Девочка не испытала ни страха, ни жалости, только навсегда запомнила тот ни на что не похожий, для живых чужой и тяжкий дух, что исходил от них, и ту зимнюю свежесть, холод великопостной оттепели, что напустили в избу мужики, выносившие гробы к дровням под окнами» [4, 361].

Автор акцентирует внимание на замкнутости бытия героини. Точно так же, как Казимир Станиславович замкнут в своём прошлом, Анна закрыта в пространстве своей избы: «К тому быту и лежало сердце Анны в детстве: милы были ей и черная изба, и горячая лучина в светце» [4, 461]), затем в пространстве обители и даже в себе самой (платок, закрывающий глаза, молчание, наречение «избранным сосудом» [4, 466], наконец в могиле. Тема замкнутости-разомкнутости пространства существования бунинского героя – важный аспект, указывающий на ложность-истинность его мировоззрения, его жизни. Анна, отрекаясь от земной жизни и становясь Аглаей (др.-греч. ἀγλαΐα «красота, блеск», перен. «ликование, радость»; происходит от имени младшей из трёх харит в древнегреческой мифологии), словно бы обретает истинное имя, а вместе с ним понимание ошибочности своего выбора, которого уже не изменить. С этим связано и быстрое сгорание героини, сжигаемой внутренним огнём, и её покаяние перед смертью, обращенное к Матери-земле.

Ранняя смерть Аглаи предсказана её снами, по крайней мере, первым сном: «В отрочестве она видела себя во сне

в длинной льняной рубаше и в железном венце на голове. И Катерина сказала ей: "Это тебе к смерти, сестра, к ранней кончине"» [4, 363]. Собственно говоря, никаких конкретных символов смерти данный сон не содержит, и железный венец не воспринимается именно как смертный знак, только как нечто неестественное, пугающее, противопоставленное и девичьему венку из цветов, и венцу как головному женскому убору (в частности – венцу невесты), и даже мученическому венцу. Второй сон Анны, который снился ей под Новый год (по народным представлениям, такие сны сбываются) наполнен более определёнными символами: «И под Новый год вновь приснилось ей: видела она раннее морозное утро, только что выкатилось из-за снегов слепящее ледяное солнце, острым ветром перехватывало дух; и на ветер, на солнце, по белому полю, летела она на лыжах, гналась за каким-то дивным горностаем, да сорвалась вдруг куда-то в пропасть – и ослепла, задохнулась в туче снежной пыли, взвившейся из-под лыж на срыве... Ничего нельзя было понять в этом сне, но Анна за весь день Нового года ни разу не взглянула в глаза сестре...» [4, 363-364]. Атмосфера сна со снегом и зимним холодом, соответствующая времени, в которое снится сон, противопоставляется, с одной стороны, жаркой весне и лету, последними в мирской жизни героини, с другой стороны – жару самой Аглаи («огонь своих жарких ланит»), которая через тридцать три месяца монастырской жизни «сгорела, как свеча», «слегла, запылала огнём». Во сне Анна преследует горностаю, воплощающего чистоту, непорочность, невинность (существует легенда, что горностаю предпочтёт умереть, нежели испачкать свою шкурку), но срывается в пропасть, что может предсказывать крах Анны-Аглаи в стремлении к монашеской чистоте души и тела. Причём гибель героини во сне, задохнувшейся в туче снежной пыли, замечательно оборачивается в реальности сгоранием от внутреннего жара. Мотив слепоты («слепящее ледяное солнце»,

«ослепла») трансформируется в надвинутый на пол-лица белый (цвет не только чистоты, невинности, но и холодной смерти) платок, скрывающий сверкающий взгляд героини и скрывающий от этого взгляда мир. Испуганная змеёй, Анна делается белее полотна, что снова напоминает нам о её сне с темой белой смерти. Бледность Аглаи напоминает бледность Казимира Станиславовича, когда мимо него, не узнавая, проходит дочь. Третье знамение, опять-таки истолкованное Катериной, – обвинившаяся вокруг босой ноги «большая блестящая змея с изумрудной головой» – воспринимается как опасность Змея Искусителя. Следует указать на амбивалентность образа змеи, являющейся не только символом искушения, но и воплощением мудрости, той древней мудрости матери-земли, у которой перед смертью будет просить прощения Аглая, отрешённая от своей воли убеждениями Катерины, а потом старца Родиона, покинувшая земной мир, лишившая его своей сверкающей красоты.

Старец Родион, обрекающий Аглаю на смерть, рассматривался исследователями творчества Бунина и как святой прозорливец, увидевший избранность девушки, и как губитель земной красоты, целующий её поцелуем тления (символ истлевших уст Аглаи). Думаю, что второе утверждение, выдвинутое Е. Капинос, ближе к истине. В этом нас убеждает как нелюбовь Бунина к культуре мощей в христианстве, к умерщвлению плоти, так и конкретные высказывания его о данном произведении. Уверен, что имя святого – Родион выбрано автором не случайно. Как говорит ряд источников, покровитель имени – святой Родос, монах, проживший много лет в одиночестве на далёком острове. Он искупал грехи людей, предающихся земным радостям, не заботящихся о душевном состоянии. Однако для русской культуры двадцатого (и двадцать первого) веков имя Родион, в первую очередь, связывается с героем романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Родионом

Романовичем Раскольниковым. Что же объединяет этих двух на первый взгляд совсем разных персонажей? Это фанатичная (раскольническая) уверенность в знании истины, связанная с оторванностью от матери-земли, приводящая к праву распоряжаться чужими жизнями. Любопытной в связи с этим является тема воскрешения Лазаря, являющаяся важнейшей в романе Достоевского и акцентированная у Бунина: Христос воскрешает Лазаря, а Родион велит Аглае умереть. Не спасает здесь и сопоставление с известной историей из жизни Серафима Саровского, повелевшего умереть сестре вместо тяжело заболевшего брата, поскольку в ситуации бунинского рассказа даже такого основания для принятия смерти нет.

В данной логике имя Аглая вполне убедительно связывает героиню с Аглаей Епанчиной, в финале романа «Идиот» попадающей под влияние католического священника и отказывающейся от собственной воли.

Парадокс имён героини, неоднократно отмечавшийся исследователями, фиксирует парадокс её несостоявшейся жизни. Сны и знамения предсказывают раннюю кончину Анны-Аглаи и являются основанием ухода в монастырь, где отец Родион велит ей принять смерть. И если имя «Анна» в целом соответствует ситуации смерти во имя религиозной идеи (даже, пусть, ложно понятой), то имя «Аглая» в силу своей культурологической наполненности этой ситуации противостоит. Таким образом, имена героини позволяют читателю понять противоестественность того, что с ней произошло. Замыкание в ограниченном пространстве, уход от мира с его природой, несущей черты божественной красоты и претворяющейся в земной рай, – в мир смерти и тлена противоестественен для человека.

Умерщвление плоти святыми в «Аглае» – приобщение к миру смерти, в котором явно ощущается языческий элемент, преступление против жизни, данной Богом.

В рассказе И.А. Бунина «Преображение» происходят собственно два преобразования: умершей старухи-матери и её младшего сына. Реальная смерть матери и символическая (метафорическая) смерть Гаврила – это переход в иное состояние, обретение нового статуса.

Путём к пониманию идеи бунинского произведения может послужить система оппозиций, выстраиваемая автором. Чтобы понять принцип работы бунинских антитез, обратимся к двум сильным позициям, играющим важную роль в формировании архитектоники текста, – к началу и к концу рассказа. Первое предложение вводит тему замкнутого пространства – двор. В конце текста пространство, наоборот, разомкнуто – даль, дорога, небо. Именно в замкнутом пространстве двора прошла вся жизнь старухи, и только смерть вывела её за эти пределы. Разомкнутое пространство мира – место обитания Гаврила, пережившего преобразование в ночь, когда он читал молитвы над телом умершей матери.

Во втором-пятом предложениях даётся образ материального, физического мира, биологической, животной жизни, «наплодив детей и внуков», «царство... развела она, она», давно «обжитого, вросшего в своё место, грязного и уютного гнезда с его гумном, дуплистыми лозинами, амбарами, черной избой в три связи, грубым до дикости скотным двором, потонувшим в навозе и переполненным сытой скотиной» [5, 77]). Глаголы «наплодив» и «развела» фиксируют существование стариков в контексте животного мира (плодятся животные, разводят животных). Бунин воплощает метаморфозу, произошедшую со стариками, некое преобразование со знаком минус, приводя нас к пониманию того, что в материальном, плотском универсуме участь людей, со временем утрачивающих жизненные силы, – затеряться, раствориться, утратить связи с миром и друг с другом: «Это они когда-то были молоды, красивы, разумны и строги, а потом стали как-то теряться среди всё

увеличивающейся и крепнущей молодёжи, то в одном, то в другом уступать ей свою волю и наконец совсем сошли на нет, захирели, высохли, сгорбились, забились на полаты, на печь, отчудились сперва от семьи, а потом и друг от друга, чтобы уже навеки разлучиться по могилам» [5, 77]). Не случайно использование одного и того же эпитета «грубый» в характеристике скотного двора и семьи: «грубым до дикости скотным двором» [5, 77], «грубой от своей силы и молодости семье» [5, 79]).

Бунин акцентирует внимание читателя на разрыве героев с миром и друг с другом, вызывая у читателя отрицательную реакцию на данный факт. В контексте русской культуры некоей идеальной нормой, заданной «Повестью о житии Петра и Февронии» являются супруги, единые и в жизни, и в смерти. Таким образом, старик и старуха в «Преображении» выступают как некая оппозиция образам Петра и Февронии Муромских.

Важно, что в произведении слова с темой «любовь» присутствуют только при характеристике Гаврила: это любовь к чтению [5, 78], любимое дело [5, 80], «счастье, никогда ему не изменяющее» [5, 80]. Любимое дело Гаврила не связано с замкнутым миром, с материальной заинтересованностью, оно «ненужное при его достатке» [5, 80].

Рассматривая оппозиции *духовное – физическое* и *разомкнутое – замкнутое*, анализируя начало текста с точки зрения места, которое занимает человек в своём мире, мы замечаем, что не только старик и старуха словно уменьшаются в размерах, уменьшается их жизненное пространство – до пространства полатей, печки, на которую забивается старуха. Уютное гнездо становится местом, где можно только ютиться. Наконец, пространство уменьшается до минимума – гроба. Статика достигает предела. В то же время неограниченное, разомкнутое пространство, в котором существует Гаврил, наполнено движением, жизнью: «Он всегда в дороге, и дорога, даль, меняющиеся по времени

года картины неба, полей, лесов, облучок тележки или са-ней, бег пары верных ему умных лошадей, звук колокольчика и долгий разговор с приятным седоком – счастье, никогда ему не изменяющее» [5, 80]. В данной ситуации логично рассматривать концепт дороги, столь значимый для русской культуры и заданную гоголевскими «Мёртвыми душами» антитезу движения-жизни и неподвижности-смерти.

Оставаясь в мире вещей, не выходя за пределы материального бытия, душа утрачивает возможность преобразиться. Преображение – это всегда выход за некие ограниченные пределы. В тот момент, когда пространство старухи сужается до гроба, происходит переход в иное состояние, свершается то самое преобразование, которое зафиксировано в названии рассказа и подчёркнуто повторением однокоренных слов в тексте; «Нет, совершилось с ней некое преобразование – и всё в мире, весь мир преобразился ради неё... И он один, один в этом преобразенном мире!» [5, 79]).

Рассматривая лексическое воплощение темы смерти в рассказе («смерть», «помер» ↔ «отошла», «покойная», «Мёртвая», «покойница», «усопшая», «Нечто, ледяное, недвижимое, бездыханное, безгласное» и т. д.) можно убедиться, что смерть мыслится как переход в другое состояние, возвеличивание умершей: «Спит и весь двор, – обе жилые связи полны спящими, – и над всей этой зимней ночью и метелью, сном и глушью двора и деревни царит Мертвая: вчерашняя жалкая и забитая старушонка преобразилась в нечто грозное, таинственное, самое великое и значительное во всем мире, в какое-то непостижимое и страшное божество – в покойницу», «... разве это она, вот это Нечто, ледяное, недвижимое, бездыханное, безгласное и всё же совсем не то, что стол, стена, стекло, снег, совсем не вещь, а существо, сокровенное бытие которого так непостижимо, как бог?» [5, 79].

Образ смерти связан в рассказе с темой холода, концепты зима и смерть представляют у И.А. Бунина, что в целом характерно для русской литературы. Выстраивание оппозиции холод («холодная половина», «снеговая, белая», «морозная метель», «намерзающим снегом», «ледяная изба», «Нечто, ледяное, недвижимое, бездыханное, безгласное» и т. д.) – тепло («пылающих жарко и беспокойно», «жарким и дрожащим свечам» и т. д.), подводит читателя к пониманию противостояния двух миров: мира живых и мира мёртвых, к мысли о том, что Гаврил как бы «пересёк» границу, оказавшись в потустороннем мире. Также можно отметить некое противопоставление реалий церковного мира, с которыми связан Гаврил («под святыми», «псалтырь»), «церковные службы», «поднял голос по-церковному») и воплощений потусторонней языческой силы («гробный мир, «Мёртвая», «страшное существо», «Нечто, ледяное, недвижимое, бездыханное, безгласное»), которые соединяются в ряде образов, например, «существо, сокровенное бытие которого так непостижимо, как бог» или «как некая литургия, совершается в нём самом и перед ним». [5, 79-80]).

Преображение старухи матери связано с её переходом в мир мёртвых. Очевидно, что в данном случае автор использует представление о языческом культе предков, и умершая уподобляется божеству, Великой матери. Таким образом, здесь мы можем говорить об оппозиции христианское – языческое. Интересным в связи с этим представляется вопрос о роли белого цвета, который оказывается знаком запредельного мира (символом перехода в иной мир либо явления иного мира в мире обычном, как в варианте наибольшей интенсивности полноты – Свет Фавора, так и в варианте отрицательной пустоты – бесцветность царства мёртвых. Мир мёртвых в изображении автора возвышен, пугающе-красив и враждебен миру живых: «Он волшебным замкнут в нём, и он должен стоять в нём до расцвета и читать, не смолкая, на том необычном, жутком

и величественном языке, который тоже есть часть этого мира, его гибельный, зловещий для живых глагол... Но всё равно – этот ветер тоже она, усопшая, это от неё веет этим неземным, чистым, как смерть, и ледяным дыханием, и это она встанет сейчас судить весь мир, весь презренный в своей животности и бренности мир живых!» [5, 79]). Следует обратить внимание, с одной стороны, на то, что умершая восстаёт против того самого животного и бренного мира, в котором прошла вся её жизнь, что может говорить о не-правильности этого мира, а с другой стороны, на то, что вся ситуация даётся в восприятии Гаврила, это его отношение к миру, то понимание, к которому он приходит.

Гаврил, читающий молитву над гробом матери, напоминает нам о Хоме Бруте, читающем молитву над панночкой. И в том, и в другом случае происходит встреча с потусторонней силой, герои как бы пересекают черту реальности, оказываются причастны миру иному: «Нет, случилось нечто гораздо более страшное и дивное, случилось нечто чудесное, и он поражён не ужасом, а именно этим чудесным, таинством, совершившимся на его глазах... Он волшебным замкнут в нём...» [5, 79]. Образы, подчёркивающие переход Гаврила в иной мир, иное состояние, позволяют нам говорить о метафорической (символической) смерти главного героя, проходящего своеобразный обряд инициации. Действительно, обращаясь к сказке, мы вспоминаем ситуацию, когда младший сын (а Гаврил как раз младший из детей) выполняет завет родителя, за что получает некую награду, например, волшебный предмет или волшебного помощника. Но в основе многих сказочных сюжетов лежит древний обряд инициации. Итак, как мы видим в рассказе «Преображение», Гаврил оторван от привычных условий, отделён от семьи, от родных; оставаясь один на один с умершей матерью, он испытывает те состояния, которые никогда не испытывал «Случилось нечто роковое и непоправимое в его жизни», «чувствует, что ему уже нет спасения... уже

не от кого ждать защиты и помощи», «в итоге – всё вокруг превращается в какой-то сплошной восторг». Он говорит на том необычном, жутком и величественном языке, который тоже есть часть этого мира, его гибельный, зловещий для живых глагол, Здесь мы можем говорить о тех самых фазах ухода, символической смерти и символического пребывания героя в стране мёртвых. Фаза возвращения (воскрешения в новом качестве) связана с обретением знания, связанного с пониманием истинных ценностей жизни, что можно трактовать как «мировоззренческую инициацию», т. е. преображение.

Что же является результатом преображения Гаврила? Здесь логично возвращение к тому этапу анализа, когда сопоставлялись начало и конец рассказа. Мы видим, что происходит выход героя за пределы замкнутого мира двора, пространством Гаврила становится весь мир; таким образом, переосмысливается образ гнезда – герой подобно птице, воплощающей идею истинной свободы, покидает это гнездо. Автор подчёркивает простоту и ласковость Гаврила, его любовь к миру, связь с темой движения, с образом дороги – одним из центральных в русской культуре – пути возрастания души.

Логичным в данной связи является вопрос о значении имени главного героя: Гаврил – простонародное от Гавриил – вводит не только тему мужества и силы Божией, противостоящей смерти, но и тему вестника (культурологическая наполненность образа архангела Гавриила). Последнее предложение рассказа «Он не говорлив, но охотно рассказывает достойному человеку то трудно передаваемое, похожее на святочный рассказ, а на деле истинно дивное, что пережил он у гроба матери в её последнюю ночь среди живых» [5, 80] свидетельствует о чуде открывшейся герою истины (не случайно противопоставление истинно дивного – святочному рассказу), которой он готов поделиться с достойным человеком. Таким образом, можно го-

ворить о том, что рассказ И.А. Бунина – произведение о чуде преображения, которое неизбежно должно случиться в жизни каждого человека, открывая ему двери не в смерть и мир иной, но в жизнь земную, широкую, прекрасную, разнообразную. И имя героя в этой связи несёт важную смысловую нагрузку, не прямо, но вполне конкретно определяя судьбу героя, как вестника об истине человеческого существования в дивном незамкнутом мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Бахрах. Бунин в халате. Товарищество зарубежных писателей, 1979, с. 176.
2. Сливацкая О. В. О концепции человека в творчестве Бунина (рассказ «Казимир Станиславович»). Русская литература XX в. (дооктябрьский период). Сб. 2. Калуга, 1970, с. 155-163.
3. Крутикова Л. В. В мире художественных исканий Бунина: (Как создавались рассказы 1911–1916 гг.). Литературное наследство. т. 84, кн. 2 М.: Наука, 1973, с. 90-120.
4. Бунин И. А., Собрание сочинений в девяти томах, т. 4. М. «Художественная литература», 1966.
5. Бунин И. А., Собрание сочинений в девяти томах, т. 5. М. «Художественная литература», 1966.
6. Капинос Е. В. Поэзия Приморских Альп: рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М. «Языки славянской культуры», 2014, с. 148.

«ВЕЧНАЯ ТЕМА – ЛЮБОВЬ»

Галина Петровна Слёзкина

Член БОР, г. Белгород

Зрелый творческий период И. А. Бунина отмечен многолетней работой над романом «Жизнь Арсеньева» [1], за который в 1933 году ему присудили Нобелевскую премию. А с 1937 по 1945 год, пишутся рассказы, составившие книгу «Тёмные аллеи» [2].

Ещё в 1927 году в сознании писателя вырисовываются контуры той самой, по его словам, «книги ни о чём», которая станет главным произведением в его творческом наследии. Читая эту главную его книгу, невольно думаешь о том, что, живя в России, не зная тех, горестно-радостных воспоминаний, не испытав всех тех страданий, которыми сопровождалась многолетняя жизнь в эмиграции, Бунин вряд ли смог бы написать такое произведение.

Покинув родину, прожив там до пятидесяти лет, Иван Алексеевич, чем дальше, тем сильнее тосковал по России; и тем ярче в его сознании вставали образы родной природы, родного дома, родных людей. И все эти воспоминания, в виде различных впечатлений, на протяжении многих лет ложатся на бумагу в отрывках. Главным образом, записываются чувства, пережитые в тот или иной момент детства, юности, зрелости писателя.

Об этом нетрудно догадаться, ведь даже само произведение «Жизнь Арсеньева» сложно поддаётся жанровому определению. При этом даже сюжетная линия с трудом просматривается сквозь отдельно взятые эпизоды, написанные ярко и красочно. Прекрасным женским образом

в этой книге является мать. Вот что говорит о ней сын: «С матерью связана самая горькая любовь моей жизни. Всё и все, кого любим мы, есть наша мука, – чего стоит один этот вечный страх потери любимого! А я с младенчества нёс великое бремя моей неизменной любви к ней – к той, которая, давши мне жизнь, поразила мою душу именно мукой, поразила тем более, что в силу любви, из коей состояла вся её душа, была она и воплощенной печалью: сколько слёз видел я ребёнком на её глазах, сколько горестных песен слышал из её уст!».

Как много сказано и рассказано в этом эмоционально окрашенном отрывке! И о сыновней любви к матери. И о самой матери – той самой, истинно русской женщине, которую трудно даже представить, без младенца на руках, без колыбельной песни и слёз на глазах. Вся она в любви к детям; вся она в слезах и скорбях о своих чадах. И о живых, и о тех, которых схоронила... Такой встаёт мать в памяти Арсеньева.

Человек, неискушённый в таинствах литературного творчества, зачастую думает, что писать о любви – едва ли не проще всего. Но, как правило, авторы средней руки пасуют именно на этой теме. И если не впадают при этом в различные красоты, то непременно сбиваются на банальность и пошлость. Между тем, Бунин как никто другой умел избегать этих крайностей.

Его герой Арсеньев, в сущности, очень далёк в своих помыслах от каких бы то ни было социальных проблем, от всех тех «проклятых» вопросов, на безуспешной попытке разрешить которые «застряла», можно сказать, русская литература XIX века. Ведь все эти классические герои – Онегины, Печорины, Раскольниковы, Болконские, пусть в различной степени, одержимы идеей великих свершений. Все они, или почти все, чувствуют себя глубоко несчастными именно оттого, что на их долю не выпало никаких значительных для общества деяний.

И эта идея постепенно становится *idée fixe*, определяя собою, как психологический облик, так и жизненную драму каждого отдельного персонажа, суть, которой так четко определил Оноре де Бальзак названием одного из самых знаменитых его романов «Утраченные иллюзии». Пророчески, остро и метко характеризует не одно поколение будущих литературных героев русской классической литературы XIX века пушкинская реплика из романа в стихах – «Евгений Онегин»:

«Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно»...

Это просто поразительно! Ведь Наполеоном, как примером для подражания, бредили в своих честолюбивых мечтах даже такие, абсолютно разные между собою персонажи, как Андрей Болконский у Льва Толстого и Родион Раскольников у Федора Достоевского. Но среди них были и личности помельче, которые метили в Дон-Кихоты, Шопенгауэры... Вспомним истерику Войницкого в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня».

А Арсеньев, созданный Буниным, едва ли не первый герой русской литературы, исключаящий разве что Обломова, который не страдает этой, своего рода, манией величия, над сознанием которого не тяготеют мрачноватые тени великих мира сего.

Критика давно уже отметила исключительную особенность как всего произведения «Жизнь Арсеньева», так и его главного героя. Общепризнанным стало мнение о том, что создавая эту книгу, Бунин не разворачивает в этом произведении исторические и этнографические сопоставления. Здесь главная роль предоставлена иному – отдельной личности, изображённой в процессе её внутреннего созерцания, накопления ею духовного и душевного опыта, а так же мир, окружающий и «вбирающий» её в себя.

По мнению Л. Долгополова, «Бунин глубоко (хотя и невольно) современен в новеллах 20-30-х годов, открыто в то

же время, стремится вывести героя за пределы времени. «Жизнь Арсеньева» – вовсе не книга ни о чём, какой она представляется ему в начале 20-х годов: это книга о самом для него важном – о его отношении к прошлому России, нынешнем его художественном истолковании личности, какой складывалась она в 20-м столетии. Очень любит Бунин сердечную боль, вечную взволнованность, неудовлетворённость, культивирует их в себе; из этих чувств и родилась эта книга, но ведь подобный культ не мог характеризовать человека эпохи Чехова и Толстого» [3].

Данная сентенция не может не вызвать определённых суждений. Зрелый Бунин, разумеется, жил в новом времени, которое оказывало влияние на его творчество. Воистину феноменально обстоятельство, что Бунин, как человек, прожил свою жизнь на протяжении смены двух исторических эпох. И обе эти эпохи многократно преломлялись в его произведениях позднего периода. Более того, писатель стремился комбинировать различные временные пространства, изображая реалии XX века, словно на фоне XIX века. Тот же Арсеньев, являет собой образ русского дворянина, отпрыска уходящего в небытие старинного рода, и в то же время юношу, живущего на заре новой эпохи.

А что мы находим в новеллах цикла «Тёмные аллеи»? Старинные дедовские имения, полуразрушенные помещичьи усадьбы... Они выглядят своего рода декорациями, на фоне которых разыгрываются любовные истории, собственные, по вольности нравов, скорее веку, двадцатому, нежели нравственной косности и предрассудкам людей минувшего столетия.

Посредством этих образов, Бунин исследует, главным образом, не законы и проблемы социальной жизни, а внутренний мир индивидуума, человека, личности. Это первостепенная задача автора, в решении которой отводится большая роль стилистическим особенностям поздней бунинской прозы, которая отличается некоторой даже пере-

насыщенностью пейзажем, переходящей порой чуть ли не в пейзажную психологию, когда настроение персонажа, органически связывается с тем, что происходит в глубинах «тёмных аллей». Этому своеобразному синтезу отводятся большие отступления в тексте.

Некоторые исследователи отмечают определённое родство бунинской поэтики с творческим стилем французского писателя Марселя Пруста. Подобная аналогия может возникнуть у читателя не только в отношении «Жизни Арсеньева».

Тема «поисков утраченного времени» близка и созвучна теме несостоявшейся любви, несостоявшегося женского счастья, теме, которая так своеобразно решается в одном из поздних произведений И. А. Бунина – повести «Чаша жизни» [4].

Своеобразный, длящийся целую жизнь, «поток сознания» – общеизвестная терминология М. Пруста – определённо характеризует внутренний мир героини этого произведения. Юная мечтательная Саня, с её затаёнными беспочвенными фантазиями, окружена рутинной вековых, полумещанских, полукупеческих пережитков. А так же нравов, отличающихся эгоизмом, безликой людской массой, где каждый поглощён лишь своими мелочными интересами, где каждая ничтожная человеческая особь упивается своим честолюбием, неумолимо стремясь к достижению своих столь же ничтожных целей..

При всей трезвости рассудка, словно бы, при свете белого дня, ясно, что изменить ничего невозможно. Тот «средний», как в социальном, так и в нравственно-духовном плане слой общества, в котором живёт Саня, беспощадно подавляет в женщине все естественные свойства: природный стимул, жажду естественной, независимой жизни. Тупое мрачное благополучие, душевная отчуждённость, крепкие запоры – всё это парализует волю женщины сильнее, чем прямое насилие.

Далеко не случайно Бунин так тщательно воссоздаёт удушливую атмосферу города Стрелецка, населённого безликой человеческой массой, которая одержима всепоглощающей идеей – иметь свой дом, быть владыкой, возвышаясь тем самым в собственных глазах. А ниже этого эфемерного владыки стояли разве что собственные бездарные дети, привычные в ту пору старухи-приживалки, да бездомные бродяги, спекулирующие на собственной обездоленности.

И это, с позволения сказать, общество создавало грозное общественное мнение, которое обратило в пожизненное рабство не только юную девушку, но даже её отца. Даже её мужа! Что скажет обо мне сосед? Что подумает?! Вот она, философия обывателя!

Удивительно ли, что юная Саня изначально хоронит в глубине души свои самые заветные и несбыточные мечты, подчиняясь тяготеющему над нею миропорядку. Будучи ещё беззаботно счастливою от одной своей свежести и юного, благостного незнания жизни, она боялась семинариста Иорданского, который нравился ей больше всех остальных поклонников. Бунин весьма точно определил то обстоятельство, что первая любовь, в обстановке, для неё неблагоприятной, проявляется именно, как безотчётный страх, восторженный и необъяснимый. Чутким сердцем распознала Саня видимую незаурядность этого человека. Однако, ни к чему не обязывающие ухаживания Иорданского, вместе с ответным к нему чувством Сани, так и затухают на этой романтической ноте. Можно сказать, что её возлюбленный, как и подобает типичному персонажу русской литературы XIX века, не выдерживает испытания любовью. Тут, правда, сложно понять, любил ли Иорданский Саню. Его женитьба на нелюбимой женщине говорит о том, что вряд ли он вообще знал настоящую любовь...

А Саня, в духе своих литературных предшественниц, и не думает противиться воле отца, когда тот, по своему усмотрению выбирает ей мужа.

...Явно подчёркивая тупость и однообразие «жития» города Стрелецка, автор уже во второй главе сообщает, что прошло тридцать лет. Стареющая Саня – теперь уже Александра Васильевна, всё плакала по несбывшимся мечтам, по незаметно и бесследно пролетевшей молодости, видимо, в этих слезах проявлялась её душевная чувствительность и ранимость, а главное, горькое бремя неразделённых чувств. Муж ненавидел её за эти слёзы: ревновал!

Ревновал даже не к кому-то конкретному: ревность вызывало то неизвестное, непонятное, и оттого ещё более ненавистное, что так безутешно оплакивала его жена. Потом причиной слёз была старость, грусть, слабость. И далее, словно выискивая повод этому оплакиванию своей горькой никчёмной жизни, она плакала от страха, что муж, как полноправный владелец имущества, может в любой момент обречь её на нищету.

Тридцать лет немых безропотных слёз, отупляющий страх перед волей мужа, смутное сознание нелепости прожитой жизни – без любви к мужу, без детей, без какой бы то ни было радости – всем этим определяются характерные черты одного из самых сложных женских образов, созданных Буниным. Сложность характера героини в том, что находясь в постоянном состоянии рефлексии, она оказывается, как бы пленённой навеки этим мучительно-безвыходным и произвольным потоком однообразных мыслей и душевной боли. В сущности, она и сама уже толком не понимает, в чём же, наконец, заключается главная причина её слёз и тоски. Что именно стало для неё невозполнимой утратой, обратившись в сладостную иллюзию, которая, буквально иссушает её своей навязчивостью.

«Но, может, и не о. Кира любила она, – передаёт её сомнения автор, – а только свою девичью косу, свой мордовский наряд, свою недолгую беззаботность в то далёкое лето?». Ещё, пожалуй, любила она своё трепетное ожидание сча-

стья. Оно-то, это пустое ожидание и обмануло её, навсегда разбив сердце.

Девичья коса, мордовский наряд, далёкое лето... Всё это, как символ несбывшейся мечты, обманувшего счастья. И сквозь всё это, сквозь все давние переживания вырисовывается в её сознании ставший уже мифическим, образ любимого человека, бесконечные мысли о котором измучили её сердце, обесцветили жизнь, состарили её раньше времени.

Но кто же он в реальности, тот, кого она десятилетиями лелеяла в мечтах? Тот ли самый, который за столь долгое время из красавца-эрудита превратился в горького пьяницу? Увы, ни та, кому он вскружил голову, ни он сам, не сумели сделать и шага навстречу своему чистому юному чувству. И если Саню, натуру тонкую, трепетную, склонную к сильным порывам души, одолела эта пожизненная, граничащая с умопомешательством, мертвящая апатия, что говорить о её избраннике! Ведь мужчины, даже наделённые незаурядными способностями и умом, пасуют перед «тёмными силами» векового неизменного миропорядка.

Взять, хотя бы враждебное соперничество Селихова и отца Кира. Какая ничтожная возня! Какие мелкие страстишки! Тут не пахнет порохом дуэльных пистолетов – всё в духе мещанства и пошлости. Очевидно, поэтому даже многолетние страдания и слезливость стареющей Сани невольно кажутся необоснованными, надуманными. Чего она боится конкретно, так это остаться нищей. Однако в посмертном завещании муж оставлял полноправной хозяйкой всего своего имущества именно её. Любил он, как видно, свою жену, вопреки всему. Но при этом он даже не пытался хоть как-то растопить ледяную атмосферу их отношений. Мешали всё те же мещанские амбиции, непомерное самолюбие. Одна только смерть, а точнее, мысли о ней, смиряли его.

Его постаревшая жена была потрясена и разбита этой неожиданной и внезапной смертью. Овдовевшая, она, как пи-

шет автор, сбита с толку, потому что « жизнь стала для неё пресна, как та просфора, которую с усталым лицом ела она перед чаём, воротясь от обедни». Осознанное бессмыслие жизни тяготеет над нею во всё. Даже отстоять обедню в храме стало безотрадной повинностью. «Не было ни дум, ни воспоминаний, – пишет автор. – Было только чувство горькой весенней нежности – не то к себе, не то к о. Киру, не то к Селихову... Да, да, и к нему!»

Так даже умерший муж, бывший причиной пролитых ею слёз, неожиданно дополняет пантеон её утраченных иллюзий...

Хотя, может быть, и нет в этом ничего удивительного: слишком горько оставаться женщине вдовой в том возрасте, когда уже ничего невозможно изменить в своей жизни к лучшему. Но это в реальности. А героиня Бунина, пережив потрясение, вновь предаётся своим мечтаниям. Заворожённая желанием увидеть отца Кира, она, словно стряхнула с себя непосильное бремя, которое тяготило её всю жизнь.

Как пишет автор: «Целый месяц она жила затаённой мечтой увидеть о. Кира». Тайно и трепетно готовилась она к этой воображаемой встрече, даже новый наряд шила...

Но какой ужасный конец ожидал Александру Васильевну именно там, где она надеялась увидеть далёкого друга своей юности: на вокзале её задушили, «замяли» в толпе. В той самой толпе, которая так падка на всякого рода зрелища и была согнана о. Кириком на встречу с высокопоставленным чиновником.

Так удушение нравственное, лишившее юную Саню счастья, о котором она мечтала, пресекло её устремление к любимому человеку удушением физическим.

Трагическая кончина Александры Васильевны невольно приводит к мысли о том, что причиной всех её страданий стал не возлюбленный, и даже не муж, а именно та удушающая атмосфера города Стрелецка, в котором она жила.

Сосредоточившись на частном конфликте, создав ещё один неповторимый женский образ, в котором отражена судьба женщины, из мелкой чиновничьей среды, И.А. Бунин в данном произведении, посредством раскрытия женского образа, обличает нравы данного общества, социальную основу драматической ситуации, в которой оказываются персонажи произведения. Собственно, через призму женских судеб своих героинь, Бунин вполне убедительно изображает моральную ущербность общества, уродливые стороны реальности.

Тем не менее, тема несостоявшейся любви, тема разбитых сердец, остаётся у Бунина ведущей. Пример тому, известный рассказ «Последнее свидание» [5] – ещё один мотив, ещё одна ситуация, и совершенно другой женский образ. Женщина в этом произведении по ассоциации вызывает в памяти героиню чеховского рассказа «Попрыгунья».

Эпиграфом к этому рассказу просятся знаменитые пушкинские строчки: «Блажен, кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел». Подспудно развивая эту тему, Бунин едва ли не в точности воспроизводит суждения великого поэта: «Но грустно думать, что напрасно Была нам молодость дана. Что изменяли ей всечасно, Что обманула нас она, Что наши лучшие желанья, Что наши свежие мечтанья, Истлели быстрой чередой, Как листья осенью гнилой». (А.С. Пушкин).

В рассказе проскальзывают мотивы распада помещичьего быта, уходящих в прошлое так называемых дворянских гнёзд. При этом царящий вокруг поэтический пейзаж отмечен горькими приметами увядания. Изображённый Буниным, он являет прелесть несказанную: «За лесом открылись пустые поля. На скате, среди тёмных гречишных жнивий стояла бедная усадьба... Как печально всё это при луне!»

Но честолюбивых провинциалов давно уже не трогает эта щемящая картина оскудения и угасания родных мест.

Они устремляются в столицу, мечтая блистать, если не в высших кругах общества, то хотя бы в среде богемы.

Жертвой этих пагубных устремлений и становится Вера Алексеевна. Разрывая жгучий любовный роман, покидая возлюбленного, который полон к ней чистой юношеской страсти, она едет в Москву учиться музыке. Однако, спустя годы, с большим опозданием осознаёт она весь абсурд своих надежд и конечной цели своих устремлений. Как пишет автор от её имени: «...Теперь я жалкая институтская тапёрша, и где же? В том самом проклятом городе, который я всегда ненавидела!» Перед нами, не без иронии можно сказать, «Полина Виардо», или нечто в этом роде. И тут же вспоминается чеховский Войницкий – загубленный Шопенгауэр... Смертная тоска героев по несбывшимся мечтам, утраченным иллюзиям! Это ли не причуды загадочной русской души?..

И вопреки всем разбитым надеждам, Вера Алексеевна всей душой устремлена теперь к одному: к любовному счастью, которое она всеми силами души старается вернуть, воскресить. Но возможно ли это? Прошли годы, и прошло всё то, о чём она грезит.

«...Боже мой, с каждым днём всё восторженнее! И как много курит, как неумеренна в ласках!»

В этих мыслях Стрешнева так сильно чувствуется мужское презрение к причудам стареющей пассии. А она, словно угадав эти мысли, спешит упрекнуть его: «Я для тебя всем пожертвовала...»

Но сама эта фраза звучит, будто реплика из любительского спектакля. Бывшая возлюбленная, некогда его предавшая, превратилась теперь в стареющую даму. Мечтавшая завоевать мир, она оказывается в жалком одиночестве. В наличии у неё лишь обнищавшая деревенская усадьба, куда она приехала на лето, измученная чувством ностальгии. Суровая проза жизни опалила ей крылья, сде-

лав сентиментальной чудачкой, ищущей тень прежнего счастья.

А Стрешнев, словно пользуясь этим, берёт реванш. Но может быть, это только видится, ведь натура его не настолько ограничена и мелка. Хотя изведённый скепсисом, обманутыми надеждами молодости, он откровенно третирует Веру Алексеевну, помня свои былые откровения: «Я думал о тебе с восторгом, с благоговением, всегда только как о жене думал»... Третирует, может быть, только потому, что она так напористо старается компенсировать разбитые иллюзии его любовью к ней, той самой любовью, которой когда-то столь беспечно пренебрегла. (В который раз в произведениях Бунина лейтмотивом звучит мысль о том, что чем угодно можно пожертвовать ради любви, однако, приносить любовь в жертву, чему бы то ни было, значит, на всю жизнь обделить себя счастьем).

В свою очередь, поглощённый мыслями о собственной, жизни, Стрешнев не может простить самому себе былую восторженность и наивность, которую оскорбительно попрали. Ведь как бы ни было, а началом его жизненного краха стало именно предательство возлюбленной – утрата сладостного любовного счастья.

В этих чувствах литературного персонажа живо отражено всё то, что пережил Бунин в столь же молодом возрасте, и что осталось в его сердце на всю жизнь – как боль, как память...

И сколько ни плакала и ни тосковала о прошлом Вера Алексеевна, Стрешнев оставался беспощаден, упрекая её во всём, даже в том, в чём не она была виновата...

Итак, перед нами две женских судьбы, два женских художественных образа – Вера Алексеевна в рассказе «Последнее свидание» и Александра Васильевна в повести «Чаша жизни». Обе героини, такие разные абсолютно во всём. И в то же время, они похожи своей запоздалой жадной по-

знать любовное счастье. Однако, в силу различных причин, им этого счастья не дано. И всё же...

Если Александра Васильевна была пленницей окружающей среды, то у Веры Алексеевны складывалось всё по-другому, она по своей, а не по чужой воле отказалась от любимого человека. И лишь, спустя годы, оставшись ни с чем, она, как и овдовевшая Александра Васильевна, усиленно ворошит пепел сгоревшей любви, пытаясь разжечь хотя бы искорку давнего чувства. При этом, не так-то просто понять: что же именно они оплакивают, что хотят вернуть – своих ли возлюбленных, или свою бессмысленно растраченную юность, непознанное и утерянное счастье, какое даёт лишь короткая пора юности на пороге длинной, зачастую небогатой радостями, жизни. И если легкомысленную «попрыгунью» Веру Алексеевну, автор, словно бы в наказание, наградил этим последним свиданием, то многострадальную Александру Васильевну, наоборот, избавил от подобной встречи, от этого разочарования, оставляя её до самой смерти в плену своих иллюзий...

Создавая многочисленные женские образы, Иван Алексеевич Бунин показывал, как ломают судьбы его героинь всякого рода обстоятельства, условности общества, патриархальные нравы деревни. Но кроме этого, писатель воссоздаёт ситуацию совсем иную, противоположную. Это, когда юная и чистая девушка лишена душевной близости с матерью или старшей подругой, которые посвятили бы её в суть окружающего мира, таящего в себе тьму пороков и соблазнов. Тем более, что сама девушка склонна подвергнуться этим соблазнам, становясь невольной жертвой порока.

Именно такая драма описывается в рассказе «Лёгкое дыхание». [6]. Невольное сравнение Ольги Мещерской с лермонтовской княжной Мери [7] позволяет осознать всю суть случившегося. Если в тридцатые годы XIX века, опытный и блистательный Печорин мог довести благородно воспи-

танную княжну (!) до такого отчаяния, что она признаётся ему в любви – такова магия сознательного обольщения, что же говорить об Ольге Мещерской! Она предоставлена самой себе, лишена мудрого наставника, бездумно плывёт по волнам разлитой свободы. Блистающая преждевременно развившимися женскими прелестями, девушка оказывается жертвой своих невежественных представлений о любви, красоте и счастье. По словам Бунина, «лёгкое дыхание» становится для героини эталоном женской красоты, в её собственном понимании.

Всю свою жизнь она считает загубленной, и ей ничего не остаётся, как только отомстить за это.

Отомстить дерзостью и вызывающим поведением, попирая все те фальшивые ценности, которыми кичится её окружение. Теперь уже Мещерская сознательно кружит головы своим хищным обожателям, до тех пор, пока один из них, безымянный офицер, узнав о ней всю правду, не обрвал выстрелом в сердце её «лёгкое дыхание»...

Роль мужчины в некоторых произведениях Бунина зачастую второстепенна, статична, а их внутренний мир едва ли раскрывается во всей полноте. Однако в повести «Митина любовь»[8] всё обстоит иначе.

Создавая образ Мити спустя двенадцать лет спустя после появления рассказа «Последнее свидание», Бунин словно бы возвращается к его мотивам, чтобы всё раскрыть по-новому, с иной позиции. Мы видим как будто тех же героев, только в начале пути, в юности.

В лице Мити чудится молодой Стрешнев, знакомый читателю, лишь по его собственным воспоминаниям о самом себе: восторженный, любящий и жестоко обманутый, брошенный возлюбленной. Но Митя – несколько иной образ, иная натура, иная природа переживания. Как ни странно это звучит, Митя в чём-то близок Оле Мещерской. У него та же раскрепощённая и восторженная натура, и та же поглощённость своими чувствами. Отсюда полнейшая незащи-

щённость перед жизнью, которая редко считается с подобными переживаниями и подавляет их своими неписаными законами.

Вот что пишет об этой повести один из критиков: «Среди произведений, созданных И. Буниным в эмиграции и получивших наибольшую известность, видное место занимают такие рассказы и повести, как написанная в середине 20-х годов «Митина любовь». Для Мити, например, любовь становится уже не просто человеческим чувством; пусть самым прекрасным, овеянным ароматом поэзии, – нет, это уже своего рода таинство... Митя как будто пьян от какой-то болезни, его охватывает «любовный ужас». «Он чувствовал себя лунатиком, покорённым чьей-то посторонней волей, всё быстрее и быстрее идущим к какой-то роковой, но неотразимо влекущей пропасти» [9].

Ясно, что для Мити этот финиш неприемлем. Он молод, у него более тонкая уязвимая психика. Он не просто любит женщину – он поражён этим чувством, как тяжким роковым недугом. И хотя, по свидетельству Муромцевой, переживания Мити – это переживания юноши-Бунина, у читателя возникает своя, как бы побочная, ассоциация. Сомнения, подозрительность, вспышки болезненного отвращения ко всему окружающему – все эти Митины «мытарства» столь живо перекликаются с переживаниями Анны в романе Льва Толстого «Анна Каренина». Особенно, когда Митя едет в деревню. Ведь героиня Толстого тоже мечтала о деревне, как о спасении. Чудится в этом их общая попытка избавиться от наваждения, от комплекса переживаний, порождённого отвергнутой любовью. Та же рефлексия, тот же неуправляемый «поток сознания».

Деревня как спасение... Чудится, что Бунин решил воплотить в реальность эту последнюю иллюзию Анны Карениной, но уже иначе, по-своему, в образе несчастного юноши...

Вообще в методе создания бунинских образов наблюдаются удивительные перевоплощения. Так, в образе Мити

есть нечто из личного опыта. Но подаётся это столь осторожно, чтобы проницательный читатель (не дай, Боже!) не догадался. А ведь по собственному признанию Бунина, он не однажды был близок к самоубийству из-за несчастной любви. Однако же в истории Мити он старательно уводит нас от всех реальных предпосылок.

Бегство Мити в деревню; бегство от роковой любви; бегство от самого себя. И всё это становится лишь продлением его терзаний, лишь оттягиванием неизбежного финала. Душевные муки молодого героя изображаются теперь на фоне деревенской, поэтически прекрасной природы, вид которой стократно усиливает боль души и буйство неутолённого чувства. Читателю представляется, будто само это «бесовское», языческое торжество благоухающей летней природы провоцирует душевно растерзанного Митю на интимную связь с молодой крестьянкой, внешне напоминавшей ему Катю. Это его последняя иллюзия: неопытный, опалённый любовной страстью, Митя не хочет принять жестокой истины, не хочет поверить в то, что с Катей всё покончено навсегда. Поэтому он и ищет спасения в иллюзиях, пытаясь найти в Алёнке образ Кати. Однако эта связь окончательно разбивает ему сердце, воочию ставит перед неумолимой реальностью, несущей бездну невыносимых страданий.

Тяжело читать описание этих мучений, производящих впечатление предсмертной агонии. Бедный, истерзанный Митя словно опутан жутким бредом, и читатель с нетерпением ждёт уже очевидной развязки....

Оригинальность бунинских любовных историй проявляется в том, что его персонажи, познав сильную любовную страсть, чувствуют себя изолированными от всего окружающего внешнего мира. Они перестают его воспринимать, отрешаясь ото всего, что не касается предмета их страсти. Поглощённые этой страстью, они словно бы освобождаются от всех мирских условностей.

Разобщённые, оторванные друг от друга, бунинские любовники, буквально задыхаются, не видя вокруг себя ничего, что могло бы им заменить утраченную гармонию.

Крайняя степень отчаяния человека, оказавшегося в подобной ситуации, изображена в рассказе «Солнечный удар» [10]. Но всё же с наивысшим эмоциональным накалом это выражено в переживаниях Мити, которого несчастная любовь буквально свела с ума. Его самоубийство, хоть и вызывает у читателя чувство потрясения, однако, Митя не был бы детищем Бунина, останься он жить, при этом разменивая своё любовное чувство на мелкие увлечения. И доказательство тому – «сюжет» с Алёнкой. Пытаясь утешить себя, находясь в любовном бреде, он только усугубляет свои страдания.

Тончайшим образом исследуя психологическое состояние своего героя, автор, словно бы мимоходом, создаёт эпизодический, но вполне осязаемый женский образ, сыгравший определённую роль в развязке повествования. Роковым обстоятельством является то, что возлюбленная героя повести Катя, и эта случайная подружка в деревне – обе, в равной степени, отмечены печатью эгоизма и порока. Точнее, можно сказать, что обе они являют собой продукт влияния окружающей среды.

Той же Алёнке, бессознательно развращённой аморальными нравами тёмной деревни, вряд ли приходит в голову стыдиться своих поступков: так её воспитали! В то же время, Катя, «просвещённая» и «благородная», безусловно понимает, что такое подлинное чувство и знает всю серьёзность Митиной любви к ней. Однако увлечённая мутным потоком фальшивых ценностей столичной богемы, она приносит им в жертву подлинное счастье с Митей. При этом очевидна её причастность к другому, как бы противоположному типу бунинских женских героинь, для которых слепая и безотчётная любовь, увы, не свойственна. Любить настолько, чтобы отречься от всего остального. Мужчи-

ну они любят как бы с оглядкой на что-то более важное и волнующее. И здесь вспомним безымянную красавицу из новеллы «Чистый понедельник», над сознанием которой довлеет нечто более властное и загадочное, нежели её чувство к возлюбленному. Но в одном случае, это возвышенная духовность, стремление к внутреннему совершенству, а в другом простое легкомыслие, так называемое «недумание».

Возвращаясь к повести «Митина любовь», невольно улавливаешь ассоциацию с повестью А.И. Куприна «Гранатовый браслет», [11] вопреки тому, что её герой, скромный почтовый служащий в гораздо большей степени романтизирован и начисто лишён столь характерной для Мити импульсивности чувств. А вот по возвышенности чувств и внутреннему благородству, по своей страдальческой и жертвенной любви, он уже не в шутку, а всерьёз, близок общеизвестному герою Гёте Вертеру. Что же касается княгини Веры Николаевны, то она от бунинской Кати, от её, не совсем раскрытого, образа, отличается не только нравственной зрелостью, благородством, но ещё и глубоким душевным чутьём. Благодаря всему этому, она поняла, как пишет автор: «Что та любовь, о которой мечтает любая женщина, прошла мимо неё». Но мы не знаем ничего о том, как пережила Катя гибель Мити. Это говорит само за себя.

Итак, достаточно привести два примера, точнее, два художественных образа – Александру Васильевну из повести «Чаша жизни» и Митю из повести «Митина любовь» для полной достоверности того, что в психологическом раскрытии характера каждого из своих героев, Бунин всё внимание акцентирует на факторах чисто природных, общечеловеческих, даже несколько оторванных от внешнего окружения, родственных связей. Вся внешняя, хотя, и вполне осязаемая реальность остаётся за пределами всей их жизни. И, собственно, эта психологическая замкнутость в себе делает бунинских героев начисто лишёнными простых и общедо-

ступных радостей бытия. Особенно драматичной этой замкнутостью и оторванностью от всего окружающего мира оказывается жизнь Александры Васильевны. Ведь она, как и Митя, буквально погружена в одни и те же переживания, которые длятся годы и десятилетия....

Впрочем, это только один из типов женских образов И.А. Бунина. Есть в его произведениях иные лица и характеры, воплощающие наречённую мысль «Вечная тема – любовь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Повести и рассказы. М; Издательство «Правда», 1989. с. 605.
2. Классики и современники. Бунин И.А. Тёмные аллеи [1991, PDF / DjVi, RUS].
3. Долгополов Л.К. Рассказ «Чистый понедельник» в системе творчества Бунина эмигрантского периода. М., «Наука», 1985. Литературное наследство. Бунин И.А. т. 84. кн. 1-2.
4. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Повести и рассказы. М; Издательство, «Правда», 1989. с. 605.
5. Бунин И.А. Последнее свидание. Lib.ru/Классика.
6. Бунин И.А. Лёгкое дыхание. Lib.ru/Классика.
7. Лермонтов М.Ю. Княжна Мери./www.litrs.ru.
8. Бунин И.А. Повести и рассказы. Митина любовь. М, Издательство «Правда», 1989.
9. Баранов В.И. Революция и судьба художника. А. Толстой и его путь к социалистическому реализму. М, Сов. Писатель, 1883, с. 455.
10. Бунин И. Солнечный удар. М; Издательство «Правда», 1989.
11. Куприн А.И.. Собрание сочинений в 9 т. Гранатовый браслет. т. 5. М., Художественная литература, 1972. Интернет-библиотека Алексея Комарова.

«НЕТ В МИРЕ РАЗНЫХ ДУШ И ВРЕМЕНИ В НЁМ НЕТ!»

Светлана Алексеевна Смирнова

Член Союза Российских писателей, член БОР

С Иваном Алексеевичем Буниным судьба меня свела году в 1966-м. В нашем городе на Трамвайном кольце стоял неприметный киоск. В этом киоске продавали невостребованные подписчиками разрозненные тома собраний сочинений из книжного магазина, что находился неподалёку.

Я не знала о существовании этого киоска. Проходила мимо и, увидев на витрине книги, заглянула. Это был настоящий Клондайк!

Там стояли разрозненные тома «Библиотеки Всемирной литературы». Среди них Лермонтов «Стихи. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени», «Испанские поэты 20 века» и три изящных скромных бордовых томиков из собрания сочинений Ивана Алексеевича Бунина, издательство «Художественная литература», Москва, 1966 год.

В эти три тома входили: «Жизнь Арсеньева» (Юность), «Стихи. Переводы» (1918 – 1953 гг.), «Статьи и очерки о творчестве других писателей» (эта книга у меня не сохранилась, поэтому не могу привести её точное название).

Раскрыв наугад томик Бунина, я погрузилась в чтение текстов и раз и навсегда поняла, насколько он мне интересен и близок. На все имевшиеся при себе деньги я в тот день накупила книг.

Книги в то далёкое время были дешёвы: Лермонтов стоил 1 р. 96 коп., Бунин «Жизнь Арсеньева» – 90 коп.

Но моё любимое стихотворение Бунина «В горах» в этот стихотворный том не было включено. Я его прочитала намного позже.

Иван Бунин.

В горах

*Поэзия темна, в словах невыразима:
Как взволновал меня вот этот дикий скат.
Пустой кремнистый дол, загон овечьих стад,
Пастушеский костёр и горький запах дыма!*

*Тревогой странною и радостью томимо,
Мне сердце говорит: «Вернись, вернись назад!» –
Дым на меня пахнул, как сладкий аромат,
И с завистью, с тоской я проезжаю мимо.*

*Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовёт. Она в моём наследстве.
Чем я богаче им, тем больше – я поэт.*

*Я говорю себе, почуяв тёмный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве: –
Нет в мире разных душ и времени в нём нет!*

12 февраля 1916 г.

В этом стихотворении Иван Алексеевич изложил своё понимание поэзии, её сути. Для меня это был новый неожиданный взгляд:

«Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовёт. Она в моём наследстве.
Чем я богаче им, тем больше – я поэт
Я говорю себе, почуяв тёмный след

Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве: –
Нет в мире разных душ и времени в нём нет!»

Похожие мысли жили в глубине моего подсознания. Наверное, поэтому, я интересовалась краеведением, генеалогией рода.

На мой взгляд, это его лучшее стихотворение. В этих строках была открыта истина, которую он донёс до нас, читателей.

О своем поэтическом понимании мира Иван Бунин пишет: «Нет в мире разных душ и времени в нём нет!». Вселенная загадочна и едина. В Евангелии говорится о том, что мы должны любить и прощать друг друга. Мы – это частицы единого целого, Вселенной, Бога. Бунин ощущал мир как единый Космос. Каждая строчка любого его произведения пронизана любовью к природе, к земной жизни, к человеку. И в каждой строке ощущается затаённая грусть, тоска по неведомому, по вечному началу.

В стихотворении Бунина «Джордано Бруно», написанном в 1906 году, есть строки, во многом определяющие мироощущение автора:

*«В радости моей – всегда тоска,
В тоске всегда – таинственная сладость!»*

По мнению литературоведа Ольги Сливичкой, содержание прозы Бунина в определённый момент начало укладываться в модель «Космос и душа человека», когда героев того или иного времени заменил «человек как часть Вселенной».

Широко известны слова Бунина: «Нет никакой отдельной от нас природы,... каждое движение воздуха есть движение нашей собственной жизни».

В этих словах сформулировано самое существенное: место человека в мироздании. Подобно тому, как атом, невообразимо малая часть солнечной системы, повторяет в себе всю её структуру, так и человек – и противостоит Космосу, и включает его в себя.

Поражает меткость образов, подлинность чувств. В этом он схож с Анной Ахматовой. Его прозу можно читать как стихи. Это одна большая поэма.

«– Отчего ты так любишь ездить?

– А отчего ты любишь получать письма?

– От кого ж я их теперь получаю!

– Всё равно любишь. Люди постоянно ждут чего-нибудь счастливого, интересного, мечтают о какой-нибудь радости, о каком-нибудь событии.

Этим влечёт и дорога. Потом воля, простор, новизна, которая всегда празднична, повышает чувство жизни, а ведь все мы только этого и хотим, ищем во всяком сильном чувстве». («Жизнь Арсеньева», изд. «Художественная литература», М, 1966 г. с. 260).

Во всех рассказах Бунина звучит тоска по оставленной родине. Каждая мелочь повседневной жизни припоминается с щемящей грустью:

«30.7.40 г. Вдруг вспомнилось: Москва, Малый театр, лестницы – и то очень тёплые, то ледяные сквозняки».

Из Дневника Ивана Бунина:

«30.4.40 г. Ночь, тёмная полоса леса вдали и над ним звезда – смиренная, прелестная. Это где-то, когда-то на всю жизнь поразило в детстве... Боже мой, Боже мой! Было и у меня когда-то детство, первые дни моей жизни на земле! Просто не верится! Теперь только мысль, что они были. И вот идут уже последние...

7.5.40 г. Как-то мне, – как бывает у меня чаще всего ни с того, ни с сего, представилось: вечер после грозы и ливня на дороге к ст. Баборыкиной. И небо и земля – всё уже угрюмо темнеет. Вдали над тёмной полосой леса ещё вспыхивает. Кто-то на крыльце постоянного двора возле шоссе стоит,

очищая с голенищ кнутовищем грязь. Возле него собака... Отсюда и вышла «Степа».

20.I.44 г. Опять прекр. день. Был у Кл[ягина]. Взят Новгород. Ночи звёздные, чистые, холодные. Что ни вспомнишь (а обрывки восп. поминутно), всё больно, грустно. Иногда сплю по 9 и больше часов. И почти кажд. утро, как только откроешь глаза, какая-то грусть – бесцельность, конченность всего (для меня). Просмотрел свои заметки о прежней России. Всё думаю, если бы дожить, попасть в Р[оссию]! А зачем? Старость уцелевших (и женщин, с которыми когда-то), кладбище всего, чем жил когда-то...

25.I.44 г. Вдруг вспомнил Гагаринск. переулок, свою молодость, выдуманную влюблённость в Лоп[атину], – которая лежит теперь почему-то (в 5 километрах от меня) в могиле в какой-то Валбоне. Это ли не дико!

С 8 на 9.V.44. Час ночи. Встал из-за стола – осталось дописать неск. строк «Чистого Понед[ельника]». Погасил свет, открыл окно проветрить комнату – ни малейш. движения воздуха; полнолуние, ночь неяркая, вся долина в тончайшем тумане, далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, мягкая свежесть молодой древесной зелени, кое-где щёлканье первых соловьев... Господи, продли мои силы для моей одинокой, бедной жизни в этой красоте и в работе!»

Рассказ «Чистый понедельник» Бунин считал своим лучшим произведением. Он был создан в 1944 году в Грассе и вошёл в сборник «Тёмные аллеи». В своём дневнике Иван Алексеевич писал:

«Благодарю Бога, что Он дал мне возможность написать «Чистый понедельник».

По мнению литературоведа М.В. Михайловой, «Чистый понедельник» – горькая дума о России.

В этом рассказе Бунин с художественной выразительностью представил быт дореволюционной Москвы. Её церкви, монастыри, трактиры, театры, улочки, петляющие в зимней метели. С первых строк окунаешься в неповторимую атмосферу города, в его самобытность:

«Странный город! – говорил я себе, думая об Охотном ряде, об Иверской, о Василии Блаженном. – «Василий Блаженный и Спас-на-Бору, итальянские соборы – и что-то киргизское в остриях башен на кремлёвских стенах».

Замечательно описывал Иван Алексеевич московские зимние вечера:

«Темнел московский серый зимний день, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались витрины магазинов – и разгоралась вечерняя, освобождающаяся от дневных дел московская жизнь: гуще и бодрей неслись извозчичьи санки, тяжелей гремели переполненные, ныряющие трамваи, – в сумраке уже видно было, как с шипением сыпались с проводов зелёные звезды – оживлённое спешили по снежным тротуарам мутно чернеющие прохожие... Каждый вечер мчал меня в этот час на вытягивающемся рысаче мой кучер – от Красных ворот к храму Христа Спасителя: она жила против него; каждый вечер я возил её обедать в «Прагу», в «Эрмитаж», в «Метрополь», после обеда в театры, на концерты, а там к «Яру», в «Стрельну»... Чем всё это должно кончиться, я не знал и старался не думать, не додумывать: было бесполезно – так же, как говорить с ней об этом».

С первого взгляда герои рассказа внешне очень похожи. Оба красивы необычной красотой: он – «какой-то сицилианской», а она – персидской. Внешность у них не простая, не русская, – экзотичная. Оба богаты, образованы, культурны.

Посещают литературные вечера, модные в то время театральные капустники. Недостатка ни в чём не испытывают. Его собственно устраивает такая жизнь. А вот она всё о чём-то думает, всё что-то решает, не может решиться.

Она задумала уйти в монастырь. Но пока не говорит ему об этом. Часто одна ходит в церкви, монастыри. Ей хочется жить в молитве, в тишине. Она любит древнерусскую старину, старославянский язык. Ей кажется, что всё настоящее осталось в прошлом.

Можно сказать, что действующим лицом рассказа является время. Герои по нему словно плутают, ищут своё, как дом Грибоедова на Ордынке. Из настоящего, из вечерней жизни, которую проводят то в кабаках с цыганами, то на литературных модных вечерах, они вдруг опускаются в прошлое: в тишину старинных церквей и монастырей, в которых поют «по крюкам».

«На Спасской башне часы били три ... «Какой древний звук, что-то жестяное и чугунное. И вот так же, тем же звуком било три часа ночи и в пятнадцатом веке».

И наконец, героиня рассказа делает выбор. В первый день Великого поста, в Чистый понедельник, она уходит в монастырь.

Литературоведы считают, что прототипом героини рассказа является возлюбленная Бунина Варвара Пашенко. Но финальная сцена рассказа мне напомнила картину Михаила Нестерова «Великий постриг».

Вот что пишут биографы об истории создания художником этой картины:

«Картина была написана Нестеровым под впечатлением личной драмы. Он испытал, по его словам, «молниеносную любовь». В Кисловодске он встретился с девушкой, – она была певицей и выступала с гастрольями в местной опере, – и был захвачен не красотой её, а чем-то глубоко скрытым, тайной внутренней жизни. «Через весёлую остроумную речь сквозил ум и какая-то далёкая печаль.

М.В. Нестеров. Великий постриг. 1897

В глазах эта печаль иногда переходила в тоску, в напряжённую думу... – вспоминал Нестеров. Вскоре они уже не могли существовать друг без друга. Девушка согласилась стать его женой, но вдруг отказала ему. В письме она объяснила своё решение тем, что не сможет дать художнику счастье, что её любовь помешает осуществлению его творческой мечты. Своё глубокое горе Нестеров излил в картину «Великий постриг». Тема её – реквием по несбывшейся любви. Он написал старообрядческий скит, затерявшийся в лесной глуши, – такие он видел на родине и в окрестностях Троице-Сергиевой лавры. На фоне пологих холмов, поросших елями, стоят деревянные домики – кельи монахинь. Здесь же церковь, часовенка. По узкой улице движется медленная процессия, длинная вереница женщин разных возрастов, одетых в чёрные монашеские рясы. Впереди – юная девушка в сарафане и платке, повязанном по-старообрядчески. Это композиционный и эмоциональный центр картины – девушка чистая, кроткая, с глубокой печалью в сердце. За ней, словно печальное эхо, такая же девушка в профиль. Они ещё не монахини, но скоро и им предстоит выбрать этот путь. Можно только гадать, несчастная ли любовь стала причиной их ухода из мира или просто отвращение к его грязи и пошлости. За девушками следует старуха с девочкой. Первая – воплощение примирённых страстей, вторая их ещё не испытала.

Далее две монахини почтительно и не без подобострастия поддерживают властную и красивую игуменью. Композиция строится на перекличке вертикалей, чёрных, белых, тянущихся к небу как стройный хорал. Высокое мастерство декоративного решения целого соединяется здесь с умением выразить лирико-драматический настрой, напоминающий музыкальный мотив. Красота весенней природы вносит примиряющие нотки в скорбную мелодию целого.»

А вот как заканчивает свой рассказ Бунин:

«Но только я вошёл во двор, как из церкви показались несомые на руках иконы, хоругви, за ними, вся в белом, длинном, тонколикая, в белом обрусе с нашитым на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке, великая княгиня; а за нею тянулась такая же белая вереница поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер, – уж не знаю, кто были они и куда шли. Я почему-то очень внимательно смотрел на них. И вот одна из идущих посередине вдруг подняла голову, крытую белым платом, загородив свечку рукой, устремила взгляд тёмных глаз в темноту, будто как раз на меня... Что она могла видеть в темноте, как могла она почувствовать моё присутствие?».

Читателю не дано узнать, была ли это действительно возлюбленная героя или нет. Автор даёт понять одно: большая любовь вначале осветила, а затем перевернула всю жизнь человека. И это потрясение было во сто крат сильнее потери возлюбленной.

Бунин был убеждён, что любовь – чувство трагическое, за его потерю следует расплата. Он считал, что в любви человек одинок, что это сильное, но кратковременное чувство. При этом писатель прославляет любовь. Без неё немислима сама жизнь. Его героиня говорит: «Разве бывает

несчастливая любовь? Разве самая скорбная в мире музыка не даёт счастья?»

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И.А. Собр. соч., М., Издательство «Художественная литература», 1967, т. 7, рассказ «Чистый понедельник», с. 238.
2. Бунин И.А. Собр. соч., М., Издательство «Художественная литература», 1965, т. 1, «В горах», с. 401.
3. Бунин И.А. Собр. соч., М., «Художественная литература», М, 1966, т. 6, «Жизнь Арсеньева», с. 260.
4. Устами Бунина. М, «Посев», 2005, книги 1, 2.
5. Картина М.В Нестерова «Великий постриг». <https://opisanie-kartin.com/opisanie-kartiny-mixaila-nesterova-velikij-postrig/>.

**ПАМЯТНЫЕ
ВСТРЕЧИ**

3

ПОДАРОК ДЛЯ ПРОФЕССОРА (Очерк)

Вячеслав Николаевич Зиборов
*Член Союза журналистов России,
член БОР*

Перестроечные годы я встретил в стенах Воронежского государственного университета имени Ленинского комсомола. 1985 год был ещё и годом гласности. Конечно, мы, студенты заочного обучения, были взрослыми, достаточно хорошо понимали, что происходит в стране. Видели, как радовались преподаватели лучу света в царстве цензуры, как светились (простите за тавтологию) лица светил от журналистики. Обнажились те темы, о которых раньше говорить было небезопасно. Да и мы тоже стали писать более широко, размашисто, называя вещи своими именами. Изучение литературы разных веков на факультете журналистики, которое ранее было отделением филологического факультета, тоже приобрело новый смысл. Всё чаще говорили о писателях, которые по разным причинам покинули нашу страну. Местные жители этого красивого города, в первую очередь, называли имя своего земляка – Ивана Бунина.

Воронежская земля гордится тем, что именно здесь родился первый русский писатель – лауреат Нобелевской премии. Все произведения Бунина эмигрантского периода за очень редким исключением построены на русском материале. Писатель вспоминал на чужбине Родину, её поля и деревни, крестьян и дворян, их житие-бытие, ни с чем несравненную природу. Бунин прекрасно понимал душу русского человека, у него был богатый запас наблюдений и воспоминаний о России, в его творчестве есть произведения, рождённые на земле

Становлянкой Липецкой области. Он не мог писать о чуждом и до конца непонятном ему Западе и никогда не обрёл второй родины во Франции. Бунин сохранял верность классическим традициям отечественной литературы и продолжал их в своей прозе, решая вечные вопросы о смысле жизни, о любви, о будущем всего мира. Всё это мы, пишущий народ, из разных республик большой страны, обучавшиеся в ВГУ, с удовольствием слушали на лекциях по истории литературы.

Среди тех, кто стоял за кафедрой был удивительной души человек Георгий Владимирович Антюхин. Историк русской провинциальной печати, краевед, педагог, член Союза журналистов СССР, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области». Им написано более трёхсот публицистических и научных работ по проблемам литературоведения и истории журналистики. Это книги, статьи, очерки, методические разработки.

Подробно рассказываю об этом удивительном человеке, прошедшем Великую Отечественную войну, потому что его любили все: преподаватели и студенты, читатели и почитатели. Во многом, Антюхин поведал нам о творчестве Ивана Алексеевича Бунина. Руководитель региональной Академии печати говорил о том, что для местной прессы буниниана со всех сторон неисчерпаемая.

Вот тут-то нам, с моим коллегой Владимиром Синёвым и пришла в голову насущная мысль оформить в холле уни-

*Озёрки. Липецкая область.
Музей И.А. Бунина*

верситета фотовыставку из Озёрок, тех самых, где находилось семейное имение писателя. Пусть это будет нашим сюрпризом для Георгия Владимировича, вкладом в развитие бунинской темы в стенах университета, а там, как знать,

может и курсовая работа зачтётся. Надо отметить, что Владимир Павлович 50 (!) лет отработал с лейкой и блокнотом в Данковской районной газете «Заветы Ильича». Кстати, она и по сей день так называется. Сказано – сделано.

Накануне летней сессии 1987 года, мы с Синёвым прибыли к тому памятному месту, где находилась усадьба семейства Буниных. И знаете, в этом месте, действительно, понимаешь, что всё здесь теперь схоже, как в повести «Деревня», даже и земля стала предметом купли и продажи. Иван Алексеевич, конечно же, надеялся, что поднятые им в повести проблемы найдут отклик в обществе, помогут разобрататься в вопросах гибнущей деревни. Наше поколение также «болеет» этой проблемой в 21 веке.

Но вернёмся к творческой поездке в Озёрки. Скажем прямо, обывателю здесь делать было бы нечего. Да и мы могли бы отработать снимки за несколько минут. Но почему-то, мы, как замороженные, ходили по кругу, вернее, по квадрату, где уже не было фундамента, но сквозь густые заросли бурьяна, тем не менее, просматривались очертания бывшего здания. В репортёрскую сумку мы сложили несколько черепков, каких-то камешков и стекляшек. Нам посчастливилось найти даже монетку достоинством в 1 копейку. А рядом живущая старушка, узнав нашу благородную цель приезда, подарила нам бутылочку с царским гербом. По её словам, возможно, кто-то из её родственников с барином, или точнее барин с ними, пригубили по несколько граммов горячительного напитка. Эх, жаль, что мы были за рулём и не смогли позволить себе подобное в памятном месте. Потом можно было сказать друзьям-студентам, что мы, аж, в самой усадьбе Бунина, провозгласили тост за нашу матушку Россию, которую он воспевал в своих произведениях. Да вот «беда», наступила горбачёвская эра борьбы за трезвость. И это тоже было велением того времени, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Посидев и помечтав в тенёчке на пруду, мы вполне удовлетворенные покинули этот уголок России, чтобы потом

ещё не раз сюда вернуться с семьями, детьми и внуками. Бунинские Озёрки стали местом нашей встречи, которому мы пока не изменяем. На сессию, в июне мы приехали на денёк пораньше. Попросили методиста факультета Тамару Ревтову выделить нам место для фотографий, естественно, на видном месте. Разместили 24 снимка размером 18x24 под стеклом, аккуратно на специальных стеллажах выложили трофеи из Озёрок. И начали ждать реакцию. Жаль только, что в те времена не было красивых рамок.

Первым посетителем по нашей просьбе стал профессор Антюхин, он и открыл нашу фотовыставку. Узнав историю происхождения снимков и привезённые экспонаты, человек выдавший виды, был некоторое время в растерянности, затем лицо его засияло, с большим удовольствием он пожал нам руки, и от души поблагодарил. Видели вы бы его лицо! Да и у нас на душе было не меньшее комфортное состояние: наше творчество попало, что называется, в десяточку. А на двоих, как раз, по пятерке. (Это мы так шутили между собой). Должное отдать надо моему коллеге – фотомастеру, он подобрал такие сюжеты, что даже на чёрно-белых снимках на фоне солнца и воды, кустов и деревьев, они заиграли по-особому. Не буду скрывать, что были среди зрителей и откровенные скептики, которые воротили нос от экспонатов и приговаривали: «А чего, мол, тут смотреть, какие-то развалины, камни, глина, да лопухи». Но мы-то, теперь точно знали, считали и смело утверждали вместе с Георгием Антюхиным, что всё это в совокупности образует творчество И.А. Бунина, в котором звучит песнь о крестьянской Руси. Только так, по букве, по строчке, по камешку и осколку стекла, по каждому цветку и былинке, можно собрать всю память об этом удивительном человеке, изучить творчество своего земляка, всемирно известную личность.

Потом уже на лекциях профессор продолжал нам рассказывать о том, что без Родины Бунин не мыслил своей жизни. Судьбу России он связывал с судьбой русского народа,

и от того, куда пойдёт крестьянство, зависело многое. Действительно, писатель пытался понять, каков путь его родной страны, для этого он исследует душу, характер народа, его тёмные и светлые стороны. Он глубоко страдал, мучительно переживал за свою великую Родину, хотя его часто обвиняли в нелюбви к России. Но Бунин всегда, всем сердцем своим был рядом с ней, в эмиграции он писал: «Если бы я эту «икону», эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто?» Согласитесь, что это его исповедь, обращённая к нам всем, ныне живущим в Великой России.

*Георгий Владимирович
Антюхин*

В качестве вывода вот о чём хотелось бы сказать. Может это и не этично, но мы с Владимиром Синёвым таким образом стали одними из первых в ВГУ в плане возрождения творчества Ивана Бунина, чьим именем сегодня гордится весь мир. А нам было приятно ещё и от того, что мы с моим коллегой по университетской скамье, ещё и жили во времена Нобелевского лауреата. В 1953 году нам было по два-четыре годика, когда мастер пера покинул этот мир. Как студенты-заочники, в свои зачётные книжки от профессора факультета журналистики ВГУ мы получили свои заслуженные «пятёрки». А ещё в подарок – великолепные, дарственные с автографом книги «Литературное прошлое». Автором этого многогранного труда был уважаемый нами Георгий Владимирович Антюхин, знаток и почитатель таланта Ивана Алексеевича Бунина.

БУНИНСКИЕ ТРОПЫ К ГРУНИНСКОМУ ХРАМУ

Елена Николаевна Маркова

*Липецкая область, Становлянский район,
ученица МБОУ «ОШ с. Грунин Воргол»*

В наши дни классические произведения И.А. Бунина включены для изучения в школьную программу. На уроках внеклассного чтения младшеклассники декламируют вслух поэму «Листопад». В старших классах подростки вникают в страницы «Жизни Арсеньева».

3 июня 2018 года в городе Алушта (Крым) состоялся Всероссийский конкурс «Калейдоскоп традиций». В номинации «Шедевры из чернильницы» ученица 8-го класса Елена Маркова заняла 3 место. Её научным руководителем и консультантом стала учитель русского языка и литературы Людмила Николаевна Маркова.

Публикуем материалы сообщения Елены Марковой «Бунинские тропы к Грунинскому храму».

Аннотация

Немецкий поэт Генрих Гейне писал: «Под каждой могильной плитой лежит всемирная история». Важное значение придавали великие поэты и мыслители памяти предков, могиле каждого человека и общей истории наших предшественников. Поэтому считаем, что тема работы «Бунинские тропы к Грунинскому храму» является актуальной на данный момент.

Задачи исследовательской работы:

- ▶ Исследовать произведения И.А. Бунина, периодические издания и другие информационные материалы.
- ▶ Провести опросы жителей села Грунин Воргол по данной теме.

Провести анализ и оценку собранного материала с целью отбора достоверных фактов.

- Определить роль села Грунин Воргол в жизни семьи Буниных.
- Выяснить причину захоронения А.Н. Бунина на «мужицком» кладбище села Грунин Воргол.
- Определить место захоронения Алексея Николаевича Бунина.

23 апреля 2016 года к 110-летию со дня смерти Алексея Николаевича Бунина в селе Грунин Воргол была открыта мемориальная доска. Табличку из чёрного гранита в память о местном помещике Бунине укрепили на внешней стене сельской церкви во Имя иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости: «В селе Грунин Воргол, у стен храма иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радости», похоронен А.Н. Бунин (1827-1906) – отец классика русской литературы И.А. Бунина».

*Открытие мемориальной доски.
Село Грунин Воргол. 2016.*

*Мемориальная доска
о захоронении А.Н. Бунина*

Интересным и захватывающим это событие стало и для меня. В этот день я открыла для себя много нового, мне захотелось узнать ещё больше о родных местах.

1. МОЁ СЕЛО

Грунин Воргол – старинное село Становлянского района Липецкой области. В IX веке существовало удельное княжество со столицей городом Ворголом (ныне на его месте с. Нижний Воргол Елецкого района). Позднее столица переносилась на несколько вёрст к северо-западу, к истокам реки Воргол. Предполагается, что после перенесения она находилась на том месте, где теперь стоит село Грунин Воргол, так как река Воргол берёт начало близ нашего села.

Возникло оно предположительно в 17 веке. Воргольский князь имел стол в Грунин Воргле. Продолжительное время (до начала 20 века) моя малая родина имела несколько отличающееся от сегодняшнего название – Грунь Воргольское.

Первая часть от слова «грунь» – возвышенность, покрытая лесом (по А.Ф. Мартынову и В.М. Жданову) [9, с. 84], вторая часть названия села по реке Воргол. Имя реки очень древнее, с древнемордовского «лесная река».

2. ИЗ ОГНЁВКИ В ГРУНИНО

И.А. Бунин

Село Огневка

В близлежащей деревне Огнёвка находилась усадьба брата русского писателя, поэта, лауреата Нобелевской премии И.А., Евгения, приобретённая им в середине 90-х годов XIX века. Поэт часто гостил у брата. После продажи Озёрок и рассеяния семьи поместье в Огнёвке за одно десятилетие стало экономически результативным и позволило всей семье Буниных собраться под его крышей.

Евгений Алексеевич и Анастасия Карловна Бунины в родственном кругу

Ивана Алексеевича Бунина огнёвские старожилы вспоминают по-доброму: «Худощавый был, но не заморух, среднего роста, ходил у городском пальте. Вёл с нами беседу, рассказывал, как сам мальчишкой коней пас у ночном, у яво были свои лошади. Потом говорил, что разъезжал по разным городам – у Орёл, у Москву, у Питер, у Елец». М.С. Фуралева жалеет о том, что в округе нет ни одного храма, молиться негде: «У молодости ходили пяшком у Задонск и на Грунину, у церкву...» [4, с. 176].

До 1779 г. церковь в селе была деревянной. В этом же году от епископа Воронежского и Елецкого Тихона было получено разрешение на покупку деревянной церкви в г. Ельце. Её перевезли в Грунин Воргол и освятили в честь святого великомученика Георгия (Георгиевская церковь в Ельце, построенная в 1729 г., стояла на месте дома купца П.А. Сергеева, близ церкви Покрова Пресвятой Богородицы в городе Ельце.

В 1836 году на месте деревянного храма был выстроен каменный трёхпрестольный во имя Божьей Матери «Всех скорбящих Радости», великомученика Георгия и свято-

*Мария Алексеевна
Ласкаржевская –
сестра И.А. Бунина*

*А.Н. Бунин – отец
писателя (1827-1906)*

Герб рода Буниных

го Николая Мирликийского. В приход входили два служителя, имелись 4 школы грамоты и 1 земская [8, с. 26].

Среди знатных прихожан прихода были и Бунины. 14 октября 1898 года состоялось венчание сестры писателя Марии Алексеевны Буниной с Иосифом Адамовичем Ласкаржевским в селе Грунин Воргол в церкви Георгия Победоносца, в чьем приходе находилась деревня и усадьба в Огнёвке и в том числе жили Алексей Николаевич Бунин и его сын Иван Алексеевич Бунин.

3. АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ БУНИН – ОТЕЦ КЛАССИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА БУНИНА

Алексей Николаевич Бунин родился в 1827 году в Каменке Орловской губернии. Крестили его в церкви Покрова в селе Злобин Воргол (Злобино). Бунин – представитель дворянского рода.

Алексей Николаевич не получил хорошего образования: окончив первый класс Орловской гимназии, он оставил учёбу, а в шестнадцатилетнем возрасте устроился на службу в канцелярию губернского дворянского собрания [10].

Во время Крымской войны по выбору дворянства города Ельца

братьям Николаю и Алексею Буниным выпало идти в поход во главе 65-й Елецкой дружины.

Вернувшись домой из похода в 1856 году, Алексей Николаевич женился на своей двоюродной племяннице Людмиле Александровне Чубаровой (1836-1910), дочери штабс-капитана Александра Федоровича Чубарова.

Бунин из-за пагубного пристрастия к вину и картам растратил не только собственное состояние, но и состояние жены. Но, несмотря на эти пороки, его все очень любили – и семья, и дворовые – за весёлый нрав и щедрость.

6 декабря 1906 года в Огнёвке умер Алексей Николаевич Бунин. У него отказали почки. Была сильная метель, и нельзя было послать за врачом. Он знал, что умирает. Вызвали священника из Грунина, оказавшегося очень грубым, который и причастил Алексея Николаевича.

Елецкое краеведение располагает другими сведениями, что смерть настигла Бунина по пути из Измалково в Озёрки. Похоронили Алексея Николаевича у Георгиевской церкви в селе Грунин Воргол.

Иван Алексеевич на похоронах отца не присутствовал, но он тяжело переживал его смерть. Об отце он говорил, что из него мог бы получиться писатель, «так сильно и тонко он чувствовал художественную прозу, так художественно всегда рассказывал и таким богатым и образным языком говорил. «Я считаю, что мой художественный талант от него. <...> И какая скучная и тяжёлая жизнь была его последние десять лет! В руки денег дать нельзя было: сейчас появится водка, а во хмелю он бывал буен. <...> Характер же у него на редкость благородный, ложь не переносил, – лгут только лакеи», – говорил он. С мнением людей не считался.

*Л.А. Бунина – мать
И.А. Бунина (1836-1910)*

Любимой поговоркой его была « Я не червонец, чтобы всем нравиться!» [7, с. 174].

Отца писателя похоронили не в церковной ограде, а на крестьянском кладбище (мужицком), что подтверждает сам И.А. Бунин в дневниковых записях: «17. Ш.16 г. ... Нынче именины отца. Уже десять лет в могиле в Грунине, – одинокий, всеми забытый, на мужицком кладбище! И уж не найти теперь этой могилы – давно скотина столкла. Как несканно страшна жизнь! А мы все живём – и ничего себе!» [1, т. 6, с. 359].

В буниноведении 60-х годов, когда дневники И.А. Бунина были ещё не изданы в России, сложилось мнение о том, что А.Н. Бунин, отец писателя, был похоронен так, как обычно хоронили помещиков, – у алтарей храмов, которым они покровительствовали. Однако Грунинский храм не стоял на земле Алексея Николаевича Бунина. Более того, сам Алексей Николаевич был совершенно разорён, и покинувшая его семья не имела средств на достойные его звания похороны.

Следует учесть, что у алтарей могли находиться захоронения священнослужителей и родовые склепы. Но родовые захоронения Буниных были вовсе не у Грунинской церкви, а при их приходском Покровском храме в Злобине.

М.П. Грунина

На сегодняшний день могила Алексея Николаевича Бунина не найдена.

Оказывается, груниноворогольские старики всё ещё помнят, на каком конкретно месте была могила Алексея Николаевича Бунина.

Восьмидесятипятилетняя женщина Грунина Мария Павловна (1932 г.р.), которая с раннего детства многие годы жила в пятидесяти метрах от храма иконы Божьей Матери «Всех скорбя-

щих Радости», указала примерное место захоронения, об этом она узнала от своих родителей. Мария Павловна поделилась своими воспоминаниями:

«Мне тогда лет восемь было. Меня родители оставляли дома посидеть с маленьким братом. Жила я рядом с церковью. Когда видела соседних ребяташек, сразу бежала к ним. Я с ними лазила на колокольню, которая была чуть дальше, чем нынешняя. А Бунин? Родители рассказывали мне, что он в последние годы жизни был бедным, но нашей церкви помогал. Говорили, что похоронен он за церковной оградой, прямо напротив алтаря. Недалеко от того места и лежал тот памятник, который при строительстве дороги забрал Н.В Лаухин, в то время он был парторгом». *(Примечание автора. Об этом факте знают многие жители села.)* Пришлось посетить усадьбу Лаухина. Памятник действительно лежит у них в саду. Кому он принадлежал, выяснить нельзя, так как всё, кроме надписи «родился» и «скончал»

Грунинский храм.
Примерное место захоронения
А.Н. Бунина

Памятник, находившийся
недалеко от могилы
А.Н. Бунина

ся», убрано. Памятник, действительно, старый, о чём свидетельствует надпись сбоку: «М. Кутырин, Москва Большая Садовая № 159». Проведя дополнительные исследования, мы выяснили, что Кутырин Михаил Дмитриевич (Москва, ул. Большая Садовая, соб. дом, № 159, тел. 720) – владелец каменоломных и камнепильных заводов по изготовлению памятников. Ему принадлежала Фабрика механической и ручной обработки мрамора, гранита, лабрадорита и других камней, которая также изготавливала памятники, иконостасы, лестницы, балюстрады, фигуры. Рекламу данной фабрики можно увидеть в колонках 1375, 1621, 1695 справочника «Вся Москва» [11].

Но больше узнать ничего не удалось, так как Н.В. Лаухина уже нет в живых.

Перед эмиграцией в 1918 году Бунин в последний раз приехал на могилу отца в село Грунин Воргол, но так и не нашел её. Не найдена она до сих пор, и теперь уже вряд ли возможно её отыскать [3, с. 300].

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В прежние времена именно кладбища считались Отчеством народа, потому что там находились могилы отцов. Действительно, «любовь к отеческим гробам» следует отнести к наиболее сильным и важным качествам нашего народа во все времена. Вне зависимости от сословия, имущественного состояния и юридического статуса. Так было. Наши предки ухаживали за кладбищами, могилами предков, посещали их, по крайней мере, ежегодно, а часто по установленным церковным праздникам.

Кому не приходилось слышать о старых заброшенных кладбищах? В советское время их активно застраивали, устраивали парки, детские площадки. Так и в нашем селе на месте старого полуразрушенного кладбища, которое было рядом с местным храмом, построили дорогу.

Наше исследование завершено. Мы можем с уверенностью сказать, что И.А. Бунин неоднократно бывал в нашем селе, так как в приход села Грунин Воргол входило много деревень, в том числе и Огнёвка. Среди знатных прихожан прихода были и Бунины. В грунинском храме состоялось венчание сестры писателя Марии Алексеевны Буниной.

Похоронили Алексея Николаевича у Георгиевской церкви в селе Грунин Воргол. Причины захоронения Бунина старшего на крестьянском кладбище (мужицком) указаны выше в работе.

Мы определили примерное место захоронения отца И.А. Бунина.

Нашли памятник, который когда-то находился недалеко от могилы А.Н. Бунина и определили, где этот памятник изготавливался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И.А. Собр. Соч. в 6 томах. М. «Художественная литература», 1987-1988.
2. Макаров Ю. Грунино – село мое родное.
3. Дмитриев А.В. Я вырос среди народа... Липецк, 2007.
4. Краснова С.В., Сионова С.А. «День мой догорел, но след мой в мире есть» И.А. Бунин. Елец, 2009.
5. Краснова С.В. Там, где жил Бунин. Красное знамя. 11 мая 1978 г.
6. Шальнев Б.М., Шахов В.В. Липецкая энциклопедия. т. 3, Липецк, 2001.
7. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989.
8. Становлянский краеведческий музей. Историческое описание церквей и приходов Становлянского района. Становое, 2007.
9. Прохоров В.А. Надпись на карте. Центрально-Черноземное книжное издательство. Воронеж, 1977.
10. Бунин Алексей Николаевич. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
11. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1903 год. Издание А.С. Суворина.

ТЁМНАЯ АЛЛЕЯ

Сергей Анатольевич Пичуричкин

*библиотека им. И.А. Бунина,
Москва*

Мой город – Москва. Москва – прекрасная, шумная, величественная, известная всему миру. Двухэтажный же городок Озёрный в Уральском регионе, то ли город, то ли посёлок, расположенный между райцентром и центром областным, между полем с рекой и лесом с полянами, один из нескольких тысяч городов российских, отмеченных на картах с масштабом 1:100000, а на картах с масштабом 1: 250000 уже не отмеченный, – это её город.

Меня зовут Сергей. Её зовут Наташа. Мне двадцать семь. Ей – девятнадцать. У меня двое детей, чудесная, надёжная жена, у неё Николай – молодой человек, месяц назад вернувшийся из армии, за которого она так и не вышла замуж, но с которого начался её путь в теле женщины. У неё планы на жизнь. У меня – жизнь с планами. Ей многое интересно и много хочется. Мне всё чаще бывает скучно, хочется сидеть дома перед телевизором и пить «Мартини». Как там у Бродского? «Теперь всё чаще чувствую усталость, всё реже говорю о ней теперь». Мне всё чаще становится интересен исход футбольных матчей.

Как нас угораздило со всем этим встретиться на пересечении проезда Кирова и улицы Парковой июньским вечером в её маленьком городке, мне до сих пор не совсем понятно, но я абсолютно уверен, что в этом, скорее, Божий промысел, чем происки Лукавого. Мне хочется так верить, значит, так и есть.

Её голубой сарафан с глубоким вырезом на спине казался оторванным кусочком неба (так похожи они были цветом!), накинутым на сгусток моих желаний. Причём желания были какими-то давними, давно уже просочившимися сквозь плоть моего подсознания и затвердевшими янтарной смолой моих фантазий. Или это просто была хорошенькая молодая девушка, одетая в синий сарафан и пытавшаяся остановить машину. Янтарная девушка в синем шёлковом небе...

«Ну вот, начинается», – констатировал мой мозг, едва эта девушка выплыла из-за угла буро-красного кирпичного дома и предстала моему взгляду, и мне пришлось тут же, возле красно-бурого кирпичного дома с номером 23, признаться, что не подойти к ней я не могу. Точнее, мне пришлось признаться, что именно к ней я шёл последние полчаса, направлялся этим днём, стремился все дни моей жизни... «Как сперматозоид стремится стать человеком», – пошловато съюродствовал мой любимый мозг, наверное, для того, чтобы отвлечь меня от осознания, что я уже стою напротив неё... Кто бы мог подумать, что в тот самый миг, когда я подрулил к ней прямо вот так, без особой подготовки, со всего разворота, на той самой скорости, с которой шёл, и почти подошёл к ней, и почти спросил: «Не ловится?» – она повернулась ко мне и, оправляя неба левую лямку, удивленно так заметила: «Не ловится...»

Я улыбнулся. Улыбнулся известно чему. Она улыбнулась. Чему – неизвестно. Я улыбнулся ещё раз. Я протянул вперед правую руку, ладонью вниз протянул, будто накрывал голову маленького мальчика.

– Сергей...

– Наташа, – ответила она и подсунула свою ладонь под мою. – Серёжа?

– Серёжа, – согласился я.

С водителем сошлись на пятидесяти рублях. С Наташей вышли из машины вместе. Машина уехала. Прошли не-

сколько шагов. Дошли до колонки. Наташа остановилась, повернулась ко мне и, чуть подняв лицо, повторила вопрос, на который я не успел ответить в машине:

– Так, когда ты уезжаешь домой?

– Через три дня.

– В четверг?

– В пятницу...

– Давай завтра встретимся. Сегодня я не могу.

– Обманешь.

– Как знаешь... В шесть вечера недалеко от Вечного огня, он у нас один в городе, справа стоят две сосны и две лавочки. На одной из них буду сидеть я.

– Обманешь?

– Как знаешь...

Она обманула на пятнадцать минут. Я купил пять гвоздик: три красных, две белых. Она пришла в длинной (до пят, до подошв туфель), чёрной (искрящейся на солнце серебряным снежком), узкой (по всей длине по левой стороне приятный разрез) юбке, на каблуках (не видных под юбкой), в жёлтой (мужского покроя) рубашке, перевязанной тонким лакированным ремешком. «Лямок от верхнего белья под рубашкой не наблюдается», – крикнул в очередной раз мозг мой и в этот день меня больше не тревожил.

И присели...

Мы проговорили минут десять. Ни о чём, в общем, проговорили. И всё, в общем, сказали...

– Ну, и теперь? – спросил я и встал с лавочки.

И теперь самое время рассказать про лицо, и волосы, и шею, с тонкими чертами лица, и глаза, худую, в общем-то, шею, и губы, прекрасные глаза, хоть и карие, белые волосы, светлые, но не крашенные, а натуральные, длинные, и щёки, бледные щёки, и не очень полные губы, и не очень тонкие, и всё это такое влекущее, манящее, манящее...

И теперь самое время рассказать о том, как она улыбалась, но об этом рассказать невозможно, потому что нет та-

ланта у меня описать то, на что с первого мига невозможно было смотреть, а можно было сразу, с первого этого самого мига, лишь запоминать или ловить взглядом, глотать своим настроением, как рыба глотает ртом воздух, а запомнив, уже невозможно было стереть из памяти, а возможно лишь было вспоминать беспрестанно, с некой грустью и радостью вспоминать. Однажды я видел, как снимали кино, и режиссёр делал несколько пробных дублей, прежде чем сказал: «Всё! Снято!» (всё снято). Но если бы режиссёр увидел её улыбку и её лицо, то он (режиссёр) сразу же, с первого дубля, едва увидев эту улыбку, боясь потерять мгновение, крикнул бы: «Камера! Мотор! Всё! Снято!» И не важно, что режиссёр до этого представлял абсолютно другую улыбку. Важно, что, увидев её (Наташину) улыбку (Наташину улыбку), он сразу понял, что представления его, всё, что он представлял, – это всё не то, а то, что он увидел, – это и есть самое то, что нужно, что он интуитивно искал, но до сих пор не мог подобрать в миллионах других улыбок (улыбок других). Но если ты всё ещё ждёшь слов про Наташину улыбку, то слова – вот они: она улыбалась и словно с улыбкой этой одновременно вдыхала всем своим лицом воздух, солнце, аромат хвои и мою, ставшую с этого момента жизненно необходимую потребность любоваться её послушной улыбкой. В её улыбке щебетали птицы и жила надежда матери, в её улыбке питались вешними водами расцветающие травы и мать баюкала своё первое дитя, в её улыбке покоились мои надежды и мои наслаждения, в её улыбке таился замысел Создателя и проделки Домового, в её улыбке я нашёл покой своего сердца и радость своих глаз...

И теперь самое время описать рост её, и вес, и объём талии, и то, что она не любила прикрывать бельём, но что так аккуратно умещалось у меня в ладони, потому что потом описать будет уже сложно, потому что именно сейчас надо тебе понять, что же такое она разбудила во мне, пока вдыхала мои гвоздики и улыбалась (вдыхала и улыбалась,

улыбалась и вдыхала), и стала вдруг сразу, в одно мгновение, родной, знакомой (нет, не знакомой), известной и понятной стала эта девочка – озёрная студентка Наташа, с её открытым, чистым лицом, и этой улыбкой, и манерой идти, с её речью – ты сейчас будешь или когда? – с одеждой, которая так только на ней сидела, с ветром в душе и свежестью во взгляде и голове. И рост её, и вес, и объём талии – все это было настолько пропорционально и аккуратно слепо, что... однажды мне один художник сказал: «Настоящий гений – это тот художник, который рисует картину так, что в неё нельзя ничего добавить». Понимаешь? Нечего добавить. Не убрать. Не изменить. А именно добавить. Ты видел вишенку? Ты присматривался к ней? Ты пробовал добавлять что-нибудь к вишенке... я не про сахар, я про форму... Наташа не понимала, почему я иногда называл её «вишенкой». Она думала, потому что она сладкая. Да, она сладкая, но ты теперь знаешь, почему «вишенкой»...

И теперь самое время описать (как обещал) её походку. Не было у неё походки. Была поляна с высокой травой, и был ровный энергичный ветер тёплого дня. Ветер, который живёт во всём воздухе планеты своим спокойствием, а здесь, на этой поляне, он обретает предназначение перекачивать траву своими широко распластанными ладонями. И ветер перекачивал траву своими касаниями: мягко и уверенно, идеальными волнами перекачивал ветер траву – туда перекачивал, сюда перекачивал, туда, сюда... Ветер и трава – это и была её походка.

Но самое время сказать про самое главное. И, может быть, удивительное. При всём том, что я описал выше, она не была красивой. Да, это так. Я ни разу, нет, было всё-таки, но об этом значительно позже, я ни разу не смог назвать её красивой (ни вслух, ни про себя). Она не была красивой. Она была прелесть. Она была наслаждение. Она была аккуратненькая и сбитенькая. Про таких говорят «хорошенькая». Не «чертовски хороша», а «хорошенькая». Вся её

внешность, манеры её, и речь, и одежда, и тело излучали не красоту. Прелесть и наслаждение они излучали. И она (Наташа, Наташка, Натаха, Наташенька, Вишенка) была сама этим самым наслаждением. Наслаждением, которым с того самого момента наполнилась моя жизнь.

И теперь самое время про речь её...

– Ну, и теперь? – переспросила она и тоже встала.

И я поцеловал её.

– Что, прямо вот так?

– Как?

– Сразу?

– Сразу...

– Как знаешь...

И прогнула спину... Прижалась животиком к моему ремню, отставив назад ногу, запрокинув назад голову, прогнув ещё немного тело полумесяцем. Вдруг провернулась вокруг себя (как юла) ещё пол-оборота, повернулась спиной (ко мне), прогнулась (уже несильно), затылок лёг на плечо (замок моих ладоней лежал на её животике), положила свои ладони на мои руки, постояла... Немного совсем постояла... отлепилась и села. Я сел рядом. И мы проговорили до утра... О чём? Ты не знаешь, о чём говорят в такие часы? О ней. Обо мне. О нас. О природе. О погоде. О мечтах. О судьбе. О любви. О жизни. О стихах. О ветре. О прохожих. О книгах. О школе. О поцелуях. О песнях. О фильмах. О снах. О гороскопах. О линиях жизни. В общем ни о чём, сказав всё...

И пошли домой. Не по домам, а домой. К ней. В тот двухэтажный дом у колонки. Пришли с рассветом. Уснули с полднем. Проснулись с закатом. Расстались с любовью в душе и усталостью в теле. Через два дня...

Хочешь знать, как мы провели эти два дня? Не хочешь ты знать, потому что и у тебя были эти два дня. У каждого из нас были такие два дня. Я любил её, имел её, обожал её. И она имела, обожала, любила меня. А потом мы разошлись, чтобы любить, иметь и обожать не на кровати, на столе,

в ванной, на полу или в прихожей, а любить, иметь и обожать сквозь жизнь. На всех её поворотах, плоскогорьях, ухабах и закоулках. Как в шахматы китайцы заложили проекцию всей жизни, так в этих двух днях мы заложили всё, что ждало нас впереди. Любить, иметь, обожать... Во всех глубинах этих слов.

Как прошли следующие месяцы? Письма, письма, письма, телефонные звонки, очень много телефонных звонков, письма в конвертах, письма электронные по Интернету, письма ненаписанные, звонки, мечты и стихи. Когда не помогали мои стихи, помогали стихи Гумилева, Мандельштама, Ходасевича, какого-то Антона Ершова, выловленного в паутине Интернета. Бездарные, в принципе, стихи Ершова, но пара из них оказались настолько к месту, что я послал их Наташке.

Как прошли следующие месяцы для неё? Я прочитаю тебе. Только тебе одному в первый и последний раз:

«...ты мне приснился. Я много думала и решила, призналась, что ты приснился мне».

Ещё прочитаю:

«...если долго находишься в холодной комнате, начинаешь привыкать к холоду, тебе кажется, что тебе тепло, что так и должно быть. Потомходишь в тёплую комнату и понимаешь, как же было холодно. А можно наоборот: войти в очень, очень, очень холодную комнату, померзнуть в ней до самых косточек, а потом вернуться туда, где была, – просто в холодную комнату – и тебе покажется, что стало тепло. Покажется, что стало тепло. Но только когда по-настоящему тепло, тогда не кажется. Когда мне стало тепло, с тобой мне стало тепло, я вдруг поняла, что была все эти годы в холодной комнате и просто привыкла к холоду. Я поняла, что мне казалось, что мне тепло. Теперь я знаю, где по-настоящему тепло. В тебе. А сейчас... сейчас мне очень, очень, очень холодно. Но я не хочу возвращаться туда, где было просто холодно, чтобы думать, что стало

тепло. Потому что я, Серёжа, теперь точно знаю, как это – по-настоящему тепло».

Вот слушай ещё:

«Как часто просыпаюсь я с ощущением тебя внутри. Только не надо опошлять, представляю сейчас твою саркастическую улыбку. Внутри моей души. Мне кажется, что ты... в тот самый миг, когда открыла я глаза свои, вспорхнул, как птичка, из моей души и полетел куда-то в новый день, чтобы, налетавшись вдоволь, начирикавшись, наклевавшись хлебных крошек, опять прилететь и зарыться в мою душу, в моё сердце. Мне кажется, птичка моя, это твои пёрышки, это твой пушистый комочек греет моё сердце».

Мы очень часто переписывались по Интернету. Я думаю, что в том числе благодаря нашей любви компания МТУ стала маркой года и вырвалась в лидеры по продажам. Но однажды я написал ей письмо, после которого интернет-провайдер лишился двух самых стабильных, постоянных и щедрых клиентов...

Вот что я написал, когда мы сидели каждый в своем городе за своим компьютером около полуночи по московскому времени. Мы общались посредством Интернета, и речь зашла о прелестях Интернета и о его уникальности, и я написал:

– Да, очень, очень роднит людей Интернет. Есть моя реальность, в которой я сейчас нахожусь, – мой стул, стол, лампа настольная, груда книг, фотографии, кактус, размешанный аспирин. Есть твоя реальность. (Она прислала сообщение) – Стол, стул, бумага, ручка, чашка с кофе, я, почти голенькая, в тапочках и чёрной шёлковой рубашечке, твоя фотография на столе, разбросанное по комнате бельё, кошка на кресле. (Я продолжил) – А есть Интернет – единое информационное пространство. Виртуальная реальность. То есть как бы за гранью. Словно ты подошла к границе своего сознания, открыла дверку и перешагнула через порог во вне... В настоящей реальности мы далеко – две, две с по-

ловиной тысячи километров, несколько часовых поясов, несколько погод. Мы сидим себе на своих стульях, такие далёкие, на расстоянии. (Она прислала) – Я очень скучаю и чувствую это расстояние. (Я продолжил) – Но мы подключаем компьютер, подходим к границе своего сознания, открываем дверцы и как бы выглядываем вовне, в Интернет, в иную реальность, и вот ты, твои слова, твои фотографии в моём почтовом ящике. И здесь мы ближе. И здесь не важно, на каком расстоянии наши тела и стулья. То же самое в снах. Представь, что сны – это то же пространство, которое даже больше, чем Интернет, находится вовне, за дверцами наших сознаний. Наши сознания ограничены границами наших голов, сны – за пределами голов. Как и Интернет. Представь, что в снах тоже можно встретиться. (Она прислала сообщение) – Ты мне часто снишься по ночам. Это значит, я тебя встречаю в своих снах. (Я ответил) – Я тебя тоже встречаю в своих снах, но встречаться и встретиться – это разные понятия. Ты можешь зайти в Интернет в условленное время на условленный сайт и встретиться со мной. (Она сообразила и тут же прислала) – Получается, тела наши далеко, а слова и взгляды, если иметь в виду, что мы оба читаем одни сообщения, встретились. И мы можем быть ближе, находясь на разных концах планеты? (Я послал следующее сообщение) – А теперь представь, что в снах также можно встретиться. Тебе приснилась поляна. Значит, ты мозгами, или фантазией, или представлением, как хочешь можно назвать, оказалась на поляне. А через полчаса эта поляна приснилась мне. Теперь представь, что можно договориться и встретиться в назначенное время благодаря снам на этой поляне, увидеть друг друга, почувствовать, обменяться эмоциями и ощущениями. Когда мы пишем друг другу письма и встречаемся в Интернете, мы же будим друг в друге эмоции нашими напечатанными словами, фотографиями, отосланными видеороликами или звуковыми сообщениями. (Она согласилась) – Да, каж-

дое твоё письмо будит во мне бурю ощущений. (Я продолжил) – А если мы научимся встречаться во снах, мы можем друг друга видеть, чувствовать, обнимать и любить. (Она прислала сообщение) – Мне совсем стало не одиноко. Давай встретимся прямо сейчас.

И мы решили встретиться во сне. Назначили место встречи: старая улица одного городочка, в котором мы однажды остановились на ночь, проезжая по трассе Москва–Минск. Решили встретиться возле покосившегося забора около двух часов ночи. Точнее, около двух часов ночи наших спящих тел. Что же касается наших мозгов, то встретились за светом. И пошли гулять... Бродили, ощущали, глядели друг на друга, чувствовали, обменивались знаниями и чувствами, буйно разговаривали, так и не проронив ни слова... Когда я проснулся, за окном стоял полный день. С тех пор мы назначали свидания во снах чаще, чем просматривали почту в Интернете. Но про свидания во снах мне тебе сказать больше нечего, потому что ты больше не поймешь. Потому что, когда ты поймешь, тогда ты сам с кем-нибудь назначишь там свидание. Пойми, это разные вещи, разные понятия – встретить кого-нибудь во сне и встретиться, назначить свидание, договориться заранее, пойти в сны, найти его там и встретить среди толпы, разных помех, случайных образов, лиц и ощущений найти конкретное лицо. А когда ты научишься назначать свидания во снах и, не опаздывая и не плутая, приходите на них, мне вовсе нечего будет тебе сказать, потому что все слова будут осенней листвой по сравнению с цветущей весной твоих сновиденческих свиданий.

Как-то раз мы неожиданно созвонились и тут же решили встретиться в ближайшие дни в удобном для обоих городе. Не во сне, а наяву. Мы всегда по-разному выбирали город для свидания. Иногда это было обусловлено экономическими факторами, иногда – творческими. В Вену мы полетели, несмотря на дороговизну: нам просто очень

захотелось посмотреть этот город вдвоём. Мы не любили встречаться в Москве, поскольку здесь я не мог уделить ей столько времени и внимания, сколько мог уделять, будучи вырванным из своего любимого города. Было приятно летать к ней в Озёрный, но это причиняло некоторые неудобства, связанные с малочисленностью города и отсутствием хорошей гостиницы. И хотя «Космос» был уютен и удобен, каждый раз, выходя из него, нам грозила встреча с кем-то из её родственников, коллег по работе, позже, когда она вышла замуж, родственников мужа и даже самим мужем. Поэтому мы вскоре вообще прекратили встречаться в Озёрном, редко встречались в Москве, чаще всего она приезжала в тот город, куда меня отправляли в командировку, или я приезжал к ней на какой-нибудь семинар, слёт или сбор. Но иногда, и это было чудеснее всего, мы, отлежав своими спинами кровати, отходяв по родным городам тысячи шагов и многим больше по родным квартирам, вдруг решали созвониться и встретиться. Решали как-то враз, недолго думая, выбирали город, чаще всего наобум, или нечто среднее между нашими городами, дольше всего – минуты две – рядились, кто и как платит на этот раз, потом клали трубки и не позже чем через один-два дня уже стремились друг к другу тем или иным способом передвижения, придуманным на сегодня. Иногда получалось выехать немедленно, вечером того же дня. Самое удивительное для меня, что во время таких спонтанных выездов всё складывалось благополучнее, чем обычно: появлялось окно на работе, оказывались свободные деньги, дети не болели, супруги наши находились в хорошем расположении духа, не намечалось экстренных командировок по работе. Словно сама жизнь раздвигала свои границы и освобождала лужайку для нашей встречи. На этот раз был выбран Иркутск.

Мой самолёт прилетел на три часа раньше. Я взял такси, съездил в центр, оплатил одноместный номер в «Ангаре», забронировал для неё одноместный номер в «Интуристе».

Удивительно, что именно «Интурист» выходил своими окнами на реку Ангару, а гостиница «Ангара» – нет. Не удивляйся, мы никогда не селились в одном номере. Жили – в одном, селились – в разных. Это была наша с ней игра.

- Ты зайдёшь ко мне?
- Может быть, лучше ты?
- Я первый пригласил.
- А что мы у тебя будем делать?
- Смотреть телевизор...
- Скучно.
- А что делать у тебя?
- Смотреть телевизор.
- Весело. У тебя веселее.
- Зайдёшь?
- Ну что же, уговорила...

Или вот ещё.

- Что ты делаешь сегодня вечером?
- Пока не знаю. А ты что-то хочешь предложить?
- Пока не знаю.
- Жаль, а я думала, ты меня пригласишь к себе?
- Если буду не занят.

Мы могли пролететь навстречу друг другу несколько тысяч километров, спустя десяток-полтора месяцев разлуки, и поселиться в разных номерах только для того, чтобы, стоя возле лифта в вестибюле какой-нибудь рязанской гостиницы «Лович», или саранской гостиницы «Центральная», или волгоградского «Интуриста», или «Интуриста» киевского, говорить друг другу:

- Заходи ко мне.
- Когда?
- Прямо сейчас. Немедленно. Срочно...
- Сейчас не могу.
- Как так?
- Мне надо голову помыть.
- Помоешь у меня.

– Ты что! У тебя плохой шампунь. У тебя его вообще на этот раз нет, ты вчера моим мылся.

– Давай возьмём у тебя шампунь и пойдём ко мне.

– Ни за что! Сначала помою голову и приду...

А как тебе нравится вот это:

– Я тебя жду. Жду прямо сейчас.

– Тебе что, нечем заняться сегодня вечером?

– Особых планов нет.

– Тогда посмотри телевизор.

– Я хочу встретиться с тобой.

– Сегодня вечером я не могу. Сегодня вечером я занята.

– Что ты делаешь?

– Смотрю телевизор...

– Да, я понимаю, насколько это важно и нужно для тебя. Пожалуй, нам сегодня стоит сделать паузу? Тогда до завтра...

Или вот это:

Она позвонила.

– Алло.

– Ты чего делаешь?

– Читаю «Вечерний Челябинск»

(дело было в Челябинске).

– Можно, я к тебе сейчас поднимусь?

– Я занят.

– У меня в номере не работает телевизор...

– Позвони консьержке.

– Звонила. В гостинице больше нет свободных номеров с телевизором.

– Какая досада.

– Так могу я зайти?

– А радио у тебя тоже не работает?

Конечно же, на лифт мы садились вместе и вместе ехали в один номер – в её или мой, ни разу не было важно. Иногда мы начинали смотреть телевизор в моём номере, а заканчивали – в её. Или наоборот. И за шампунем мы заходили вместе...

Покидая гостиницу, я каждый раз строил из себя скрягу и ворчал:

– Зачем было тратить в два раза больше денег и платить за два номера?..

– Скряга ты мой. Почему ты ворчишь? – отвечала Наташа. – За один из номеров всё равно платила я, ты ничего не потерял.

– Могли бы сэкономить...

– Мои деньги, что хочу, то и покупаю...

– Я бы сэкономил свои...

– Тебе было бы не стыдно, что за тебя платит женщина?

– Смотри сколько денег при этом экономится...

– Хам...

Иногда Наташа позволяла мне «почувствовать себя настоящим мужчиной» и оплатить все её расходы, начиная от стоимости её билетов, заканчивая проживанием в гостинице и покупкой некоторых мелочей для неё из одежды. Нечего и говорить, что в такие поездки-свидания мы селились в одном номере, и она почти не протестовала.

– Кто девушку ужинает, тот её и танцует! – как бы строго говорил я на её как бы серьёзные заявления, что она поселится в отдельном номере.

– Ты барон, тебе виднее, – как бы серьёзно повиновалась она.

Но случалось, что непреодолимое желание увидеться возникало у нас в тот момент, когда у меня не было свободных денег, и тогда Наташа платила за меня. И тогда Наташка отыгрывалась по полной программе. Эти сладкие пытки можно было смягчить тем, что попросить у неё денег взаймы, но она никогда не спешила их давать взаймы, и надо иметь очень, очень богатое и искушенное воображение, чтобы представить, чего стоило нашей кровати моя долговая повинность и сколько поэтичных слов застыло навсегда на занавесках наших номеров.

Мы могли бы встречаться в Москве, и когда мы делали это, Москва съедала большую часть нашей любви и нашего взаимного времени: когда мы встречались в Москве, мы встречались в перерывах между моей работой, моими встречами, моей семьей. Когда мы встречались в Озёрном, она могла взять отгулы, которых не мог взять в своём городе я, но она всё равно была ею – жительницей Озёрного, пропитанной насквозь своим городом, как ром-баба ромом. Когда мы встречались в других городах, мы были свободными в своей любви чайками, парящими над действительностью, желающими и имеющими право дарить друг другу себя всецело.

Мы могли бы селиться в одном номере сразу, придти в него, раздеваться и заниматься сексом, плавно подталкивая друг друга к однообразным, похожим один на другой вечерам, где все удовольствия взаимным наслаждением сводилось бы к простой физиологической необходимости, зажатой в мышцах расстоянием разлуки. Но мы селились в разных номерах, и каждая наша встреча, в каком бы городе мы ни встречались (мы побывали с ней в трёх десятках городов от Читы до Питера и в нескольких странах Европы), превращалась в затянувшееся свидание. Даже в Озёрном, когда я приезжал, она давала мне ключи от квартиры своей бабушки (бабушка сажала репку на даче), где мы проводили всё время, она оставалась ночевать, готовила мне еду, но время от времени всё же уходила, договариваясь о следующем свидании. Когда же мы всё-таки селились вместе сразу, как это было в Испании, Болгарии, Мурманске, Нижнем Новгороде и Казани, это были первые брачные ночи, а не брачные узы, предопределяющие наличие обоих супругов в одной постели согласно расписанию с 22 часов примерно до 7 утра. Эти узы у нас были: создавать ещё одни нам было неинтересно и неудобно перед своими половинами – моей женой и её мужем, которым стал человек годом её старше,

машинист, с именем Геннадий. Сейчас, выкладывая в своём сознании аппликацию из вырезанных из ленты жизни кусков наших встреч и склеенных воедино в отдельную линию нашей с ней жизни, можно чётко назвать эту новую, полувиртуальную, полуреальную жизнь наших взаимоотношений – вечным свиданием, с нескончаемым ароматом влюбленности. Пожалуй, мы, привыкшие к своим семьям, детям, работе, мебели в квартире, боялись того, что называется «привычка». Пожалуй, мы не нагулялись до своих свадеб и решили наверстать упущенное, компенсируя такой вот командировочной любовью. Однажды мы придумали ей название – «затяжная командировка любви». Долго спорили, командировка любви или командировочная любовь, но потом решили, что командировочная любовь случается со многими, что и любовь в командировке – дело не редкое, а вот командировка любви... – на том и порешили. Мы чётко чувствовали, что наши взаимоотношения, наша с Наташей линия жизни – это не часть жизни всеобщей, неотъемлемым элементом которой я являюсь, а жизнь отдельная, проистекающая над или вне жизни основной. Жизнь, которую можно отлепить от общей, свернуть в рулон и нести с собой, как обои, которые я время от времени разворачиваю, когда остаюсь наедине с собой, примеряю к стенам, к мебели, которая меня окружает, став привычной до незамечаемости, любуюсь, вновь и вновь соглашаясь, «до чего же хороши», и представляя, как обои эти украсят привычную расстановку в моей комнате, как облагородят и наполнят привычные вещи непривычным смыслом, но каждый раз обои эти не наклеиваю, а наклеиваю какие-нибудь другие, чтобы эти милые сердцу обои не стали такими же привычными, как стали обои до них, чтобы их не изрисовали дети и не исцарапала кошка, чтобы не лишиться себя удовольствия восклицать «до чего же хороши!», чтобы знать, что есть что-то, что ещё хочется хранить, а не просто этим пользоваться.

Мы могли говорить о нашей любви, о нашей совместной жизни, о наших ощущениях часами. Вернее будет сказать, не часами даже, а бесконечно. Потому что, когда мы начинали говорить, время раздвигало свои границы, и мы погружались в какую-то тёплую нишу, в которой взаимодействовали наши ощущения друг с другом, но ни времени, ни каких-либо привычных границ не было. Это было иное измерение – смакуя ощущения, мы переливались друг другом, словно мыльные шарики радужными пятнами. Обычно мы лежали на кровати после душа или секса и просто гладили друг друга, разговаривая. Наверное, все влюблённые говорят об одном и том же после душа или после секса. Как наши руки, наши языки исследовали каждую щепоть тел другого, так наши слова исследовали, смаковали каждое ощущение, которое переливается в наших душах благодаря взаимному обретению друг друга.

Иногда, во время сна, мы так сильно прижимались друг к другу, что, казалось, наши сновидения путались друг с другом.

Знаешь, что самое сладкое в любви? Некоторые полагают, что секс. Кто-то скажет, что постоянное желание видеть её, а для многих сладость любви заключается в постоянных муках. Для меня сладость любви в ощущении самой любви. Когда просыпаешься нежданно-негаданно на рассвете, лежишь и ощущаешь присутствие любви в сердце, в душе, во всём теле, в разуме. Словно светишься этой любовью. Не тоскуешь, не думаешь, не хочешь, не страдаешь или бредишь далёкой девочкой, а просто ощущаешь любовь. «Я люблю!» – говоришь ты сам себе. Но сердце, тело, душа, разум – это части сложного механизма, как у лампочки – колба, цоколь, спираль и инертный газ. Лампочка создана таким образом, имеет данные механизмы для того, чтобы излучать свет. Но только сам свет и есть любовь. Спираль может нить, колба – тосковать, молекулы тока – чувство-

вать, цоколь – страдать, инертный газ – бредить, но лишь свет – настоящее чувство любви.

Поверь мне, в такие минуты сердце действительно способно петь.

В этом году зима меня поразила дважды. Первый раз в Москве, отказавшись вовсе появиться в период с ноября по март и пыжившаяся исключительно дождём и градом. Слякоть стала лейтмотивом всего происходящего на планете Москва, и именно слякоть почти доконала всех к началу февраля. Доконала и меня. Я терпел, терпел, делая вид, что это ничего, что так и должно быть, что это мне нравится, утешая себя Бердяевым, провозгласившим, что «свобода есть осознанная необходимость»; и хотя слякоть необходимостью не была, она была неизбежностью, и, принимая неизбежность, каковой она была, приходилось чувствовать себя свободным, но в итоге желание настоящей зимы победило философию свободы, и я поехал в Озёрный.

Я сел в самолёт, и через четыре часа полёта, двух стаканов красного вина и ста страниц Платонова приземлился в аэропорту областного города, субъектом которого являлся городок Наташи. Через пять минут я стоял на трапе, вглатывая в себя воздух её природы, и тут зима поразила меня второй раз, преподнеся всё, чего недодала в Москве.

Час, что мы ехали с таксистом из аэропорта до подъезда её двухэтажки, был упакован в чудный «мех» инея белых деревьев, белых проводов. «Мело, мело по всей земле во все пределы». Я чувствовал себя ладонью, укутанной в муфту.

– Я чувствую себя воробышком в твоих теплых ладонях. Словно я замерзла за зиму, а ты пришёл, окутал меня своими ладонями и обогрел, – шептала Наташка, зажавшись в меня под боком и поглаживая мой живот. – Этой зимой было так холодно. Я возненавидела зиму. Я возненавидела необходимость одеваться в одежды, которые имеют исклю-

чительно функциональные предназначения и не имеют никакого отношения к эстетике и женственности. Забери меня в Москву. Говорят, там даже зимой бывает тепло.

Я улыбнулся, но она этого не заметила. Кажется, через минуту она уже уснула. Мы так и не вышли из её квартиры ни разу за три дня, что я провёл в «меховом» Озёрном.

В следующий раз я позвонил через три месяца. Сначала меня долго не было, а там, где я был, не было телефона. Трудно себе представить место на земле, где не было бы телефона, но в этом месте не было даже электричества в привычном понимании этого явления. Называлось это место – подводная лодка, на которой я отправился вместе с моряками Северного флота, потому что мне нужно было написать книгу про Северный флот, и была в этой книге большая глава, посвящённая подводным лодкам, а писать про подводную лодку без путешествия на ней неприлично. А когда я приехал, я почти тут же хотел позвонить, но вечером меня отвезли на «скорой». На следующий день, к вечеру, я разыскал телефон: взял у медицинской сестры сотовый.

«Приезжай, пожалуйста, в Москву. Мне очень плохо. Я пролежу в больнице с недельку. Ничего страшного нет, просто плохо без тебя. Приезжай. Приезжай, посмотри мне в глаза, поддержи мои руки в своих, побудь рядом и можешь уезжать. Плохо без тебя. Приезжай» – так сказал я, нажал на «Самсунге» кнопку «off» и лёг спать.

Утром пришла жена, принесла мандарины, помидоры, колу, воблу, чистое бельё, свежие газеты и несколько новых капельниц одноразового использования. Я вернул ей старые капельницы в виде плетеных рыбок, чёртиков и брелоков, она передала привет от детей, пообещала вместе с ними заехать на следующий день, поцеловала меня в нос и ушла. На обед у меня был суп с гречкой, компот, мандарины, три укола, шесть таблеток разных «размерчиков и от-

теночков» (как любил поговаривать медбрат Костя), крепкий сон.

Снились мне родные, самые дальние родственники, о которых никогда не вспоминал, и родственники близкие, о которых никогда не забывал, приснилась тёща, два раза отец – сначала молодой, потом очень старый, дядя Гена снился, тетя Галя, многие ещё снились, потом по длинной дорожке вдоль крашеного зелёно-синим забора перешёл я к осени, представшей мне во всём её беспутном величии.

Едва началось беспутное величие осени, сон кончился. Сквозь улепetyвающие (улепetyвали, как тюлени) образы проступили глаза Наташи, потом она в свитере серого вяза, потом стало чувствоваться, как руки её держат руки мои. «Что с тобой случилось?» – «Ты приехала...» – «Что случилось с тобой?» – «Приятно видеть тебя рядом». – «Говори». – «Отравился. Ничего страшного. Просто стало плохо без тебя».

Она приехала (прилетела на самолете «Боинг-737»), посмотрела мне в глаза, подержала мои руки в своих руках, я попросил у медбрата Кости минут на сорок ключ от ординаторской, лишившись за это рижского бальзама, принесённого накануне службой поддержки с работы, в ординаторской она побыла рядом, очень рядом, потом просто побыла рядом, сидя на кровати в палате, всё держала мои руки в своих руках, смотрела в глаза. Вечерним рейсом Наташа улетела, оставив меня наедине с надвигающимся четвергом.

Иногда мне становится грустно. Иногда мне становится грустно без неё. В такие вечера (даже если мне без неё грустно весь день, могу я делать это только вечером) ложусь я на свой диван, не раздеваясь, не готовясь ко сну, прямо на покрывало ложусь и начинаю вспоминать («галлюцинировать», как любила называть Наташа этот процесс) наши встречи, отдельные сцены. Я не вспоминаю всё подряд, я выбираю из наших встреч и свиданий всего один

эпизод и начинаю его сканировать, шаг за шагом вспоминаемая (прорисовывая) всё более тонкие и менее заметные для памяти детали. Словно ищешь на компьютерной карте место: сначала открываешь карту – и видишь весь земной шар, потом «кликаешь» мышью на государство – и в окне появляется увеличенная карта государства, потом выделяешь квадрат – и теперь только этот квадрат (одна или две области), увеличенный в тысячи раз, заполняет то пространство, где только что едва помещался континент, еще одно нажатие мыши – и ты видишь кружочки с указанием городов, выбираешь город, нажимаешь Enter – и перед тобой в мониторе улицы ставшего знакомым и родным города, ещё одно нажатие – перекресток Забелина и Косарева, дома, аллеи, деревья, нажатие мыши – дом номер 17, всего один дом из десятка, только что бывших на этом месте, несколько человек возле дома, скамейка, ещё одно нажатие – четыре окна, свет в одном из них, занавески, письменный стол, рядом кровать, застеленная оранжевым покрывалом, нажатие мыши (нажатие мысли) – её лицо крупным планом, ещё одно усилие – вспоминаются цветы, что стояли на столе, «сканируем» ещё раз – всплыли книги, всплыл халат, не застёгнутый снизу...

Я переворачиваюсь на спину, ложусь поудобнее, потому что сейчас начнётся самое сладкое – приятные моменты жизни, приукрашенные Памятью, которая помнит только хорошее. Прорисовывая деталь за деталью, Память придаёт им более яркие цвета и оттенки, чем были в реальности. Хотя реальность наших встреч по своей яркости и без того была прекрасна и бесподобна. Моя Память – самый гениальный художник, работы которого не перестают меня восхищать и работы которого я не устаю смотреть, стоя посреди огромной галереи под названием «Моя прожитая жизнь». Моя Память, в отличие от другого художника – тоже моего друга – Фантазии, не имеет права ничего придумывать, не имеет права добавлять. Она может чего-то не дорисовать,

потому что не сможет вспомнить, но добавить – этого Память никогда не сможет. Но она умеет так прекрасно отрисовывать эти детали, что они нередко бывают ярче самых невероятных Фантазий. А еще я заметил, какая пустота рождается после просмотра работы художника Фантазии, потому что его яркие картины никогда по-настоящему не получались в реальности. Другое дело – работы художника Памяти – одна мысль, что написанные ею картины случались в реальности и случались именно с тобой – одно это наполняет наслаждением, потому что не наполнять это не может, ведь это часть твоей жизни, не отделимая от тебя сегодняшнего. На этот раз Память подарила мне осенний вечер, проведенный в тёплом и уютном (что редко бывает) номере гостиницы «Космос». Номере, который я снимал каждый раз, когда мы не могли встретиться у неё дома, у неё на даче, в другом городе, у меня в Москве.

Мы спорили о том, что лучше – Москва или Озёрный. В отличие от большинства подобных споров, заканчивающихся голыми эмоциями на уровне «нравится – не нравится», разговор наш носил интеллектуально-исследовательский характер, когда два исследователя пытаются хладнокровно и как можно более объективно создать огромный список плюсов и минусов столицы и сопоставить ему не менее внушительный список достоинств и недостатков средне-статистического городка России. Проистёк этот исследовательский опыт как-то случайно из разговоров о том, легко или сложно любить на расстоянии. Разговор же этот, в свою очередь, стал продолжением признаний в вечной любви и обещании ждать столько, сколько нужно, которые вылились несколькими минутами раньше из признания, что мы оба – лучшие друг для друга, и благодарности судьбе за нашу встречу (я поблагодарил Божий промысел). Благодарности же, разумеется, не могли возникнуть просто так, и возникли они с того самого места, которое за час до появления благодарности называлось «убранная постель».

Мы лежали раздетые на этой самой постели, от убранства которой ничего уже не осталось (я поперек кровати, Наташа головой на моей груди), я гладил её плечо, потом перестал гладить, а просто накрыл его ладонью, она держала мою вторую руку в своей руке, держала весь разговор, пока у меня эта самая рука не онемела.

– В отличие от Москвы, вода в кранах Озёрного действительно горячая, а не сильно нагретая.

– Кислород. Кто будет спорить против того, что в Озёрном лучше кислород?

– Что в Озёрном он есть, а в Москве почти уже нет?

– Вот именно...

– Вот именно.

– Качество образования в московских ВУЗах лучше.

– А качество жизни – в Озёрном.

– В смысле?

– Продолжительность жизни, спокойствие, нервных срывов меньше...

– Алкоголизма больше. В провинции народ всегда пьёт.

– А в Москве не пьёт?

– Меньше...

– Больше. Ещё больше, только культурнее... Питейных заведений больше.

– В Москве вообще люди культурнее...

– В смысле этики и всяких правил – да, в смысле совести и традиций – нет.

– Не надо. Совести в москвичах на всю периферию хватит...

– Москвичи жадные.

– Москвичи предприимчивые, а периферийцы как раз жадные.

– Москвичи закрытые... даже соседей по площадке не знают.

– В Озёрном зимой – завалы и заносы. Не город – сугроб с трубами.

– В Москве гадостью улицы поливают. И дождь зимой – это нормально?

– В Озёрном метро нет..

– А в Москве есть, и чего хорошего? Все его ненавидят. Едут, и давятся, и ненавидят.

– В Москве ни свадеб, ни похорон нормальных не проводится, посиделки в кафе: ни традиций, ни обрядов, ни радости, ни веселья.

– В Озёрном кафе приличных нет, посидеть негде.

– После семи вечера жизнь в Озёрном умирает.

– В Москве, чтобы за грибами съездить, полдня надо ехать. В Озёрном полчаса пешком – и грибы, двадцать минут – и речка.

– В Озёрном все мечтают переехать в Москву.

– Не все.

– В Москве все мечтают жить в деревне.

– Не все.

– Москва без приезжих вообще ничего бы не сделала. Москвичи ленивые.

– Работают, в основном, люди с периферии..

– Вся Россия Москву кормит..

– Москва всей России платит, она заказывает музыку.

– Медицина в Озёрном – слабая. Половина смертей – от плохой медицины.

– В Москве от аварий, наркотиков и СПИДа больше мрёт человек, чем своей смертью умирает.

– В Москве продукты дешевле.

– В Озёрном дешевле. Смотря продукты какие. Молоко, хлеб – в Озёрном, ветчина, заморские кушанья – в Москве.

– В Москве выбора больше.

– Меньше выбора – спокойнее спишь.

– Из Озёрного к Богу ближе.

– К Богу отовсюду близко, если он в твоей душе.

– Это, пожалуй, верно.

- В Москве наркотики.
- В Озёрном – люди нахальнее.
- Как посмотреть. В Москве – наглее.
- Зарплаты в Озёрном маленькие.
- В Москве расходы большие.
- А когда я утону, ты меня спасешь?
- Где ты утонешь: в Москве или в Озёрном?
- В Озёрном... Здесь тонуть просторнее...
- А может быть, ты не утонешь, а улетишь?
- Если ты меня научишь летать?
- Научу...
- Давай прямо сейчас.
- Хорошо, только мне надо сначала сходить на работу...
- Дай мне один...
- Зачем?
- Я буду его с собой за грибами носить, чтобы было прохладно...
- Побежали вон за тем троллейбусом...
- Давай лучше в этом подъезде останемся...
- Не трогай меня, мне больно...
- Ты помнишь маму, ты помнишь свою маму?
- Куда полетели эти соколы?

А потом вновь досталось кровати. Наши тела творили что-то невообразимое, что Память уже не могла нарисовать, так как моё тело на диване уже спало. И очень возможно, что последние слова мне уже снились, может быть, потому они были такие нелогичные.

«Умирая, вы о нас забыли.

Перед смертью попрощаться не зашли.

Господи, хотя бы позвонили,

Просто к телефону подошли...»

Два дня, два дня, каждую минуту слова эти – слова Вертинского голосом Гребенщикова – сводили меня с ума. Они

ныли в моём рассудке, они нанизывались на шум самолетных винтов...

Ты и вправду забыла про меня. Как могла ты со мной так поступить? Последний раз мы виделись полгода назад, на твоё сорокалетие: я возил тебя в Киев. Помнишь, как мы прогуливались чуть ли не по каждому закоулку, по каждому холму. Потом ты часто звонила, почти каждую неделю, я звонил реже. У нас так бывало и раньше. Но последний раз мы созванивались... когда же это было? Мы же говорили с тобой накануне, за два дня до... Последний разговор за два дня до последнего вздоха... Наташа, Наташка, Наташенька... Ты даже не позвонила перед смертью. Не попрощалась. Не предупредила, ни разу не сказала, что больна... помнишь, в мае, какой же это год был? Мы с тобой долго загадывали, кто умрёт раньше... Я сказал, что всё будет правильно. Всё стало, но неправильно...

Ты думаешь, так лучше? Ты думала, так будет лучше? Ты знала в мае, что больна? И ничего не сказала? За что ты так? А как ты теперь думаешь, когда лежишь под тёплой тенью райских кипарисов и вдыхаешь благовония вечной жизни? Только не говори, что ты не попала в Рай. Я не хочу это слышать... «Умирая, вы о нас забыли...» Гребень, заткнись! Если ты не попала в Рай, не говори мне это так же, как ты не сказала про свою болезнь... Ну зачем ты ничего не сказала?

Дверь открыл Геннадий – твой муж, худой, невысокий, седой, с маленькой бородкой. Козерог с витыми седыми волосами. Твой вдовец. Наташка, у тебя два вдовца.

В квартире было несколько человек: бабушки какие-то, мужики, кто-то, кажется, с работы, двое твоих детей – Настя, Андрей. Андрея я узнал сразу, Настю – благодаря фотографиям, которые ты мне всегда привозила. Помнишь, мы долго спорили, стоит ли нас знакомить? Мы познакомились...

Когда гости (как называются те, кто приходит на поминки?), когда эти люди разошлись, дети легли спать (нет, они

тихо легли и тихо плакали), я собирался уйти в гостиницу, но Геннадий подошёл и сказал:

– Пойдём.

Мы пошли на кухню.

– Выпьешь?

– Да.

Геннадий достал из холодильника сразу две бутылки водки. Разлили стоя. Выпили стоя. Сели. Сидели. Молчали. Разлили ещё. Геннадий взял стакан, стал держать стакан в руке, смотреть на него и, помолчав, спокойно спросил:

– Наташа говорила, что вы иногда общались по телефону. Что вы – старые друзья.

Я подумал и ответил:

– Так оно и было.

– Так оно и было, – повторил Геннадий.

И мы опять стали молчать.

– Ты знал, что она болела? – спросил Геннадий, глядя на меня своими глазами и одновременно не видя меня своим взглядом.

– Болела?

– Рак горла. У неё был рак горла. Последние три года её горло было больно раком. Врачи назвали этот случай уникальным. Она так и не потеряла голоса, хотя должна была. И умерла, не потеряв голоса. Ты знал, что она больна?

– Нет... – я ответил тихо. Почти только самому себе ответил. И соврал. – Мы давно не виделись. Просто хранили дружбу нашу.

Наташа, Наташка, Наташенька... Ты даже не позвонила перед смертью. Не попрощалась. Не предупредила, ни разу не сказала, что больна... помнишь, в мае, какой же это год был? Мы с тобой долго загадывали, кто умрёт раньше... Я сказал, что всё будет правильно. Всё стало, но неправильно...

И тут мы с Геннадием заплакали. Два мужика на одной кухне сидели и плакали. Каждый плакал своими слезами в своём горе, поминая, проклиная и обожая одну женщину.

Рано утром я ушёл. Андрей и Настя проснулись, вышли из комнаты... сироты наливали себе чай, готовились к первому дню без тебя. На столе валялись недоеденные помидоры, и котлеты, и две пустые бутылки из-под водки.

Геннадий проводил меня до прихожей, подал сумку, пожал руку. Он пожал мне руку, потом пожал руку Андрей. Мы больше ничего не сказали друг другу. Я ушёл. Поехал в аэропорт. Полетел в Москву.

Заметил ли Геннадий, как мы с Андреем похожи?

Временами такое одиночество накатывает, что сводит скулы. Голова готова рассосаться в пространство, не в состоянии удержать в себе ни атома наполненности. Голова готова испариться в остаток дня, лишь бы ни одной мысли не утяжеляла тень её пустоты. Весь мир вокруг кажется большим целлофановым мешком в человеческий рост, набитым кукурузными палочками, лёгкими, воздушными, сладкими и пустыми. Ты вгрызаешься в этот мешок челюстями своей воли, пытаешься жевать эту пустоту, пытаешься изжевать (изживать) низкокалорийные предметы вокруг себя, хрумкаешь их, пережевываешь, надеясь, что полное уничтожение этих пустых крепышей приведёт тебя к радости, приведёт тебя к наполненности, к сытости, но, кроме вяжущей массы на зубах, кроме сладкой оскомины и возросшего чувства, возросшего чувства обиды за напрасные движения челюсти, ты не приобретаешь ничего. И вот уже мешок кукурузных палочек съеден до конца, и пора бы прийти радости наполнения, но ты по-прежнему пуст, и только засоренные сладкой приторной кашницей челюсти трутся друг о друга. В эти минуты я звал её... нет, не на помощь. Я просто звал её, чтобы говорить с ней.

– Привет, – говорил я.

– Привет, – говорила она.

– Мне хорошо с тобой, – говорил я.

– Мне хорошо с тобой, – говорила она.

- Хорошо, что ты есть, – говорил я.
- Хорошо, что ты есть, – говорила она.
- Так славно, что ты есть, – говорил я.
- Так славно, что ты есть, – говорила она.
- Что бы я без тебя делал? – говорил я.
- Что бы я без тебя делала? – говорила она.
- Ты очень помогаешь мне тем, что ты есть, – говорил я.
- Ты очень помогаешь мне тем, что ты есть, – говорила она.
- Никогда не покидай меня, – говорил я.
- Никогда не покидай меня, – говорила она.
- Я никогда тебя не покину, – говорил я.
- Я никогда тебя не покину, – говорила она.
- Я самый счастливый, потому что у меня есть ты, – говорил я.
- Я самая счастливая, потому что у меня есть ты, – говорила она.
- Мне ничего от тебя не нужно, – говорил я.
- Мне ничего от тебя не нужно, – говорила она.
- Просто будь рядом со мной, – говорил я.
- Просто будь рядом со мной, – говорила она.
- Будь так долго, как только сможешь, – говорил я.
- Будь так долго, как только сможешь, – говорила она.
- Буду с тобой вечно, – говорил я.
- Буду с тобой вечно, – говорила она.
- Мне холодно без тебя, – говорил я.
- Мне холодно без тебя, – говорила она.
- Мне хорошо с тобой, – говорил я.
- Мне хорошо с тобой, – говорила она.
- Я так рад, что тебя встретил, – говорил я.
- Я так рада, что тебя встретила, – говорила она.
- Мне нравится тебя любить, – говорил я.
- Мне нравится тебя любить, – говорила она.
- Мне хочется тебя любить, – говорил я.
- Мне хочется тебя любить, – говорила она.

- Мне хочется, чтобы ты была счастлива, – говорил я.
- Мне хочется, чтобы ты был счастлив, – говорила она.
- Я счастлив, потому что есть ты, – говорил я.
- Я счастлива, потому что есть ты, – говорила она.
- Я счастлив, потому что ты меня любишь, – говорил я.
- Я счастлива, потому что ты меня любишь, – говорила она.
- она.
- Я счастлив, потому что люблю тебя, – говорил я.
- Я счастлива, потому что люблю тебя, – говорила она.
- Мне хорошо, – говорил я.
- Мне хорошо, – говорила она.
- Просто будь со мной рядом, – говорил я.
- Просто будь со мной рядом, – говорила она.
- Буду, – говорил я.
- Буду, – отвечала она.
- Обещаю, – говорил я.
- Не обещай, – говорила она. – Просто будь... Как ты есть сейчас.
- Я есть...

Мы могли говорить так часами. Мы говорили так часами, сутками, годами, вечность. В эти минуты нам с ней не важно было, где находятся наши тела. Это был единственный способ наполнить «кукурузный мир» полнотой и радостью. Но, главное, это был единственный способ лишиться «кукурузный мир» бессмысленности.

Приходил сын, забрал своего сына – моего внука, сообщил, что хочет поменять «Ниссан» на другой «Ниссан». Жена попросила выкинуть мусор, поговорила с дочерью по телефону, узнала, как у мужа дочери – моего зятя, идёт процесс (я не вслушивался какой), спросила, как погода в Германии, и легла спать.

Я ходил во двор, запер собаку (его зовут Николсон), проверил замки на воротах, включил свет на столбе, включил свет в бане, выключил свет в гараже, запер воро-

та, постоял пару минут, понаблюдал за вьющимися в свете фонаря насекомыми, вернулся в гостиную, налил стопку «Белого золота», присел на веранде и, подумав, что именно в такой тихий вечер мне бы хотелось тихо умереть, выпил. А потом взял телефон и, недолго думая, набрал родной номер. «Алло, Андрей? Андрея можно? Передайте, что звонил отец...»

– Алло, Андрей? Здравствуй. Это друг твоей мамы. Помнишь, я приезжал? Знаю, ты в Москву скоро собираешься. Мы не могли бы увидеться на полчаса? Хотел увидеться с тобой, немного поговорить. Ничего не случилось. Так. О маме. О тебе. Спасибо. Спасибо. Я позвоню. Спасибо...

Август и впрямь заканчивается звездопадом...

Октябрь 2002 г. – Июль 2003 г.

**ПАМЯТИ
БУНИНА**

«... ЛИШЬ СЛОВУ ЖИЗНЬ ДАНА»

Произведения И.А. Бунина в репертуаре
Театра-студии «Слово» имени М.Р. Перловой.
Принципы работы над концертными программами.

Ольга Юрьевна Акакиева

Москва, член БОР

Есть люди, для которых слово «читать» по отношению к тексту обозначает вовсе не «воспринимать написанное, произнося вслух или воспроизводя про себя» (С.И. Ожегов. Словарь русского языка). И даже не «излагать устно перед аудиторией» или «декламировать» (тот же словарь).

«Читать» значит для них – даровать слушателям радость приобщения к великим образцам искусства Слова. «Присвоить» текст, созданный писателем или поэтом, проникнуть во все тонкости его словесной вязи, понять характер героев, суть конфликта и всё это передать со сцены слушателям. Без декораций. Без грима. Без исторических костюмов и разыгрывания диалогов «по ролям».

Люди эти зовутся чтецами. К великому сожалению, их сейчас всё меньше, к тому же истинное искусство художественного слова зачастую подменяется чтением актёрским. Речь не идёт о том, что это плохо. Просто это – другое искусство.

Чтец, не меняя ни слова в тексте произведения и не меняясь ни в чём сам, должен донести до слушателя авторское слово, передать своеобразие характеров, звучание речи, проникнуть в настроение пейзажей. В отличие от театральных постановок (инсценировки прозы) и кинофильмов, а также актёрского чтения, использующего весь

спектр театральных сценических приёмов, чтец воплощает один всю структуру произведения: систему персонажей, особенности их речи, речь автора и его отношение к изображённому. Плох при этом тот чтец, который пытается передать всё это неисчерпаемое богатство, что называется «с холодным носом». Ведь даже выбор того или иного произведения для репертуара уже говорит об определённой позиции исполнителя, о том, что близко и дорого ему в том или ином произведении.

Индивидуальность чтеца делает прочтение произведения особенным и неповторимым. Более того, каждое произведение в репертуаре глубокого исполнителя будет звучать в следующих концертах по-иному. Репертуар «отлёживается», обогащается, углубляется.

А прочтение произведения так именно, как написано оно много лет назад, в исконном звучании литературной русской речи, с соблюдением всех её норм и законов, обогащает духовный мир не только исполнителей, но и слушателей.

Московский чтецкий Театр-студия «Слово», носящий имя своего бессменного в течение многих лет руководителя – заслуженного работника культуры России Маргариты Рудольфовны Перловой (1911 – 2005 гг.) ведёт своё начало с 1947 года, от коллектива художественного слова Центрального дома детей железнодорожников (ЦДДЖ). В своих занятиях с юными, а затем и взрослыми чтецами М.Р. Перлова руководствовалась принципами работы со словом народного артиста СССР Дмитрия Николаевича Журавлёва. Много лет артист был куратором коллектива.

Репертуар Театра глубок и обширен – стихи и проза русских писателей и поэтов от Сумарокова до Кручина, зарубежных авторов разных эпох, народные и авторские сказки.

Программы Театра звучат в залах Москвы и Подмосковья – Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, московская библиотека имени И.А. Бунина, Художественная галерея «Ту-

шино», Мемориальный центр и научная библиотека имени Н.В. Гоголя, центральная библиотека имени Д. Кедрина города Мытищи, библиотеки города Жуковского, Культурные центры городов Подольска, Александрова.

В афишах Театра-студии «Слово» вы никогда не увидите повторяющихся концертных программ, не услышите на концертах одинакового исполнения, даже если произведения будут исполняться не впервые.

Творчество И.А. Бунина давно интересно и близко исполнителям. Его стихи и рассказы звучат в концертных программах уже более сорока лет. За эти годы в репертуаре чтецов «Слова» появились следующие произведения (в скобках указаны исполнители, читающие или читавшие произведение в разное время, союз «и» означает, что исполняется композиция по произведению на двоих чтецов):

- «Тёмные аллеи» (Николай Ярцев, Марина Белоглазова);
- «Антоновские яблоки» (Владимир Вольский);
- «Косцы» (Владимир Вольский);
- «Роман горбуна» (Ольга Акакиева);
- «Часовня» (Ольга Акакиева, Анна Вартанова);
- «Смарагд» (Анна Вартанова, Галина Емельянова, Анатолий Шакиров);
- «В Париже» (Лариса Сомова, Галина Емельянова, Анатолий Шакиров, Галина Емельянова и Анатолий Шакиров);
- «Лапти» (Николай Ярцев);
- «Сны Чанга» (Марина Белоглазова);
- «Руся» (Светлана Ершова);
- «Заря всю ночь» (Татьяна Лоос);
- «Холодная осень» (Лариса Сомова, Юлия Херсонская);
- «Второй кофейник» (Марина Белоглазова, Елена Афанасьева);
- «Баллада» (Владимир Вольский, Ольга Акакиева);
- «Федосевна» (Елена Афанасьева);
- «В одной знакомой улице» (Александр Михальский);
- «Волки» (Анатолий Шакиров);

«Солнечный удар» (Ольга Синельникова, Валерий Паскевич, Ирина Илларионова);

«Красавица» (Татьяна Ермакова);

«Чистый понедельник» (Геннадий Негодин);

«Ида» (Геннадий Негодин);

«Роза Иерихона» – композиция по рассказам из сборника произведений И.А. Бунина (Сергей Гражданкин);

«Роза Иерихона» – рассказ (Дмитрий Сармин);

«Марья» (Владимир Сизов);

«Кума» (Ирина Илларионова);

«О Чехове» (фрагменты) (Марина Белоглазова);

Стихотворения И.А. Бунина (Марина Белоглазова, Ирина Илларионова, Владимир Вольский, Ольга Акакиева, Геннадий Негодин);

романсы на стихи И.А. Бунина – Владимир Вольский (автор музыки и исполнитель).

Театр-студия «Слово» за годы работы над произведениями И.А. Бунина подготовил следующие концертные программы:

«Всё учусь – по книгам и по жизни» (Творчество Бунина в контексте русской литературы XIX-XX вв.);

«Смиренные, родимые черты» (Бунин и фольклор);

«Мы похожи с Вами, как борзая на гончую» (Бунин и Чехов);

«Лишь слову жизнь дана» (Рассказы и стихи Бунина);

«Есть святые в сердце звуки» (Бунин – поэт);

«Осыпаются астры в садах» (Природа на страницах произведений Бунина);

«Жива моя душа, моя Любовь, Память!» (Перечитывая Бунина);

«Созвучия и звуки» (Бунин и музыка);

«В лиловых полутонах» (Цвета и краски на страницах Бунина);

«Я буду сравнивать Вас с Левитаном...» (М. Горький) (Художники в жизни и творчестве Бунина);

«Все рассказы в этой книге – о любви» (Рассказы из книги «Тёмные аллеи»);

«Разве бывает несчастная любовь?» (Рассказы и стихи Бунина о любви);

«Я на темени Иудеи...» (Бунин в Палестине. Стихи, проза, воспоминания);

«...Старая, огромная, людная Москва» (Москва в произведениях Бунина);

«...Из Парижа в Грасс, из Грасса в Париж» (Бунин во Франции).

Название каждой программы говорит само за себя. Если подумать, каждая из обозначенных тем может стать поводом для серьёзной научной работы. Задача же чтецов – показать слушателям богатство языка И.А. Бунина, многообразие тем его творчества, напомнить обстоятельства жизни писателя и мира, послужившие в той или иной мере основой произведения или толчком к его написанию.

Чтецкий концерт как цельное художественное произведение имеет чёткое композиционное построение: свою завязку, развитие, кульминацию, развязку. Возможен некий эпиграф, вводящий в общую канву происходящего, некое вступительное слово, служащее прологом, завершающий эпилог. Это, как правило, фрагменты писем, дневниковых записей, мемуаров. В зависимости от возрастного, социального, образовательного состава слушательской аудитории могут прозвучать биографические сведения об авторе, история создания того или иного произведения, отклики современной автору критики.

Произведения внутри программы располагаются не случайным образом. Далекое не всегда их порядок хронологичен. Имеет значение и объём исполняемого произведения, и тема его, и исполнительский опыт чтеца.

Начинаться концерт не может ни с очень длинного, ни со слабого по исполнению произведения. Слушатель должен быть с первых минут вовлечён в происходящее и увлечён

им. Поэтому в начало программы ставится, как правило, небольшое, но яркое по изображаемому событию или по исполнению произведение. Точно так же большое по объёму произведение не должно завершать концерт, поскольку слушательное восприятие уже определённым образом притуплено. Разумеется, всё это относится к сборным концертным программам. В случае, если исполняются крупные произведения, они занимают отделение. Завершается программа наиболее ярким по исполнению произведением.

В практике Театра «Слово» используется принцип целостности программ, когда связь между произведениями осуществляется с помощью цитат из писем, воспоминаний современников, изредка – исследовательских работ (прежде всего историко-биографического или библиографического характера). Источники – сборники писем и воспоминаний, литературоведческие исследования, ссылки и комментарии академических изданий. Слово самого автора, его друзей и близких помогает создать цельное художественное полотно концертной программы, акцентируя те или иные, нужные для восприятия моменты, без смены стилистики и настроения всего концерта.

Большая работа при составлении программ ложится при этом на плечи ведущих. Их задача – подобрать материал, прочитав большое количество книг и ссылок, выписать, а затем выбрать из подобранного нужное, а чаще – просто необходимое, подготовить исполнение этого материала таким же образом, как и концертные (художественные) номера. Особенно трудна эта задача в том случае, когда ведущий является также исполнителем. В Театре-студии «Слово» постоянными составителями и ведущими программ являются Марина Белоглазова и Ольга Акакиева. Они в последние несколько лет помогают исполнителям готовить репертуар, выполняя функции художественного руководства.

Необходимо сказать об особенностях исполнения бунинской прозы. При чтении одним исполнителем больших

по объёму рассказов («Антоновские яблоки», «В Париже», «Сны Чанга», «Солнечный удар») возможны деликатные купюры текста, не нарушающие художественной цельности произведения. Некоторые рассказы, такие как «Тёмные аллеи» или упоминавшийся уже рассказ «В Париже», в которых часть повествования диалогична (речь идёт не только о диалоге как форме речи, но о диалоге как «переключке» судеб, взглядов, характеров), позволяют исполнение на двоих. Текст произведения в этом случае делится на исполнительские «куски» с учётом того или иного исполнителя. Естественно, что диалоги в прямом смысле этого слова исполняются при этом по репликам.

Самое непростое – читать рассказы, занимающие не более полутора страниц. Ведь небольшой по словесному (количественному) объёму текст содержит зачастую целую человеческую жизнь или её событие, не поддающееся не только количественному, но вообще никакому исчислению!

Производя литературоведческий, а вслед за ним действенный анализ небольших рассказов Бунина (а это первые действия исполнителя при подготовке к чтению любого произведения), убеждаешься не только в их стилистической тонкости, но и в необыкновенной композиционной гармоничности.

Например, в рассказе «Красавица», не используя практически никаких оценочных характеристик, кроме портретных, автор заставляет читателя, чтеца, а вслед за ними и слушателя постичь всю глубину несправедливости, сопровождающей такую ещё короткую, но такую уже трагичную жизнь семилетнего мальчика.

Композиция рассказа необыкновенно виртуозна. Первая фраза (пролог) подхвачена второй и третьей сравнительной характеристикой персонажей. Затем – буквально пофразово – рассказ делится на части, повествующие о взаимоотношениях отца мальчика с молодой женой, об отношении «красавицы» к мальчику, о жизни маленького

и очень одинокого человека в родном когда-то доме. Автор не делает прямых выводов, не показывает своего отношения никакими оценочными словами.

Чтец, исполняя рассказ, также не должен напрямую выражать своих эмоций, высказывая порицание или жалость. Все свои переживания, всё отношение к тем событиям и людям, о которых он, чтец, рассказывает слушателям, он «прячет» в паузы, разделяющие исполнительские «куски» (в случае с небольшим рассказом, повторимся, это могут быть отдельные фразы), наполняя именно их, паузы, безмолвными эмоциями, и тогда слова автора, кажущиеся на первый взгляд нейтральными, заставят зрителей прислушиваться, задуматься и сопереживать.

Исполняя бунинские рассказы, необходимо не только не терять ни единого слова и верно расставлять акценты, но и, точно выверив композиционное построение, определить место и глубину пауз – логических, смысловых и психологических и донести произведение до слушателя без так называемого ложного пафоса.

Артисты Театра-студии «Слово» имени М.Р. Перловой – не профессиональные чтецы в том смысле, что только некоторые из них имеют специальное образование (Институт культуры, Институт современного искусства). Все они имеют высшее образование и трудятся в разных областях: это инженеры, художники, филологи, искусствоведы, преподаватели вузов, есть среди них и пенсионеры, и студенты, и школьники, пришедшие в коллектив «по стопам родителей» или победители Московского открытого конкурса чтецов, приглашаемые к участию в программах.

В течение многих лет они занимаются искусством художественного слова во всех его аспектах: логикой и техникой речи, голосом и дыханием, литературоведческим и действенным анализом. И читают хорошую литературу для слушателей разных возрастов, образования, социального статуса.

Вся творческая деятельность этого уникального коллектива направлена на возрождение традиций звучащего слова, на формирование культуры личности участников программ и их слушателей посредством исполнения произведений прекрасной литературы прекрасным языком.

Приложение

Программа «Жива моя душа, моя Любовь, моя Память!»
(Перечитываемая Бунина)

Программа составлена Ольгой Акакиевой
и прозвучала в 2011 году в Бунинском зале
библиотеки имени И.А. Бунина (Москва)

1 отделение

= Слово ведущего о начале творческого пути Бунина, о первом сборнике стихотворений, вышедшем в Орле в 1891 году: «Я помню, что в ту пору мне всё казалось очаровательным – и люди, и природа, и старинный, с цветными окнами дом бабушки, и соседние усадьбы, и охота, и книги, один вид которых давал мне почти физическое наслаждение, и каждый цвет, каждый запах...».

= Стихотворения И. Бунина читает Марина Белоглазова.

= Ведущий: Из писем Бунина: «Какое удивительное время – молодость! Жизнь уходит быстро, и мы начинаем ценить её лишь тогда, когда всё осталось позади!»

= Рассказ «Смарагд» читает Галина Емельянова.

= Ведущий: Из письма Бунина Варваре Пашенко (1891 г.):

«Всё – и весёлое и грустное – отдаётся у меня в душе музыкой каких-то неопределённых хороших стихов... Ты, конечно, не знаешь, не испытывала никогда такое состояние внутренней музыкальности слов...»

= Романсы на стихи Бунина в исполнении автора музыки Владимира Вольского.

= Ведущий: Из дневника писательницы Галины Кузнецовой: «...Говорили вчера о писании и о том, как рождаются рассказы. У Ивана Алексеевича это начинается с природы, с какой-нибудь картины, мелькнувшей в мозгу, часто обрывка. Так, «Солнечный удар» явился с представления о выходе на палубу после обеда, из света во мрак летней ночи на Волге. А конец пришёл позднее».

= Рассказ «Солнечный удар» читает Валерий Паскевич.

2 отделение

= Ведущий: «Все рассказы в этой книге о любви. О самых тонких и тёмных и жестоких её аллеях», – писал И. Бунин о сборнике «Тёмные аллеи».

= Рассказ «Тёмные аллеи» читает Николай Ярцев.

= Ведущий: Ту звезду, что качалась в тёмной воде,
Под кривою ракитой в заглохшем саду, –
Огонёк, до рассвета мерцавший в пруде,
Я теперь в небесах никогда не найду.
В то селенье, где шли молодые года,
В старый дом, где я первые песни слагал,
Где я счастья и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.

= Романсы на стихи Бунина поёт Владимир Вольский

= Ведущий: Читаем у Бунина: «На чужбине я вспоминал Родину, её поля, деревни, природу... Я не мог писать о другом. ...Я пишу о смысле жизни, о любви, о будущем».

= Рассказ «Часовня» читает Анна Вартанова.

= Ведущий: Вспомним слова героини рассказа «Натали»: «... Разве бывает несчастная любовь? Разве самая скорбная в мире музыка не даёт счастья?»

= Рассказ «Ида» читает Геннадий Негодин.

= Ведущий: О, мука мук! Что надо мне, ему,
Щеглам, листве? И разве я пойму,
Зачем я должен радость этой муки,
Вот этот небосклон и этот звон,
И тёмный смысл, которым полн,
Вместить в созвучия и звуки.

= Романсы на стихи Бунина поёт Владимир Вольский.

К великому сожалению, к моменту написания материала некоторые исполнители ушли из жизни.

Бунинское общество России разделяет боль утраты Театра-студии «Слово» и вместе с ее участниками скорбит о безвременной кончине талантливого артиста, музыканта, художника Владимира Вольского, вмещавшего творения Классика «в созвучия и звуки».

РОДНЫЕ СЕРДЦУ ИМЕНА

Елена Дмитриевна Макарова

*член Бунинского общества России,
Липецкая область, Становое*

В Псковской области в городе Себеж прошли IV Бунинские чтения. В них принял участие наш земляк, председатель Бунинского общества России Д.М. Минаев.

Государственный комитет Псковской области по культуре, администрация Себежского района и Псковская областная научная библиотека выпустили сборник, посвящённый Бунинским чтениям. В нём опубликована статья писателя-буниноведа Д.М. Минаева о деятельности Бунинского общества, очерк тульского краеведа М.В. Майорова «Мемориальные места И.А. Бунина в Тульской области», а также стихи и песни поэта Ю.А. Макарова, посвящённые И.А. Бунину и нашей Становлянской земле.

В январе 2019-го года в Тульском книжном издательстве вышла в свет книга «Бунинский некрополь: предки, родственники и потомки И.А. Бунина». Составитель Д.М. Минаев, общая редакция и дополнения: М.В. Майоров. В книге собраны краткие сведения, биографии, портреты предков и родственников И.А. Бунина, сведения о местах их захоронений.

Подобное издание в буниноведении предпринято впервые. И надо отдать должное авторам за их нужный и полезный труд.

ПАМЯТЬ

Юрий Алексеевич Макаров
Д.М. Минаеву

*Поклон земной за «Бунинский некрополь»,
За Буниных. Да будет грусть светла.
Их приютила навсегда Европа,
И Родина навеки приняла.
Печальные и скорбные страницы.
Мерцают тихо звёздочки во мгле.
Горит свеча. И значит, память длится.
Так было. И так будет на земле.*

Особый раздел в книге – «Злобинский некрополь Буниных». Как известно, в Злобино у церкви Покрова Пресвятой Богородицы похоронены дед и бабушка великого писателя Н.Д. Бунин и О.В. Бунина, его дядя и тётя Н.Н. Бунин и В.Н. Бунина, а также его сёстры и братья Анатолий, Константин, Сергей, Шура и Олимпиада. В книге опубликовано стихотворение Ю.А. Макарова о Злобинском некрополе Буниных. Предлагаем стихотворение вниманию наших читателей.

*Церковь Покрова Пресвятой Богородицы
в селе Злобин Воргол*

В ЗЛОБИНО

*Я молодым себя, в своём простом быту,
На бедном их погосте вспоминаю.
Последний их побег, под эту же плиту
Приду я лечь – и тихо лягу с краю.*

*И.А. Бунин «Могильная плита».
6.IX.13*

*Злобино. И радостно, и грустно.
Храм Покровский. Солнце в синеве.
Где-то здесь, под вечным небом русским
Бунины лежат в родной земле.
Навсегда могилы затерялись.
Ни креста, ни камня. Тишина.
Только в нашей памяти остались
Дорогие сердцу имена.
Не придёт писатель и не ляжет
Рядом с ними. Да и где они?
Только словом праведным расскажет
О своей печали и любви.
Оглянусь на Злобино – сияет
Синий-синий негасимый свет.
Крест на храме дали осеняет
И погост. У Бога мёртвых нет.*

**О РОДЕ
БУНИНЫХ**

5

ДНК-ТЕСТЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ: ИВАН БУНИН (ПЕРВЫЕ СЮРПРИЗЫ)

Илья Валерьевич Рыльщикова,
член Академии ДНК-генеалогии

Игорь Львович Рожанский,
*кандидат химических наук,
член Академии ДНК-генеалогии*

«В Духов день призывает Церковь за литургией «сотворить память всем от века умершим». Она возносит в этот день прекрасную и полную глубокого смысла молитву: – Все рабы Твоя, Боже, упокой во дворах Твоих и в недрах Авраама, – от Адама даже до днесь послужившая Тебе чисто отцы и братии наши, други и сродники!.. Разве случайно сказано здесь о служении? И разве не радость чувствовать свою связь, соучастие «с отцы и братии наши, други и сродники», некогда совершавшими это служение?» – писал Иван Алексеевич Бунин в своём романе «Жизнь Арсеньева».

© Автор коллажа Рыльщикова С.В.

Вот и нам следует не забывать, что жили на земле когда-то, не многие и многие столетия назад, люди, подарившие нам жизнь. Эти люди – наши прямые предки. Поминать их поимённо в Духов или в какой-то другой родительский день – сегодня подобное выглядит фантастичным. А вот светило русской истории первой половины XX века С.Б. Веселовский в своей книге «Род и предки А.С. Пушкина в истории» пишет, что поколение за поколением потомки славных людей, в поминальный день молились за души ушедших своих предков и вспоминали всех своих предков поимённо, и недавно умерших, и живших тысячу лет назад. Бунины относились к числу тех, кто поминал предков в Духов день, называя их поимённо.

Из художественных и публицистических произведений Ивана Алексеевича Бунина мы узнаём, что Бунины свой род ведут от Симеона Бунковского. В «Биографической заметке» Иван Алексеевич Бунин, цитируя «Гербовник дворянских родов», пишет следующее: «Род Буниных происходит от Симеона Бунковского, мужа знатного, выехавшего в XV в. из Польши к великому князю Василию Васильевичу. Правнук его Александр Лаврентьев сын Бунин служил по Владимиру и убит под Казанью. Стольник Козьма Лонтьев Бунин жалован за службу и храбрость на поместья грамотой. Равным образом и другие многие Бунины служили воеводами и в иных чинах и владели деревнями. Всё сие доказывается бумагами Воронежского дворянского депутатского собрания о внесении рода Буниных в родословную книгу в VI часть, в число древнего дворянства...».

Из книги Юрия Даниловича Гончарова «Предки Бунина» мы узнаём, что первым, достоверно установленным предком писателя Ивана Бунина, был мценский помещик Яков Савельевич Бунин, родившийся в конце XVII века. Про его отца Савелия нам, к сожалению, ничего не известно. Юрий Гончаров в своей книге высказывает некоторые сомнения по поводу достоверности сведений о происхождении

Ивана Бунина и его предков вплоть до Якова Савельевича Бунина от Симеона Бунковского, выехавшего к великому московскому князю Василию Тёмному из Польши, по другим источникам из Литвы. Сегодняшние специалисты по генеалогии, судя по всему, не могут отыскать какие-либо упоминания в старинных документах о мценском помещике Савелии Бунине, жившем во второй половине XVII века, а попытки таких поисков, видимо, были. Сам Иван Бунин не единожды говорил и писал, что вся родословная Буниных была написана на тыльной стороне иконы преподобного Меркурия Смоленского. Эта икона хранилась в доме деда писателя в сельце Каменка Семёновское тож. Сейчас этот населённый пункт называется деревня Каменка-Бунино. Дом после кончины деда унаследовал дядя писателя и его семья.

Я, кстати, был на месте того бунинского суходольского дома и видел там остатки битого стекла, очень тонкого, и осколки домашней утвари из керамики. Это, конечно, не родовая икона Буниных, но ощущение всё равно непередаваемое. В своей книге «Жизнь Бунина» жена И.А. Бунина Вера Николаевна Муромцева-Бунина, ссылаясь на рассказы мужа, пишет: «Забавляла тетя Варя, нравились тёмные образа, а особенно образ Меркурия, смоленского Святого, что держит в одной руке свою голову, а в другой икону Путеводительницы. Это был заветный образ дедушки Николая Дмитриевича, не сгоревший при нескольких пожарах. На тыльной стороне иконы была написана вся родословная

*Св. Мученик Меркурий Смоленский
несет свою голову... Источник:
konstant-zab.livejournal.com*

Буниных». Эту икону, с родословной Буниных на тыльной стороне, Иван Бунин в своей повести «Суходол» упоминает несколько раз в разных главах и подробно описывает в начале повести: «В углу лакейской чернел большой образ святого Меркурия Смоленского, того, чьи железные сандалии и шлем хранятся на солее в древнем соборе Смоленска. Мы слышали: был Меркурий муж знатный, призванный к спасению от татар Смоленского края гласом иконы Божьей Матери Одигитрии Путеводительницы. Разбив татар, святой уснул и был обезглавлен врагами. Тогда, взяв свою главу в руки, пришёл он к городским воротам, дабы поведать бывшее... И жутко было глядеть на суздальское изображение безглавого человека, держащего в одной руке мертвенно-синеватую голову в шлеме, а в другой икону Путеводительницы, – на этот, как говорили, заветный образ дедушки, переживший несколько страшных пожаров, расколовшийся в огне, толсто окованный серебром и хранивший на оборотной стороне своей родословную Хрущевых, писанную под титлами.»

В той же «Автобиографической заметке» Иван Бунин утверждает следующее: «Род этот (*род Буниных, прим. Рыльщикова И.В.*) дал замечательную женщину начала прошлого века, поэтессу А.П. Бунину, и поэта В.А. Жуковского (незаконного сына А.И. Бунина); в некотором родстве мы с бр<атьями> Киреевскими, Гротами, Юшковыми, Воейковыми, Булгаковыми, Соймоновыми...». Кроме того, родственные связи имелись у Буниных с Семёновыми. Сын знаменитого географа Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского Вениамин Петрович был уверен в родственных связях Буниных и Семёновых. Вот что в сентябре 1917 года своём письме И.А. Бунину В.П. Семёнов-Тян-Шанский пишет об их родственных связях: «Позвольте Вам послать I том мемуаров моего покойного отца, где вы найдёте немало сведений не только о Вашем родстве с Грот, но и с нами, Семёновыми, и с Жуковским...». Ещё следует от-

метить, что у поэтессы Анны Ахматовой в роду были Бунины из ряжской ветви, к которой относятся «русская Сафо», поэтесса А.П. Бунина и предки географа П.П. Семёнова-Тян-Шанского.

Вот как всё тесно переплетено, сколько знаменитых потомков, возможно, имеется у «славного мужа Симеона Бунковского». В то время, когда Ю.Д. Гончаров писал свою книгу, в 70-е годы XX века и многие десятилетия спустя, умные и талантливые люди могли только предполагать и строить версии, действительно ли потомки Якова Савельевича Бунина, в том числе Иван Алексеевич Бунин, были прямыми потомками Симеона Бунковского, были ли потомками этого славного мужа ряжские Бунины, о которых мы выше упоминали, белёвские Бунины, к коим относятся поэт Василий Андреевич Жуковский и славянофилы, собиратели фольклора братья Киреевские. Сегодня у нас с вами появилась возможность установить бесспорную истину в этом вопросе. Это можно сделать с помощью ДНК-генеалогии.

Нужно сказать, что любые новые сведения об Иване Буnine и о предках Ивана Бунина сами по себе интересны, независимо от подтверждения его родственных связей с поэтом Жуковским и географом Семёновым-Тян-Шанским. Ведь мало кто из русских писателей так часто в своих произведениях указывал на взаимосвязь современного человека с его далёкими предками. В том же романе «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина главный герой романа Алексей Арсеньев, от лица которого ведётся повествование, сообщает, что будучи ребёнком, он однажды почувствовал, что когда-то принадлежал к рыцарскому миру, с его замками и турнирами, чуть позже он вдруг понял, что его предки были обитателями первобытных хижин на тропических островах в океане: «Какие сладкие и яркие видения и какую настоящую тоску по родине пережил я...». Нечто подобное Иван Бунин от лица Алексея Арсеньева сообщает о Египте и о египетских пирамидах. На первой же странице

этого романа Иван Бунин упоминает божество Агни, которому поклонялись «наши древнейшие пращуры». О светлом боге Агни Иван Бунин стихотворение написал. Вот где современные мракобесы-инквизиторы от норманизма могли бы разгуляться, и замахнуться, так сказать, на классика, а то всё Задорнов, Ломоносов, Глазунов, Клёсов – узко как-то с их стороны. А потом им можно и за Блока, Брюсова, Гумилёва приняться, там тоже найдётся пища для стервятников. А на сладкое я бы им Николая Заболоцкого порекомендовал и его стихотворение «Голубиная книга» – не стихотворение, а сплошная «здорновщина».

В других произведениях Иван Бунин упоминает то про сарматские ветра, гуляющие по русской лесостепи, то, в одном из рассказов пишет о пращурах, завоевавших Индостан, и снова про «бесконечно далёкие воспоминания» и тоску по Прародине – «человеческим словом не выразишь даже и со-той доли её...». В том же самом рассказе герой утверждает, что «уже видел, чувствовал индийские тропики, может быть, тысячи лет тому назад, – глазами и душой своего бесконечно дальнего предка...». Одним словом, если бы Иван Алексеевич жил в наше время, думаю, что он заинтересовался бы ДНК-генеалогией и возможностями с её помощью открывать тайны прошлого.

Вот и нам захотелось узнать, были ли предки писателя причастны к рыцарскому миру средневековой Европы, или же, живя на крохотных островках, рассыпанных в тропическом океане, они почти нагими передвигались по водной глади в узких пирогах, и охотились и воевали с помощью луков и дротиков. По крайней мере, для прямой мужской линии мы можем отыскать ответ на подобный вопрос.

Что для этого нужно? Для получения такого ответа желательно, чтобы прямой потомок И.А. Бунина сделал тест на Y-хромосому, так как самого писателя давно уже нет с нами. К сожалению, у Ивана Алексеевича нет прямых по-

томков. Его единственный сын Николай умер в пятилетнем возрасте. А вот у родного брата писателя Евгения Алексеевича и, соответственно, отца писателя Алексея Николаевича прямые потомки имеются, в том числе и по мужской линии. В любом случае, результат будет получен почти тот же самый, как и в случае, если бы тестировали самого Ивана Бунина.

Сразу сообщу, что нам удалось договориться о тестировании на Y-хромосому с потомком по прямой мужской линии брата писателя. Замечательного человека, который согласился помочь нам, зовут Владимир Владимирович Бунин. Он сын Владимира Арсеньевича Бунина и внук Арсения Евгеньевича Бунина.

В начале 1917 года у брата писателя Евгения Алексеевича Бунина рождается сын Арсений. Евгению Алексеевичу было на тот момент пятьдесят восемь лет. 10 октября (по старому стилю) 1917 года Иван Бунин записывает в дневнике: «Позавчера утром поехал (...) в Ефремов. (...) Евгений на кухне на печке со своим Арсиком». РГБ ОР, ф. 622, к.3, ед. хр. 33. СС (2). Т.8.С.48-50. 18 октября (по старому стилю) 1917 года В.Н. Муромцева пишет Ю.А. Бунину из Глотова: «Наши из Ефремова приехали, на Яна (И.Бунин) эта поездка подействовала хорошо. Он очень полюбил Арсика (сын Е.А. Бунина), всё плюётся и говорит, «как бы не сглазить этого ангела...». ОГЛМТ, ф.17, № 3229 оф.

*Алексей Николаевич
Бунин*

*Евгений Алексеевич
Бунин*

Арсений Евгеньевич Бунин и Владимир Арсеньевич Бунин

Иван Бунин видел «ангела» Арсика в том доме в Ефремове, где сейчас располагается дом-музей И.А. Бунина. До революции этот дом принадлежал Е.А. Бунину, на протяжении десяти лет в этом доме собиралась вся семья Буниных. Уникальное место на самом деле. В доме-музее И.А. Бунина целый стенд посвящён семье Арсения Евгеньевича Бунина, в которой на протяжении десятилетий царили любовь и взаимное уважение.

Жизнь рождает сюжеты, которые не способен придумать ни один писатель и ни один сценарист. Надо сказать, что именно Татьяна Арсеньевна Родионова, в девичестве Бунина, которая дала интервью тульской областной газете, по-

Иван Алексеевич Бунин

содействовала нам в нашем деле. Она – большой друг бунинского музея, я тоже поддерживаю дружеские отношения с ефремовским домом-музеем им. И.А. Бунина и с руководителем музея Светланой Станиславовной Ивановой. На фотографиях вы видите всех Буниных, кто

имеет отношение к нашему исследованию.

В положенный срок в Московской лаборатории ДНК-генеалогии (Академия ДНК-генеалогии) был готов результат тестирования Владимира Владимировича Бунина. Признаться, результат получился удивительным.

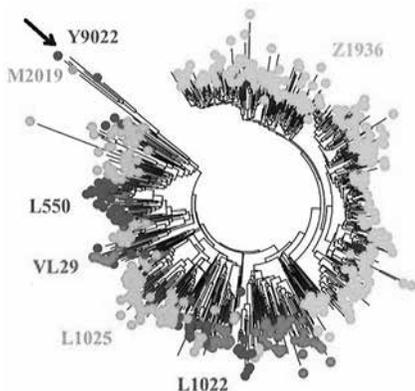

*Илья Валерьевич
Рыльчиков (слева)
и Владимир Владимирович
Бунин (справа)*

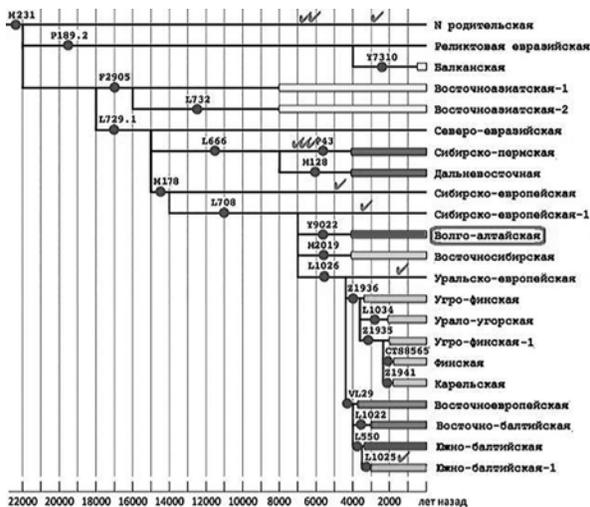
Вроде бы та же самая гаплогруппа N1a, как и в случае с Захаром Прилепиным. Та, да не та. 7-8 тысячелетий назад жил общий предок Ивана Бунина в массе этнических русских, кто имеет гаплогруппу N1a1. В этой огромной массе и потомки князей Рюриковичей с Гедиминовичами, и Прилепины из Черноземья, и ещё десяток миллионов человек. Вот что написал о субкладе (веточке) Ивана Бунина член Научного совета Академии ДНК-генеалогии Игорь Львович Рожанский.

В результате лабораторного теста у Владимира Владимировича Бунина была определена гаплогруппа N-M178. В ходе ДНК-генеалогического исследования было рассчитано дерево гаплотипов гаплогруппы N-M178, к которым были добавлены данные В.В. Бунина, его положение отмечено стрелкой.

Дерево 111-маркерных гаплотипов гаплогруппы N-M178. Цветными кружками отмечены гаплотипы, для которых принадлежность к соответствующей ветви подтверждена анализом на снипы.

Специальная программа сгруппировала В.В. Бунина с участниками ДНК-проектов, у которых подтверждена последовательность снипов M178 > L708 > Y9022. Положение соответствующей ветви на упрощенном дереве гаплогруппы N указано ниже.

Упрощенное филогенетическое дерево гаплогруппы N, с указанием основных снипов (позиция на шкале времен произвольна), датировок ветвления и времен жизни общих предков ныне живущих представителей дочерних ветвей (длина цветных прямоугольников). Галочками отмечено положение на дереве образцов ископаемой ДНК.

Эти снипы характеризуют редкую ветвь, которая на различных проектах носит название волго-алтайской. В международной классификации она обозначается аббревиатурой N1a1a1a2. Её базовый гаплотип в 27-маркерном формате выглядит следующим образом:

13 **23** 14 10 11 14 10 14 14 30 17 14 20 **30** 11 11 14 16 **20** 10
20 11 21 22 **38** 37-37

Он расходится с гаплотипом В.В. Бунина на 4 мутации в маркерах, выделенных цветом, что соответствует дистанции в 1300 лет. Это намного меньше, чем время жизни предка всей ветви N-Y9022 (4500±560 лет назад), что помещает В.В. Бунина со 100% вероятностью в самую её середину, на равном удалении от остальных носителей.

Ареал ветви Y9022 ограничивается в основном Поволжьем, а в ДНК-проектах Русской равнины к ней относятся 11 русских, 12 татар, коми, мордвин-эрзя и удмурт. В данных, собранных популяционными генетиками при анонимном тестировании, эта же ветвь оказывается одной из основных генеалогических линий у чувашей, удмуртов, марийцев, коми и хантов. Отмечена она также у коренного на-

Доля носителей ветви N-Y9022 в процентах от всего мужского населения регионов Европы и Ближнего Востока, согласно данным с проектов FTDNA.

селения Алтая, что и послужило причиной наименования. По данным с проектов FTDNA, уровень в 1% от всех участников ветвь Y9022 превышает только у казанских татар и уроженцев Пермского края и Урала.

Самый ранний на сегодняшний образец ископаемой ДНК из Европы (ветвь N-L708) был найден на Кольском полуострове с датировкой 3600-3400 лет назад. По Русской равнине данных пока нет. Абсолютное большинство европейцев из гаплогруппы N принадлежит к уральско-европейской ветви L1026, с которой волго-алтайская ветвь Y9022 разошлась около 7500 лет назад, задолго до миграции в Европу. Парадоксальным образом, ветвь M2019, доминирующая у якутов, оказывается в более близкой степени родства с европейскими ветвями, чем ветвь В.В. Бунина.

Люди из ветви Y9022 в своей миграции не продвинулись западнее бассейна Камы, где впоследствии влились в состав формировавшихся там народов, ныне говорящих на тюркских (чуваша, татары), волжско-финских (марийцы), пермско-финских (удмурты, коми) и угорских (ханты) языках. Первоначальный язык того племени пока остается загадкой.

Имеется семейная легенда о происхождении дворянского рода Буниных, в которой упоминается родоначальник, выходец из Великого Княжества Литовского. Однако найденная у В.В. Бунина волго-алтайская ветвь гаплогруппы N вступает в противоречие с этой легендой. Гаплогруппа N широко распространена в Литве, Белоруссии и на Смоленщине, что также входила в состав ВКЛ, но представлена там почти исключительно южно-балтийской ветвью L1025. Ветвь Y9022 пока не была обнаружена ни у одного уроженца этих мест, несмотря на их высокую активность в тестировании ДНК.

С другой стороны, Орловская и Воронежская губернии, где жили потомки московского дворянина Якова Савельевича Бунина, находятся не настолько далеко от Поволжья, чтобы сбрасывать со счетов корни рода среди его коренного населения. «Московские дворяне» – это чин служилых людей во времена первых Романовых, а не место рождения или службы. Поэтому предок Буниных мог за всю жизнь ни разу не побывать в столице, но носить этот довольно высокий титул. Якова Савельевича, жившего во время правления Алексея Михайловича, и легендарного предка Буниных Симеона Бунковского (Буниковского) разделяет более двух столетий, от которых не осталось ни одной достоверной записи. Практически единственным способом проверить семейную легенду остаётся тестирование Y-ДНК среди других ветвей Буниных, а также родственных им семей. Гаплотип В.В. Бунина относится к очень редкой для русских ветви, и он легко узнаваем даже в коротких форматах, что упрощает задачу.

В качестве одной из версий возникновения легенды можно предположить нередкую среди дворян практику облагораживания своих не слишком благозвучных или заурядных (с их точки зрения) фамилий. Фамилия Бунин относится к такой категории, поскольку восходит к прозвищу «буня», которым в тамбовских и рязанских говорах (согласно словарю В.И. Даля) называли заносчивого, чванливого человека. Многие фамилии, образованные от диалектных слов, встречаются преимущественно в местностях, где эти слова были в ходу. С большой вероятностью, предки их современных носителей также были уроженцами тех же мест, вне зависимости от сословия и мест, где сейчас живут их потомки.

Статистику по Буниным можно получить из самого беспристрастного источника – списков Министерства обороны России о безвозвратных потерях в Великой Отечественной войне. Они охватывают миллионы мужчин 1895-1925 г.р.,

подавляющее большинство которых родилось в сельской местности. По Буниным на сегодняшний день оцифровано 1859 документов, хранящихся в электронной базе данных «ОБД Мемориал». Для 618 однофамильцев удалось найти места рождения и нанести их на карту.

Места рождения Буниных из списков безвозвратных потерь в ВОВ согласно сведениям из ОБД «Мемориал». Цветом отмечены места наибольшего скопления фамилии.

Бунины за 400 лет существования фамилии оказались рассеяны по всей территории Российской Империи и СССР, но около 2/3 из них сконцентрированы в полосе от Курска на западе до Балашова Саратовской области на востоке. Практически все – из крестьян, как можно заключить по документам. Эти места в Черноземье заселялись примерно в то же время, когда жил Яков Савельевич Бунин, получивший за службу землю в Мценском уезде. Либо он сам, либо кто-то из его ближайших предков, очевидно, был в числе тех, кто стал осваивать новые земли, принеся с собой старые прозвища. Исходный регион можно вычислить по диалектологическим данным XVII века, если такие доступны.

Если информация о прозвище «буня» из словаря Даля подтвердится, то возможные корни рода Буниных на Рязанщине во многом согласуются с найденной у В.В. Бунина ветвью N1a-Y9022. На тогдашней восточной границе Московского государства происходило смешение русских

с коренными народами Поволжья, у которых эта ветвь представлена на значимом уровне. Свой вклад могли внести и татарские воины, охотно нанимавшиеся в XV-XVI веках на русскую службу и полностью обрусевавшие за 2-3 поколения, как предки Тютчевых, Тургеневых или Карамзиных. Чтобы выяснить какой из вариантов ближе к истине, либо предположить другие версии, необходимы дополнительные данные как по классической, так и по ДНК-генеалогии.

Очень люблю стихотворение Ивана Алексеевича Бунина «Могила в скале», безотносительно, безо всяких привязок к чему бы то ни было люблю. Но в нашем случае, получается, что это стихотворение описывает миг открытия правды о многих тысячах лет существования мужской родовой ниточки Буниных:

*То было в полдень, в Нубии, на Ниле.
Пробили вход, затеплили огни –
И на полу преддверия, в тени,
На голубом и тонком слое пыли,
Нашли живой и четкий след ступни.
Я, путник, видел это. Я в могиле
Дышал теплом сухих камней. Они
Сокрытое пять тысяч лет хранили.
Был некий день, был некий краткий час,
Прощальный миг, когда в последний раз
Вздыхнул здесь тот, кто узкою стопою
В атласный прах вдавил свой узкий след.
Тот миг воскрес. И на пять тысяч лет
Умножил жизнь, мне данную судьбою.*

6.VIII.09

«И на пять тысяч лет умножил жизнь, мне данную судьбою», – прекрасно сказано! Получается, что к Нилу, Нубии,

Египту и пирамидам эта родовая ниточка не имеет отношения, так же, как и к тропическим островам, пирогам и дротикам, так же, как к западноевропейскому средневековому рыцарству не имеет. Она, эта ниточка, тянется в сторону окраинных городов у поля Ельца и Мценска от Алтайских гор. И не пять тысяч лет был сокрыт этот живой и чёткий след, а целых восемь, но разве это что-то меняет? Да и пожалуй, что воскрес не один только далёкий миг, когда узкая стопа неведомого нам человека оставила след, а приоткрылась нам целая цепочка людей, сотен людей когда-то живших на земле, чьих имён мы никогда не узнаем, по крайней мере тех, кто жил раньше XV века, цепочка, тянущаяся к нам из далёкого прошлого, цепочка длиной в десятки веков и тысячи километров. Сами по себе эти новые знания, полученные нами – это величайшая поэзия, поэзия науки, которая потягается с любым, самым гениальным сочинительством.

В сторону пафос, что мы имеем в сухом остатке? Интерпретация Игоря Львовича Рожанского и карты, составленные им же, указывает на то, что «бунинский субклад» N1a-Y9022 в частности характерен для братского татарского народа, хотя является не самым частым у татар. А вот интересно, предки Ивана Бунина на востоке в Поволжье застали Коран и мусульманство, или пришли на запад, на Русь раньше, чем мусульманство пришло в Поволжье? Если застали, то сюжеты и мотивы из Корана в поэзии И.А. Бунина можно рассматривать, как «бесконечно далёкие воспоминания» и тоску по Прародине. Иван Бунин восточнее Волги в Российской империи не был, хотя путешествовать очень любил. Летом 1914 года он по Волге на пароходе проплыл от Саратова до Ярославля. Именно то путешествие подарило нам потрясающее стихотворение «В Орде», в котором есть такие слова:

*...Великий был стан за тобой:
Скрипели колеса, верблюды ревели,
Костры, разгораясь, в дыму пламенели
И пыль поднималась багровою тьмой.
Ты, девочка, тихая сердцем и взором,
Ты знала ль в тот вечер, садясь на песок.
Что сонный ребенок, державший твой тёмный
сосок.*

*Тот самый Могол, о котором
Во веки веков не забудет земля?..*

Конечно, это сочинительство, проявление поэтического таланта автора, игра его воображения и ничего более. А может, далёкие воспоминания и здесь сыграли свою роль? Может быть, поэт в первые военные дни Российской империи, в последней её войне, страшной войне, аукался через тысячу лет со своим древним предком, когда-то сидевшим неподалёку, может быть у соседнего костра, от тихой девочки с младенцем на руках, которого вовек не забудут на земле? Анна Ахматова называла себя чингизидкой, говорят, правда, безо всяких на то оснований. А если основания имелись? Тогда для Ахматовой, чья прабабка в девичестве носила фамилию Бунина, всё обстояло в таком монгольском стане с кострами и кибитками совсем сложно и запутанно.

Вернёмся к интерпретации Игоря Львовича Рожанского. Игорь Львович указывает на то, что ветвь Y9022 оказывается одной из основных генеалогических линий у чувашей, удмуртов, марийцев, коми и хантов. Наше ДНК-генеалогическое открытие по предкам Ивана Бунина обнуляет некоторые его высказывания из книги «Окаянные дни». Например, слова И.А. Бунина о черемисах, чувшах и зырянах, которые чуть не вчера приносили в жертву людей, да и слова о крутом замесе на монгольском атавизме, о кровном слиянии русских с муромой, весью, чудью,

и о типе русских людей, якобы появившихся в результате этого слияния – об «удалых разбойниках» и антисоциальных и антигосударственных бродягах, босяках и так далее. Так получается, что все мы немного зыряне и черемисы, и не нужно на чужь и весь антисоциальность вешать. Чужь и весь не более антисоциальны, чем кто бы то ни было другой. Ушедшие с современной этнической сцены чужь, весь, и ныне здравствующие чувашаи, удмурты, черемисы, они же марийцы, коми, зыряне – получается, что все эти народы с русским народом находятся в кровном родстве. Родственные связи в некоторых случаях не очень близки и не очень тесны, они скорее носят эпизодический характер, но они, эти связи, существуют. И результат Y-хромосомного теста внучатого племянника Ивана Бунина – наглядный пример этих связей. Кстати, монгольское влияние на русский этнос, как выяснила ДНК-генеалогия, отсутствует полностью или выражено в сотых долях процента, и утверждение И.А. Бунина о крутом замесе на монгольском атавизме не имеет под собой никаких оснований.

Приведённые слова И.А. Бунина из «Окаянных дней» до сих пор кто-то вспоминает и цитирует, соглашаясь с ними, или даже опираясь на них, выстраивая свои доводы. А эти слова нужно просто обнулить. Результат теста, полученный нами, обнулil уже эти слова, так же как жизнь обнулила, к примеру, призывы гениального писателя и мыслителя Льва Толстого не сопротивляться злу насилieм, или же его же высказывания о необходимости отказаться от понятия собственность, так же как научные открытия ещё во времена эпохи Просвещения обнулили утверждения Аристотеля о четырёх первичных элементах.

Хочется отметить, что наш результат едва ли не первый результат тестирования на Y-хромосому, который указывает на татарский, или если шире брать, восточный след в происхождении русского дворянства. Общепринятым было мнение, что русские дворянские роды и фамилии, та-

кие как Тургеневы, Державины, Давыдовы и многие другие имеют татарское происхождение. Но ДНК-генеалогия до сегодняшнего дня не имела данных, подтверждающих это. Тестирование потомков рода Буниных совершенно неожиданно дало первое такое подтверждение. Маленький штрих на большом полотне, но важный и интересный, не правда ли?

Но что же получается? Что Бунин теперь у нас исключительно алтаец, близкий родственник якутов? Нет, конечно! Мы знаем, что в роду у Ивана Бунина были Чубаровы, Абрамовы, Трухачёвы, Шеншины (те самые, фетовские), Чапкины, а многих и очень многих мы не знаем. Все эти родовые линии в той же степени предки нашего замечательного писателя, что и представители собственно мужской бунинской линии. Но точных данных по этим родовым веточкам Ивана Бунина ДНК-генеалогия получить не может, или же получение такого результата – чрезвычайно сложная задача. Но скорее всего все эти родовые веточки должны подчиняться общей статистике, которая существует по современной Липецкой, Орловской, Тамбовской, Воронежской областям. Согласно этой статистике в чернозёмных областях больше половины мужчин имеют гаплогруппу R1a. И если уж говорить о «бесконечно далёких воспоминаниях», которые фигурируют в произведениях Ивана Алексеевича Бунина, и о божестве наших предков Агни светлокрылом, разъединяющем со тьмой, из этих воспоминаний, то получается, что Иван Алексеевич имел основания описывать эти «бесконечно далёкие воспоминания» – кто-то из Абрамовых, Чубаровых, Трухачёвых или Шеншиных почти наверняка имели гаплогруппу R1a и их далёкие предки вполне могли быть носителями верований, традиций и ценностей, в которых существовал бог огня, подобный богу Агни. Если кто-то из читателей не улавливает связи между гаплогруппой R1a и древнеиндийским божеством, читайте авторскую колонку Анатолия Алексеевича

Клёсова на Переформате. И подобные же «воспоминания» о египетских пирамидах имеют право на жизнь, если допустить, что у кого-то из предков писателя проскочила гаплогруппа E1 или J2, которые не так редки в русском Черноземье. Предки, носители этих гаплогрупп, тысячелетия назад вполне могли видеть только что построенные пирамиды и даже участвовать в их строительстве.

Герб рода Буниных

А что же у нас по Симеону Бунковскому и по родственным связям с белёвскими Буниными, в том числе с поэтом Василием Жуковским, и с ряжскими Буниными, в том числе с предками географа П.П. Семёнова-Тян-Шанского? Выше я написал, что ДНК-генеалогия позволяет установить бесспорную истину в этом вопросе. Так и есть. Для этого необходимо, чтобы представители прямых мужских ряжской и белёвской линий Буниных протестировались на Y-хромосому. Если, конечно, найдутся такие представители древнего дворянского рода Буниных.

Мы знаем и положительные примеры подтверждения генеалогических сведений ДНК-генеалогией, как в случае с потомками Григория Александровича Морхинина Пушки, родившегося в 1375 году, чьи потомки Пушкины и Му-

сины-Пушкины принадлежат к одной ветке гаплогруппы R1a и, безусловно, являются родственниками. Такая же ситуация и по многочисленным Рюриковичам N1a1, Рюриковичам R1a, Гедиминовичам. Но есть и другие примеры. Потомки Шимона и Африкана Вельяминовы, Воронцовы и Аксаковы – все имеют совершенно разные субклады (веточки) различных гаплогрупп. Да и разделение потомков Рюрика на Рюриковичей N1a1 и на Рюриковичей R1a противоречит генеалогическим сведениям. К слову, не так давно мне попался на глаза автореферат «Род Аксаковых в истории России» на соискание степени доктора исторических наук. Дата автореферата – 2010 год. В этой работе в разделе «выводы» утверждается, что родственные связи между Вельяминовыми и Аксаковыми являются несомненными и доказанными. Представляете, а через несколько лет ДНК-генеалогия своими железобетонными данными опровергает эти утверждения, а уважаемый соискатель к тому времени уже стал доктором исторических наук. Именно поэтому у ДНК-генеалогии имеются недоброжелатели в академической среде – ведь ДНК-генеалогия очень часто развенчивает утверждения и выводы диссертаций и авторефератов на соискание высших научных степеней.

Откуда берутся несоответствия между генеалогическими и ДНК-генеалогическими данными? Вопрос сложный, ответов на него может иметься достаточно много. Возможно, в некоторых случаях и мифотворчество имело место быть при составлении собственной родословной. На такие факты, кстати, указывает профессор С.Б. Веселовский. Уместной в данном случае будет цитата из повести «Суходол» И.А. Бунина, в которой речь идёт о прошлом старинного русского дворянского рода: «Правда, столбовые мы, Хрущёвы, в шестую книгу вписанные, и много было среди наших легендарных предков знатных людей вековой ли-

товской крови да татарских князьков. Но ведь кровь Хрущёвых мешалась с кровью дворни и деревни спокон веку. Кто дал жизнь Петру Кириллычу? Разно говорят о том предания. Кто был родителем Герваськи, убийцы его? С ранних лет мы слышали, что Пётр Кириллыч. Откуда истекало столь резкое несходство в характерах отца и дяди? Об этом тоже разно говорят».

Разумеется, не нужно воспринимать эту цитату, как летописные сведения о роде Буниных, эта цитата лишь иллюстрирует картину жизни русских дворян вообще, вернее, часть этой сложной картины. Поэтому нужно учитывать вышесказанное и не распространять автоматически полученный результат ДНК-теста потомков Алексея Николаевича Бунина, отца писателя Ивана Бунина, и на ряжских, и на белёвских Буниных. Тем интересней будет получить результат Y-хромосомного тестирования по веткам этих дворянских родов. Бунины, ряжские и белёвские – откликнитесь! Давайте вместе попытаемся разрешить любопытнейшую загадку о вашем далёком предке.

И всё-таки предлагаю немного забежать вперёд и пофантазировать. Предположим, что у ряжских Буниных подтвердится гаплогруппа N1a субклад Y9022, такой же, как у Ивана Бунина, тогда касательно Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского рисуется удивительная картина. Что всё-таки этого человека, европейца, впервые исследовавшего и описавшего горы на далёком востоке, совсем рядом с Алтайскими горами, что его потянуло на восток, откуда возник у него интерес к этим горам Тянь-Шанским на юго-востоке Средней Азии? А не «бесконечно далёкие воспоминания» ли сыграли тут свою роль?

И по Василию Андреевичу Жуковскому тоже заманчиво получить какой-либо результат. В данном случае связать Симеона Бунковского, Ивана Бунина и Василия Жуковского, и неоспоримо доказать их родственные связи не является самоцелью. Василий Андреевич, кроме того, что он был

замечательным поэтом, реформатором русской поэзии, он без преувеличения был и остаётся творцом судеб миллионов простых русских людей. Ибо именно он был учителем и наставником будущего царя-освободителя Александра II, отменившего крепостное право, и, видимо, В.А. Жуковский всё-таки повлиял на мировоззрение юного царевича, не мог не повлиять.

Совершенно неважно, какой результат может быть получен у ряжских и белёвских Буниных. Любой результат окажется интересным, любые новые сведения пойдут в копилку знаний о прошлом нашей страны и нашего народа.

А имеется ли какой-нибудь плохой, нежелательный вариант развития событий? Имеется, и только один единственный. Это вариант, при котором неприкрытая пещерная русофобия, или, что гораздо страшнее и печальней, громкоголосое невежество своими дикими воплями отпугнёт, отшатнёт широкие массы от изучения своих собственных корней, мотивируя это некой мифической угрозой, исходящей от тех, кто хочет нас «посчитать». Совсем как в мультфильме о козлёнке, который умел считать до десяти!

– Мы без этого жили испокон веков, а тут вдруг кто-то нас считать вздумал. А давайте его побьём.

О невежестве и о мифических угрозах в «Окаянных днях» Ивана Бунина есть эпизод:

«Октябрь того же года. Пошли плакаты, митинги, призывы: – Граждане! Товарищи! Осуществляйте свой великий долг перед Учредительным Собранием, заветной мечтой вашей, державным хозяином земли русской! Все голосуйте за список номер третий! Мужики, слушавшие эти призывы в городе, говорят дома: – Ну и пес! Долги, кричит, за вами есть великие! Голосить, говорит, все будете, всё, значит, ваше имущество опишу перед Учредительным Собранием. А кому мы должны?».

В общем, нет никаких нежелательных исходов и результатов в ДНК-генеалогии. И подтверждение известных генеалогических данных, и опровержение их, и любые самые неожиданные открытия, к примеру, по династии Романовых, по невинно убиенным царевичам, по древним пруссам и скифам, любые новые сведения о народах, населяющих Россию, возможное палео-тестирование останков Ярослава Мудрого и Ильи Муромца, всё это будет положительным исходом и результатом, всё пойдёт в копилку, всё будет во благо, всё ляжет новыми штрихами на огромном полотне исторического прошлого нашего и других народов, таким, каким это историческое прошлое было на самом деле.

*Низкий поклон за помощь и содействие
Владимиру Владимировичу Бунину,
Татьяне Арсеньевне Родионовой,
Светлане Станиславовне Ивановой,
Сергею Николаевичу Морозову.*

**ПОЭЗИЯ
О БУНИНЕ**

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МАКАРОВ

Липецкая область, с. Становое

РОССИЯ БУНИНА ЖИВА

Д.М. Минаеву

*Д.М. Минаев. У памятного знака
«Бунинская Россия». 2008 г.*

*Пройтись по бунинским местам –
Понять крестьянскую Россию
И полюбить. И здесь, и там –
Простор, дороги полевые.*

*Склоняется в раздумье рожь,
И веет в душу стариною.
Здесь русский дух. Идёшь, идёшь –
Поля да небо голубое.*

*И тишина. И земляков
Родные лица. Травы, речка.
И снова даль: разлив хлебов
И церковь Божия, как свечка.*

*Горят на солнце купола.
Проста молитва и сердечна.
Россия Бунина жива,
И слово бунинское вечно!*

НОСТАЛЬГИЯ

И.А. Бунину

*Париж. Далёкая чужбина,
Непостижимая уму...
И снова белая равнина
Сегодня снилася ему.
Берёзы в поле и дороги,
Пропахший солнцем летний день.
И вид, печальный и убогий,
Далёких русских деревень.
Так ясно виделась пригорки,
В весеннем небе журавли.
И сердцу милые Озёрки,
Где годы детства протекли.
Ах, эти сны, как утешенье
Ему дарованы судьбой.
Но горьким будет пробужденье
Души, измученной тоской.
Как больно и как это грустно,
Влачить печально дни свои.
Быть сердцем и душою русским,
И жить от родины вдали.*

*Средь суеты, житейской прозы
Хранить любовь к родной земле.
И видеть русские берёзы
С отрадой горькою во сне.*

*Церковь Покрова Пресвятой Богородицы,
село Злобин Воргол*

ВЕЧНЫЙ СВЕТ

*Дом в Париже,
где жил И.А. Бунин*

«В летний день проедешь по жаркой, тихой и пустой деревенской улице, привяжешь лошадь у церковной ограды, за которой темно-зелёной стеной стоят, пекутся в зное ёлки. Долго бродишь по кустам, буграм и ямам, покрытым тонкой кладбищенской травой, по каменным плитам, почти ушедшим в землю, пористым от дождей, поросшим чёрным рассыпчатым мохом... Вот два-три железных памятника. Но чьи они? Так зелено-золотисты стали они, что уже не прочтешь надписей на них».

И. А. Бунин. «Суходол»

Людмила Александровна Бунина

*Перед скорбным распятым Спасителем
И тревожно душе и легко.
Где-то здесь, у церковной обители,
Упокоились предки его,
Сёстры, братья. Над старым погостом
Бесконечная синяя даль.
Как всё просто и как всё непросто.
И на сердце и грусть, и печаль.
Камень, холмик... Проходят столетия,
Загораются звёзды во мгле.
И душа, обретая бессмертие,
Оставляет свой свет на земле
В этих солнечных кронах и травах,
И в росинках. И память жива.
И торжественно, и величаво
Храм вознёс над землёй купола.
Пламя свеч, просветлённые лица
И любимые лики Святых.
Он подумал: «Как сладко молиться
За ушедших и за живых!».*

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

«Позавчера поехал в Ефремов. Ночевал не во флигеле, а в доме. Утро с большой изморозью. Ходили с Евгением за покупками. В 1 ч. уехали. Оглянулся – нежно и грустно защемило сердце, – там, в роще лежит моя мама, которая так просила не забывать её могилы...

Ехали на Бабарыкино, потом на Кожинку, не доезжая Кожинки, свернули, мимо Новиковой, потом под гору, на гору, на мельницы и на Веригину».

Из дневника И.А. Бунина.

12 октября 1917 года

*Позади Ефремов. Впереди
Долгий путь, короткий день осенний.
Сердце грустно замерло в груди
От предчувствий горьких и прозрений.*

*И душа наполнилась тоской.
Он на город посмотрел устало:
«Где-то там лежит в земле сырой
Та, что колыбель мою качала.*

*Мама, мама! Образ твой храню.
Он мне душу, мама, согревает.
Я печаль от глаз людских таю.
Как тебя мне в жизни не хватает!»*

*А рыдван подержанный скрипит,
Крутятся без устали колёса.
И берёза вслед ему глядит,
Словно мать, задумчиво, с откоса.*

*День осенний догорел, погас.
Свет луны, ложатся тени грустно.
Показалось вдруг – в последний раз
Едет он дорогой этой русской.*

Памятник И.А. Бунину в Ефремове

ПРЕДАННАЯ МУЗА И ЖЕНА

Памяти В.Н. Муромцевой-Буниной

*Признанный, гонимый, неприкаянный.
Трудно жил он. Сколько в мире зла!
Муромцева Вера Николаевна
Вместе с ним достойно крест несла.*

*И ни жалоб горьких, ни упрёков,
Только б он единственный любил.
Как ей бедной было одиноко,
Когда Бунин в вечность уходил.*

*Кончились и муки, и скитания.
Без него так грустно всё кругом.
С ней теперь одни воспоминания –
Светлые страницы о былом.*

*Вот они в Москве и в Палестине,
В Галилее – сколько разных стран.
Солнце, море, воздух синий-синий,
И такой родной, любимый Ян.*

*Капри. Горький. Как всё интересно.
Только Родина по-прежнему близка.
А потом безвременье, Одесса,
И чужбины горечь и тоска.*

*Но придёт признание в Стокгольме.
И отступит будней маята.
Всё, что было, помнится до боли:
И успех его, и нищета.*

*Вот и точка, наконец, поставлена.
Чаша жизни выпита до дна.
Рядом с мужем Вера Николаевна –
Преданная муза и жена.*

БУШУЕТ ПОЛАЯ ВОДА

*Бушует полая вода,
Шумит и глухо, и протяжно.
Грачей пролётные стада
Кричат и весело, и важно.*

И.А. Бунин

*Весенний светлый день далёкий
Запал мне в сердце навсегда.
Я прочитал впервые строки:
«Бушует полая вода».*

*Она и правда бушевала,
Шумела радостно вокруг.
И заливала, заливала
Небесной синевую луг.*

*Сияли солнечные дали.
Торжественно, как никогда.
И в небе весело кричали
Грачей пролётные стада.*

*Всё было так, как в старой книжке –
Такой любимой и родной:
И тёплый запах талой крыши,
И запах сада. Боже мой!*

*И мне хотелось насмотреться
На это празднество земли...
Давно ушли весна и детство,
И воды вешние ушли.*

*Но вспомню бунинские строки
И словно в детстве – сам не свой.*

*И тот весенний день далёкий
Во всей красе передо мной:*

*Сияет солнце и над лугом,
Кричат грачиные стада
И по оврагам, по яругам
Бушует полая вода.*

В ОЗЁРКАХ

Поклонникам И.А. Бунина посвящается

Бунинский фестиваль в Озёрках

*В Озёрках осень. Расцвела сирень
На удивление в такое время года.
Вы помните, стоял чудесный день,
И ликовала русская природа.*

*И ликовала русская душа,
Желая в песне радостной излиться.
И в хороводе, весело кружа,
Сияли взгляды и светились лица.*

*Как хорошо, просторно здесь и там.
Ласкал листочки ветерок игривый.
И всё казалось, выйдет Бунин к нам,
Как в юности, и статный, и красивый.*

*Окинет взглядом праздник дорогой
И вспомнит свои годы золотые.
В родных Озёрках, на земле родной,
Он не забыт, он так любим в России!*

*Гулял народ. Плясала детвора.
И задушевно, и сердечно пелось,
И прибавлялось света и добра,
И уезжать отсюда не хотелось.*

Гулял народ. Плясала детвора

*Из этих милых несравненных мест,
Где не смолкают звонкие гармони,
Где ширь полей и синева небес,
И вся Россия словно на ладони.*

*Великая. Достойная похвал,
Чья слава не померкла и поныне.
Не зря по ней так Бунин тосковал
И завещал хранить её святыни.*

ЕХАЛ БУНИН

Скачет пристяжная, снегом обдаёт...
И.А. Бунин

*Над Озёрками, Злобино, Грунино.
Над Петрищево сказочный снег.
И опять вспоминаю я Бунина
И родной девятнадцатый век.*

*Так же пахло морозцем и снегом.
Русь, во правду, зимой хороша!
Ехал Бунин, на родину ехал.
И от радости пела душа.*

*А навстречу деревни и сёла –
Сколько мудрости в их простоте.
И звенел колокольчик весёлый
О заветной и тайной мечте.*

*И катились добротные санки,
И тянулись до неба дымки.
Улыбались смущённо крестьянки,
И раскланивались мужики.*

*И гармоника пела красиво.
И светилось родное окно.
Ехал Бунин довольный, счастливый...
Как же это было давно!..*

С. Басов. Зимний пейзаж

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ НАЗАРОВ

Санкт-Петербург

БУНИНСКАЯ ТЕТРАДЬ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

*Я тебе расскажу никогда ни о чём никак,
О привычке к жизни, что приближает смерть,
Если прежде что-то сказано на века,
Так на это не стоит теперь смотреть.
И поэтому лучше плотнее закрыть глаза,
Улыбнуться прошлому, тихо шагнув за грань,
И уже не важно, о чём не успел сказать
В три часа до рассвета... такая рань...
Над Озёрками сизый туман разбавляет мглу,
И плывёт тишина, лишённая всех примет,
В обжитом привычном чужом углу
Я чужой забытый смешной предмет,
Я предмет умолчанья, не вписанный во вчера,
И в сегодня, и в завтра, и в небо парижских крыш.
Я тебе помолчу, вот такая у нас игра,
Я тебе помолчу, и, пожалуйста, ты услышь...*

*Память рвущейся там, где тонко, ткани,
Мнящейся прикосновеньем праха...
Молитва избавленья от воспоминаний
В маленькой квартирке на улице Оффенбаха.
Прошлое, давно переставшее быть спасеньем,*

*И нарост одиночеств уже не рождает строки,
А мир надевает последний наряд осенний,
И шепчет о том, что грядут последние сроки.
А мир так жесток в последней нежности к смертным,
И всё истончается – платье, лицо и голос,
И воздух редееет, но душно перед рассветом,
И ты распят на пространстве постели голом,
Что в саванном полумраке веет тебе саванной,
И путаная мысль становится пугающе ясной,
И немота накатывает океаном,
Дивным, ошеломляющим,
но всё равно напрасным...*

*Чтобы понять, как всё случилось когда-то,
нужно увидеть эти старые камни,
отливающие медью в лучах заката,
нужно коснуться этих камней руками,
прижаться к ним телом и стать их плотью,
шероховатой, морщинистой, ноздреватой...
которая жизнь мимо них проходит,
они ей смотрят вслед виновато,
старые камни у кромки прибоя,
остывающие неторопливо...
и никто не поймёт, что случилось с тобой
осенним вечером у залива...*

*Уродливый трагизм существования
читаешь в жестах, выпавших из рук,
и вечность – только вечер на диване,
в тоске постичь извечную игру –
нет, не любви и смерти, это плоско, –*

*поскольку ни любви, ни смерти нет,
и бледной, узкой, тающей полоской
глядится в окна сумрачный рассвет...*

*Сад покажется чёрным – в осенней ночи промок,
и листья не спасти, взгляд в пространство бездонно слеп...
С детства быть обречённым: богоизбранности ярмо,
богооставленности нищенский чёрствый хлеб...
Чувство смерти врождённо и вплавлено в нас,
и о чём ты расскажешь ночной тишине,
откликаясь на вечности воющий глас?
Ничего, ничего, ничего обо мне...
Заповедные топи родимой глуши,
непробудные дебри славянской души,
мне на горькую явь страшный сон расскажи,
медный крестик на боль в узелок завяжи...
День покажется серым – на вылинявшей меже,
на осенней стерне колет ветром твои глаза...
И тебе не видать, не видать как своих ушей,
не слышать, не слышать, никогда не прийти назад...
Чувство жизни ты выносил в путях дорог,
и опять, к пустоте прислоняясь плечом,
повторяешь заученный с детства урок:
Ничего, ничего, ничего ни о чём...
Речью вымерять время и стать немотой,
не шептать ускользнувшем мгновеньям постой,
Облетать пожелтевшей печальной листвой,
Наполняясь осенней как мир пустотой...
С детства быть обречённым: богоизбранности ярмо,
богооставленности нищенский чёрствый хлеб...
Сад покажется чёрным – в осенней ночи промок,
и листья не спасти, взгляд в пространство бездонно слеп...*

*Слава Богу, что во мне не чистая русская кровь,
Что меж мной и прошлым лежит океан.
Ты, судьба, венец мне мученический не готовь...
И она окликает его этим кратким и чутким: Ян.
И потом она виновато молчит в ответ
На его вопросительный взгляд, мол, что там ещё?
И на лицах – его и её – невечерний свет,
И сомнительный мусор жизни уже ни при чём...*

*Голосом Сирина вечность тебя позовёт,
Зелёной звездой, смарагдом в дивной ночи,
Кому нужны твоё одиночество, горе твоё,
Завалы ненужных следствий и их причин.
Ты просто один на свете на этот раз,
И рядом любимый голос не зазвучит,
И под тобой какой-то жёсткий чужой матрас,
И в прошлом пальто забыты твои ключи,
Ключи от двери рая, смешной фантом,
Но вот ты встаёшь, но вот зажигаешь свет,
В пространстве вечности в старом своём пальто
Бредёшь по бессмертно шуршащей внизу листве,
И голос Сирина – вечность в тебе звучит,
Зелёные звёзды-смарагды горят в ночи,
И нет ничего: ни следствий, ни их причин –
И тихо-тихо в кармане звенят ключи.*

*Жизнь закончилась, осталось только время,
Взятое зачем-то на поруки...
Письма... дневники... пищеваренье,*

Несваренье дат, отрыжка скуки,
Только болью по ночам разбужен,
Поневоле думаешь о вечном...
Дождь идёт, а утром будут лужи
И лучиться будут светом млечным,
И случится счастье – беспричинно,
Как, наверно, всё на этом свете.
Мы с моей безвременной кончиной
Этого, быть может, не заметим,
Как всегда на пустяки отвлѣкшись,
В слабости природы человеческой...
Поутру притихший двор промокший
Так лучиться будет светом млечным,
Что случится чудо – неизбежно,
Главное – суметь его заметить.
Утро будет несказанно нежным,
Как, наверно, всё на этом свете...

Зимнее, серое, мягкое, зыбкое,
словно в дыхание бога закутано...
в мир – с виноватой какой-то улыбкою
мы – дорожившие каждой минутою...
так не сбывается наше вчерашнее,
мы не сбываемся, всё забывается,
надпись на всём: осторожно, покрашено...
белое снежное чистое таинство...
мы рождены, чтоб искать оправдания,
вечно терзаясь сердечною смутою,
в дальности времени и расстояния
я окончательно всё перепутаю,
и, охранѣнный своею ошибкою,
вижу, как неотвратимо сбывается

*зимнее, серое, мягкое, зыбкое,
белое снежное чистое таинство...*

*Какая радость – видеть этот свет,
И лёгкий дым, невнятно-голубой,
Как странно, что меня на свете нет,
А это всё по-прежнему со мной.
Так мало нужно: видеть и дышать
И чувствовать, как дорог миг любой,
Листвой опавшей в сумраке шурша...
И это называется: любовь.
Ложится снег на жёлтую траву,
Ложится тишина в конце строки...
Как странно, что я всё-таки живу
Природе и рассудку вопреки.
Так мало нужно: тихий-тихий сад,
И робкое предчувствие любви,
И пруд ночной, что смотрит в небеса...
И это... как угодно назови...*

*Можно просто закрыть глаза и лечь на диван,
Напоследок бывшее пересмотреть не спеша...
Это свет твоей скорби светит тебе, Иоанн,
Чтоб слова молитвы рождала твоя душа.*

*Пусть молитва молитве рознь (и трюизм не в счёт),
Он зачтёт за неё тихих строк твоих рай и ад,
Но, уже понимая, что прошлым навек прощён,
Ты зачем-то оглядываешься назад.*

*Ты зачем-то видишь всё тот же туман и снег,
Заметающий в прошлом все мыслимые пути,
Ты бормочешь что-то в предсмертном блаженном сне,
То ль прощаешься, то ли просишь себя простить.*

*Повторяешь опять кому-то: ну как он мог...
(Только слов оправданья не отыскать)
Изменяющий состраданию страшный бог,
Чья претензия к миру казалась порой близка.*

*Но мгновенье – и как неважен уже вопрос,
И житейские дразги, и колкость смешных обид,
Всё сложилось, и всё наконец сбылось,
И уже отпускает, уже почти не болит.*

*И грааль и Грасс сопрягаются через звук,
Наполняются светом и музыкой голосов...
Ты коснёшься губами нежных любимых рук,
Вновь поняв, как в сущности не готов*

*Уходить из этой горькой земной глуши,
Что зачем-то опять полна неземных примет.
И ты шепчешь кому-то о том, что он поспешил,
И по тёмной аллее идёшь в невечерний свет.*

ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВНА БОРИСОВА-ОЗЁРНАЯ

КОСЦЫ

К 140-летию И.А. Бунина

*«И они шли и пели среди её вечной полевой тишины,
простоты и первобытности с какой-то былинной
свободой и беззаветностью».*

И.А. Бунин, рассказ «Косцы»

*Рязанские косцы косили травы,
И дело у них спорилось в руках.
Не скуки ради и не для забавы
Они косили с песней на устах.*

*Всё это было – но в другом столетье,
Всё это было – но в другой стране.
Осталось только луга многоцветье,
Да песня иволги, как плач по старине.*

*Трещат косилки на участках дачных.
Век двадцать первый свой мотив врубил.
На свалке бомж ругается так смачно,
Рязанский говор он давно забыл.*

*Забыл язык своих отцов и дедов.
Охрипший голос и потухший взгляд.
Изнанку жизни до конца изведав,
Не в силах повернуть уже назад.*

*Но зуд в руках, нелепых без работы,
Проймёт его однажды до костей,
И косу взяв, припомнит он те ноты –
Мотив забытый русских косарей.*

*Труд праведный косца благословляя,
Над храмом крест заблещет в небесах.
И песня, задушевностью пленяя,
Вдруг зазвонит на пойменных лугах.*

**ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА
КАРАСЁВА**

*с. Петрищево, Липецкая область
Становлянский район*

**НОЧЬ НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА
В БУНИНСКИХ ОЗЁРКАХ**

*От луны по стеклу побежала дорожка.
Робко топчется ночь у закрытых дверей.
Спит заснеженный дом, дремлет сад за окошком,
Тишина и покой, да безмолвье полей.*

*Эта ночь января – нам от Бога посланье,
Что придёт на планету Земля торжество,
Дивный космоса дар и великое знание:
С нами – Господа Сын и Его Рождество!*

*Деревенька в глубинке. Шестое, – сочельник.
Звёздный купол небес льёт свою благодать,
Затаили дыханье дубрава и ельник,
Лёд в пруду отражает волшебную гладь...*

*Обнажилась душа, (чувства вылились в строки),
Возрождённая снова, она не болит,
Богородицу славит с Младенцем, Озёрки,
Окрылённая, к Богу стихами летит.*

*Он поймёт и простит, и ЛЮБОВЬЮ пребудет,
Ведь по жизни с молитвой и верой иду.*

*...Так же в небе ночном юный Ванечка Бунин
Отыскал чутким сердцем Господню Звезду.*

26.01.19

ПОРА СЕНОКОСНАЯ

*Ах, сенокосная пора!
В лугах витает дух медвяный,
Блаженно нежатся поляны,
Стоит июньская жара.*

*Порхает яркий мотылёк,
Трещит кузнечик непрерывно.
Июнь зовётся «сеноставом»
За роскошь трав да солнцепёк.*

*Кто расстелил цветной ковёр
Из незабудок и ромашек,
Из розовых душистых «кашек»
Кто выткал радужный узор?!*

*Как разукрашен небосвод
Лазурью акварельно – тонкой!
То – сердцу милые, Озёрки,
Где образ бунинский живёт.*

*О, земляничная пора!
Как сладок свежий запах травный!
...И я опять в гостях у мамы,
С беседой тихой до утра...*

20.06.19

ПОЁТ ГАРМОШКА В БУНИНСКИХ ОЗЁРКАХ

*Поёт гармошка в бунинских Озёрках,
Так нежно, что соловушка затих.
И гармонист душевно, без позёрства,
В мелодию свою вплетает стих,
О милой роце, розовых закатах,
О тоненькой рябине под окном,
Всё повторилось снова, как когда-то,
Когда был жив ещё дворянский дом,
И слабым светом теплились оконца,
И песня замирала в тишине,
И незаметно луч последний солнца
Бесследно растворялся в вышине.
...Сейчас, как прежде, светит месяц ясный,
Да опадают яблоки в траву..
И в этот вечер, сказочно-прекрасный,
Я бунинскими чувствами живу,
На Божий мир смотрю его глазами,
Судьбу за всё, за всё благодарю:
За радость встреч, потери со слезами.
За то, что я дышу, живу, люблю!*

24.06.19.

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ЧЕРНОГЛАЗКИН

г. Москва

ЖИЗНЬ ПОЭТА

*Московской редакции будни
Средь купчиков и рысаков...
«Как Ваша фамилия? Бунин?
Стихи? Нет, не надо стихов...
Какие стихи? Ей-же Богу,
Вокруг – девятнадцатый век!»
И так вот – с разбега, с порога –
Вполне однозначный ответ.
Но дальше – но дальше запела
Себе стихотворная жизнь –
И даже не в Нобеле дело –
Что Нобель? Приятный сюрприз... –
А в том, что поэзии горечь –
Любовного слаще вина,
И бурных, и дружеских сборищ –
Всего, чем туманит весна.
И жизнь, пролетая, как ветер,
В стихах отзывается, где –
Твой век бесконечен и светел,
И звёзды – в овражной воде...*

СВЕТЛОРУССКОЕ

*И трепетность, и сладость бытия,
И чувственность просторов светлорусских –
Всё это доля лучшая, моя,
Какие б жизнь ни выдала нагрузки.
Под Солнцем золочёный перелив –
Томительной любви непостоянством –
Таких прекрасных, жарких, спелых нив –
Как чистый шёлк классических романсов.
Вот выцветет ночей разлитых тушь.
И властвует во всей волшебной силе
Неторопливо-солнечная глушь
Медово-ослепительной России –
Медово-ослепительной поры
Тургеневского, бунинского лета
Горящей многоцветьем стороны –
Всем многоцветьем солнечного цвета.*

ОБЛАКА

(Памяти И. Бунина)

*Над Грассом проплывают облака,
Они плывут с востока, из России –
Томительные, белые, родные,
Широкие, как русская тоска.*

*Плывут, плывут – и не понять нельзя,
Что так напоминают пароходы
Дней окаянных Белого исхода –
Картины, отраженья, образа...*

*Над Грассом проплывают облака
Обрывками небес российской дали –*

*И ясно вижу я её, пока
Храню любовь на празднествах печали.*

*Случается – из торжища огней
Я выйду в сад, где тёмные аллеи,
И где со мной безмолвно говорят
Те облака, что – всех иных – белее...*

РУССКИЙ ПАРИЖ

*На русских просторах Парижа –
до Сен-Женевьев-де-Буа –
Империи ветры всё тише –
столетия вечность прошла.
В Истории книжной – живые,
а в жизни – окончен парад –
полковники и рядовые,
и Нобеля лауреат.
От вечности к вечности – дальше –
где память не стянет узла –
от веры и правды, от фальши,
от света земного и зла.
Лишь звуком протянется имя
в бескрайнюю дальность веков –
и внуки приходят чужими
к могилам своих стариков.*

И. БУНИНУ МОСКОВСКОМУ

*Вы – памятник на новой Поварской,
А странно было б, если бы на старой –
На той, что называлась Воровской –
Как Белла Ахмадулина сказала.*

*Ах, шахматная партия эпох –
Где белым уготован грозный эндшпиль,
Но мир один – он не хорош, не плох –
А весь – в ветрах порывистых, мятежных.*

*Пусть катится планета день за днём,
Отсюда – и до самого Парижа –
Но Вы вернётесь – мы Вас подождём
И станете своей эпохой ближе.*

*И будете над пёстрою толпой
Стоять опять привычно-одинок –
И будет течь по новой Поварской
Эпох странноприимная эпоха.*

КАК МНОГО БУНИНЫХ В РОССИИ

*Как много Буниных в России,
Не по фамилии – по сути! –
Как бы в Италии – Россини
Или Челлини (Бенвенуто...),
А в Польше, может быть, Шопенов –
Сладкозвучащих Фредериков –
А в море – волн тяжёлых, пенных,
Как медленная дверь со скрипом,
Как будто берег молчаливый,
Как будто встречи – расставанья,
Как будто век – неторопливый,
Пусть даже век – одно название.
И Чехов тоже – где-то рядом,
Идёт – бредёт себе, гуляет,
Грустит по Вишнёвому саду
И по усадьбам с тополями.*

*И мы – подстать – грустим о прошлом,
Неважно – стАры ли, не стАры,
В нас бродят бунинские дрожжи,
Гудят «Славянские базары» –
И хочется туда куда-то,
Где было просто и знакомо,
Где отдавали честь солдаты
Штабс-капитану Гумилёву...
Или фамилии – другие? –
Любую, впрочем, нарисуйте...
Как много Буниных в России,
Да все мы – Бунины, по сути...
И не бывать чему – не будет,
Опять волной накатит небыль,
И снова бунинские судьбы
Под бесконечным русским небом.*

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ РОДИОНОВ

*Сын внучатой племянницы И.А. Бунина,
Т.А. Родионовой (Буниной)
Москва – Ефремов*

*На Родине главы семьи
есть памятник великому поэту.
Кто Нобелем отмечен был,
оставив Миру лучшие сонеты.
Идут года, сменяя поколения,
знакомят предков и потомков времена,
И мы запоемнм те великие заветы,
что вписаны высоким словом на века.*

*Внук внучатой племянницы И.А. Бунина
у памятника великому предку,
город Ефремов*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрикосов Дмитрий Петрович – доцент кафедры КОИПИ Московского Университета Печати, публицист, лектор. Занимается изучением и пропагандой наследия третьего сословия России и конкретно – Надежды Николаевны Крамарж. Имеет публикации по теме роли купеческого сословия в культуре России в сборниках: «Русская усадьба» №25, «Вторые Юргенсоновские чтения». Участник научных конференций. Автор нескольких монографий.

Акакиева Ольга Юрьевна – член Бунинского общества России, филолог, преподаватель театрального факультета Заочного народного университета искусств, член Огркомитета и жюри Московского открытого конкурса чтецов, артистка Театра-студии «Слово», обладатель общественной награды «За заслуги в культуре и искусстве». *Москва.*

Борисова-Озёрная Валентина Александровна – прозаик и поэт. Член Литературного объединения имени Дм. Кедрина, участник клуба «Литературный вектор». Её литературный дебют состоялся в 1995 году в журнале «Бежин луг» издательства «Роман-газета». С тех пор её произведения печатались в сборниках литературного содружества «Вдохновение», в литературно-художественных альманахах «Кедринцы», «Полдень». В 2003 году вышел в свет сборник рассказов «Просто Венера». В 2013 году вышел сборник стихов и рассказов «Цветок живой, благоуханный...», в дальнейшем и другие сборники стихов и рассказов. *Московская область, Мытищи.*

Деронн Наталья Николаевна – член Бунинского общества России, писатель, член Международного Союза писа-

телей «Новый современник», член Интернационального Союза писателей. *Москва*. Читать об авторе:

http://www.litkonkurs.com/?dr=protocol_dview.php&aid=74356

в соцсетях: FB: <https://www.facebook.com/natasha.dron>.

Зиборов Вячеслав Николаевич – член Бунинского общества России, корреспондент районной газеты «Звезда» Становлянского района Липецкой области, член Союза журналистов России, член международного объединения журналистов казачества, депутат Становлянского сельского поселения, председатель общественного Совета при Отд. МВД России по Становлянскому району Липецкой области, атаман Елецкого казачьего округа Международного союза общественных объединений «Всевеликое Войско Донское», генерал-полковник казачьих войск, Герой национального возрождения Донского казачества. *Липецкая область. с. Становое*.

Карасёва (Панова) Любовь Николаевна – родилась в селе Талица Елецкого района Липецкой области. В 1979 году окончила Елецкий государственный педагогический институт, (ЕГУ им. И.А. Бунина), факультет русского языка и литературы. Около 30 лет жила и работала на Крайнем Севере. По семейным обстоятельствам в 2007 году вернулась на родину и поселилась в селе Дмитриевка (Петрищеве) Становлянского района, по её словам, «поближе к Бунину». Стихи пишет с юности. Тематика стихотворений различна: детские стихи, духовная, пейзажная и любовная лирика.

На Днях российской литературы, проходивших в Липецкой области в июне 2008 года, творчество Любви Карасёвой получило высокую оценку профессиональных поэтов. В 2010 году вышла её первая книга стихов «Да пребудет со мною любовь!». В сентябре 2015 года вступила в Общероссийский Союз писателей «Воинское содружество». Стихи Любви Карасёвой печатались в литературных изданиях:

«Роман-журнал XX1 век», «Петровский мост», «Родная Кубань», в сборниках и альманахах, в том числе в первом выпуске альманаха «Бунинские Озёрки». Песни на стихи Л. Карасёвой исполняют известные музыкальные коллективы. Её поэтический почерк узнаваем и любим поклонниками поэзии. *Становлянский район Липецкой области, с. Петрищево.*

Крюкова Наталья Григорьевна – член Бунинского общества России. Творчество И.А. Бунина давно занимает ведущее место в научных интересах кандидата филологических наук Натальи Григорьевны Крюковой. Она известна своими публикациями в журнале «Вопросы литературы», в периодических изданиях и научных сборниках Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, Института права и экономики (г. Липецк), Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского. В стремлении популяризировать творчество И.А. Бунина среди молодёжи Н.Г. Крюкова стала инициатором и создателем школьного музея «Бунинская Россия», организатором научно-теоретических конференций, научных чтений в вузах и школах, посвящённых жизни и творчеству И.А. Бунина. В 2017 году в липецком издательстве «Де-факто» вышла её книга «На пути к Бунину», в которой Н.Г. Крюкова поделилась ранее неизвестными фактами из творческой биографии писателя, своими впечатлениями о встречах с любителями творчества И.А. Бунина, знавших его ещё при жизни, рассказала об учёных, которые, начиная с 50-х годов прошлого века, внесли большой вклад в изучение и сохранение творческого наследия первого русского лауреата Нобелевской премии в области литературы. Основным источником книги и публикаций служат дневники и письма Ивана Алексеевича Бунина, по убеждению автора, это помогает воссоздать правдивую картину жизни и творчества великого русского писателя. *Москва.*

Корольков Михаил Иванович – действительный член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург), председатель Липецкого областного отделения ВООПИиК. *Липецк.*

Макаров Юрий Алексеевич – член Бунинского общества России, Союза российских писателей, Почётный гражданин *Становлянского района Липецкой области, с. Становое.*

Макарова Елена Вячеславовна – член Бунинского общества России. *Становлянский район, Липецкая область, с. Становое.*

Маркова Елена Николаевна – краевед, лауреат Всероссийского конкурса в Крыму 2018-го года за исследовательскую работу «Бунинские тропы к Грунинскому храму». Ученица МБОУ ОШ села *Грунин Воргол. Липецкая область, Становлянский район.*

Минаев Дмитрий Михайлович – Председатель Бунинского общества России, кандидат технических наук, автор и составитель более 12 книг, многих статей в газетах и журналах. *Москва.*

Муромцева Мария Алексеевна – филолог, писатель, поэт, исследователь-генеалог. Член Союза писателей России, автор 25 книг, в том числе по истории и генеалогии рода Муромцевых и отдельных его представителей, также является автором 8-ми сборников стихов. *Москва.*

Назаров Александр Васильевич – член БОР, учитель русского языка и литературы, ГБОУ «Санкт-Петербургский губернаторский физико-математический лицей № 30». *Санкт-Петербург.*

Пикулева Галина Ивановна – кандидат искусствоведения, автор книг по истории русского искусства и российской словесности, в том числе «Московский Пушкин», «Московская быль Ивана Бунина», «И.А. Бунин и имена театральной России». Публицист в области культурологии, автор поэтических сборников «Седина на траве», «Пространство души». Член Международного Художественного фонда, Ассоциации «Бунинское наследие», объединения Бунинское общество России. Награждена памятной бронзовой медалью в честь 140-летия И.А. Бунина. *Москва.*

Потапов Александр Николаевич – член Бунинского общества России, известный поэт, публицист, краевед. Окончил факультет иностранных языков Рязанского государственного педагогического института и Литературный институт имени А.М. Горького. Публиковался в центральных газетах, журналах, альманахах, антологиях. Автор более четырёх десятков книг поэзии и прозы. Лауреат нескольких литературных премий. Награждён почётным знаком «За заслуги перед Рязанью», медалями «За казачью волю» и «200 лет Георгиевскому кресту». Член Союза писателей России и Союза журналистов России. *Рязань.*

Петров Владимир Михайлович – член Бунинского общества России, прозаик, публицист, журналист, родился в с. Замартынье, ныне Добровского района, окончил Воронежский технологический институт. После службы в органах МВД, Владимир Михайлович работал на строительстве предприятий перерабатывающей промышленности Липецкой области.

С 1989 года он стал заниматься журналистской деятельностью. Работал корреспондентом профсоюзной газеты «Единство». В 1991 году стал членом Союза журналистов. С 1996 года В.М. Петров был корреспондентом, обозревателем, заведующим отделом, редактором отдела экономики

в областной «Липецкой газете». В 2000 году он был избран членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств. С 1992 года Владимир Михайлович – член Союза писателей России.

Его перу принадлежит ряд историко-краеведческих работ. В своём литературном творчестве он особое внимание уделяет И.А. Бунину. В.М. Петров пишет повести, рассказы, публицистику. Автор свыше 15 книг, «Слобода», «Под небом Суходола», «На перекрёстке двух дорог», «В мире круга земного...», «И остави нам долги наша...», «Бег облаков», «Белым снегом», «Чаша бытия».

Писатель является лауреатом областной премии им. И.А. Бунина 1996 года за книгу «Под небом Суходола», 1999 года – за двухтомник прозы «На перекрестке двух дорог» и «Бег облаков», городской литературной премии имени Алексея Липецкого 2015 года – за книгу «И будут сроки».

В 2008 году В.М. Петров был награжден знаком отличия «За заслуги перед Липецкой областью». В 2018 году он получил почётную грамоту правления Союза писателей России за вклад в развитие современной русской литературы.
г. Липецк.

Пичуричкин Сергей Анатольевич – журналист, издатель, писатель. Заслуженный работник культуры РМ. Председатель художественного Совета ГБУК г. Москвы «ЦБС ЦАО». Кандидат социологических наук. Клинический психолог. Сертифицированный НЛП-практик. *Москва.*

Родионов Сергей Анатольевич – поэт, автор стихотворений об истории родного края, потомок И.А. Бунина, сын внучатой племянницы Т.А. Родионовой-Буниной, член Бунинского общества России. *Москва.*

Рыльчиков Илья Валерьевич – член Бунинского общества России, буниновед, автор многих публикаций по твор-

честву И.А. Бунина и его жизненному пути, постоянный исследователь и открыватель бунинских мест в Липецкой области. *Московская область, г.п. Малаховка.*

Рожанский Игорь Львович – член Академии ДНК-генеалогии, один из ведущих специалистов в области ДНК-генеалогии, кандидат химических наук. *Москва.*

Слёзкина Галина Петровна – член Бунинского общества России, окончила Воронежский университет, изучала историю литературы и теорию журналистики. Много лет сотрудничала в районной и областной газетах. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России.

В коллективном сборнике «Молодая проза Черноземья» опубликована её повесть «Преодоление», отрывок из которой вошёл в «Антологию современной литературы Белгородчины». В 1995 году вышла книга её критических статей «Обрести себя» (Опыт критического взгляда на прозу Белгородчины восьмидесятых годов XX столетия). Публиковалась в Белгородском журнале «Звонница». В издательстве «ЛитКараВан» (Белгород) в 2015 году вышел сборник её стихов. *Посёлок Уразово. Белгородская область.*

Смирнова Светлана Алексеевна – член Бунинского общества России. Родилась в Подмосковье. Выросла и живёт в городе *Уфа*. Училась в Башгосуниверситете на факультете филологии с 1969 по 1971 годы. В 1977 году окончила Уфимский библиотечный техникум, ныне Уфимский колледж библиотечного дела и массовых коммуникаций. Работала в научных и вузовских библиотеках города.

Финалист национальной премии «Писатель года-2014», г. Москва.

Награждена Дипломом в номинации «Лучшая краеведческая проза -2015» за повесть «Неземной цветок» он-лайн издательства «Книжный ларёк» города *Уфа*.

Автор 9 книг:

«Старые вышивки». Стихи. Новокузнецк, 2006 г.

«Неземной цветок». Проза. Уфа, 2014 г.

«Поздняя весна». Стихи. Канада, 2015 г.

«Гжель». Стихи. «Мегалит», Кыштым, 2015 г.

«Две стороны луны». Стихи. «Мегалит», Кыштым, 2016 г.

«Ожидание снега». Стихи. Канада. 2017 г.

«Квадратик кварца». Повесть. Канада. 2017 г.

«Зелёные огни». Стихи. Канада. 2018 г.

«Ариаднова нить». Стихи. Канада. 2019 г.

Публиковалась в альманахах: «Петрополь», №10, 2006 г., Петербург;

«Лёд и пламень», № 3, 2015 г. СРП. Москва; «Порт-Фолио», Канада; «Голоса вещей-2», Уфа, 2008 г.; «Европейская словесность». Вып.10, 2016 г. Германия, Кёльн; «Клазура», Москва; «Русский глобус». Международный интернет – журнал. № 5, 2018 г. Произведения помещены в журналах «Бельские просторы», Уфа, в «Журнале ПОэтов», Москва; «Фабрика литературы», Киев.

Публиковалась в коллективных поэтических сборниках:

«Листая старые тетради», Уфа. «Слово», 2004 г.,

«Там, где я тебя люблю», Уфа. «Информреклама», 2005 г.;

«Пою тебя, любимый город». Новые стихи об Уфе. Уфа.

НМЦ «Педкнига», 2007 г., в «Азбуке Уфы», 2013 г.

Черноглазкин Сергей Юрьевич – член Российского союза писателей, автор поэтических сборников и ряда других публикаций. *Москва.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора	3
К 150-летию со дня рождения И.А. Бунина	7

1. Буниниана

<i>Пикулева Г.И.</i> Бунин и художники России	17
<i>Минаев Д.М.</i> Бунин и Пушкин	37
<i>Муромцева М.А.</i> О родственных связях В.Н. Муромцевой-Буниной	45
<i>Потапов А.Н.</i> «Ангел мятежный»	61
<i>Петров В.М.</i> «И был увенчан я...»	77
<i>Корольков М.И.</i> Проект «Русской Сафо» императору не представили	96
<i>Деронн Н.Н.</i> И всё-таки Бунин остаётся «новым живым»	104
<i>Абрикосов Д.П.</i> «Размышления о нашей истории, сделанные на полях неизвестного письма И.А. Бунина»	120

2. Творчество Бунина

<i>Крюкова Н.Г.</i> «Было бы бесстыдно быть таким интимным...»	135
<i>Назаров А.В.</i> Имя как парадигма судьбы. Рассказы «Казимир Станиславович», «Аглая», «Преображение» в контексте творчества И. А. Бунина	144
<i>Слёзкина Г.П.</i> «Вечная тема – любовь»	164
<i>Смирнова С.А.</i> «Нет в мире разных душ и времени в нём нет!»	183

3. Памятные встречи

<i>Зиборов В.Н.</i> Подарок для профессора	195
<i>Маркова Е.Н.</i> Бунинские тропы к Грунинскому храму	200
<i>Пичуричкин С.А.</i> Тёмная аллея	210

4. Памяти Бунина

<i>Акакиева О.Ю.</i> «... Лишь слову жизнь дана»	243
<i>Макарова Е.В.</i> Родные сердцу именам	254

5. О роде Буниных

<i>Рыльчиков И.В., Рожанский И.Л.</i> ДНК-тесты замечательных людей: Иван Бунин (первые сюрпризы)	259
---	-----

6. Поэзия о Бунине

<i>Макаров Ю.А.</i>	285
<i>Назаров А.В.</i>	297
<i>Борисова-Озёрная В.А.</i>	304
<i>Карасёва Л.Н.</i>	306
<i>Черноглазкин С.Ю.</i>	309
<i>Родионов С.А.</i>	314

7. Сведения об авторах

315

8. Оглавление

325

Общественное объединение
БУНИНСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

Научно-популярное издание

**Вестник
Бунинского общества России**

БУНИН И РОССИЯ

**Юбилейный выпуск
к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина**

Издаётся совместно
с Библиотекой имени И.А. Бунина,
Москва

Составитель: Д.М. Минаев
Редактор: Г.И. Пикулева
Вёрстка: В.С. Забадаев

Подписано в печать 13.06.2020 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Cambria. Усл. печ. л. 20,5.
Тираж 300 экз. Заказ 20052801

Книга свёрстана и подготовлена к печати:
© ООО «Век информации», 2020 г.
NASHSAIT.COM

